

ПСИХОЛОГИЯ ФРЕЙДА И ПОСТФРЕЙДИСТЫ

АКТУАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

J.A.C. Brown

**FREUD AND
THE POST-FREUDIANS**

Джеймс Браун
ПСИХОЛОГИЯ ФРЕЙДА
И ПОСТФРЕЙДИСТЫ

Послесловие
А.М. Руткевича

«Рефл-бук»
«Ваклер»
1997

УДК 159.9.019
ББК 88.8

Ответственный редактор С.Л. Удовик
Перевод В.И. Менжулин, В.Ю. Кушаков,
В оформлении использована картина
А. Экстер "Беспредметная композиция", 1917-1918(?).

Перепечатка отдельных глав
и произведения в целом
без письменного разрешения
издательств «Рефл-бук» или «Ваклер»
запрещена и преследуется по закону.

ISBN 5-87983-027-6, серия	© The Estate of J.A.C. Brawn,
ISBN 5-87983-059-4 («Рефл-бук»)	1961, 1964
ISBN 966-543-002-5 («Ваклер»)	© Оформление, серия, послесловие, изд-во «Рефл-бук», 1997
	© Перевод, из-во «Ваклер», 1997

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Основные понятия психоанализа	7
Теории Фрейда: общий обзор	27
Ранние отступники	51
Британские школы	75
Психосоматический подход	115
Психоанализ и общество	141
Теории Карен Хорни	167
Теории Эриха Фромма	191
Гарри Стэк Салливан и другие	211
Оценки и приложения рассмотренных теорий	241
Послесловие. А.М.Руткевич. Современное состояние психоанализа	283

ОТ РЕДАКЦИИ

Джеймс Браун родился в 1911 году в Эдинбурге. После получения степени по медицине в Эдинбургском университете, он путешествовал и занимался исследованиями во многих европейских странах, а в годы войны был специалистом по психиатрии в Центральной Азии. После войны, испытывая все больший интерес к проблеме приспособления нормального индивида к обществу, он поступил в большой промышленный концерн, в котором проработал семь лет. Этот опыт Дж.Браун обобщил в книге "Социальная психология промышленности". Впоследствии он стал заместителем директора Института социальной психиатрии в Лондоне и занимался лекционной и консультационной работой в области медицины и промышленности, вплоть до своей смерти в 1965 г. Он является автором целого ряда книг по психологии и психиатрии, среди которых: "Страдающий разум", "Эволюция общества", "Техники убеждения".

В своей наиболее значительной книге "Психология Фрейда и постфрейдисты" Дж.Браун объясняет основные понятия психоанализа Фрейда, а также рассматривает эволюцию его учения в работах таких известных психоаналитиков, как Адлер, Юнг, Ранк, Штекель, Хорни, Фромм, Салливан, анализирует работы многих других постфрейдистов.

Данная книга выдержала множество изданий и стала классической. Следует, однако, отметить приверженность Дж. Брауна к длинным и тяжеловесным предложениям и длинным параграфам (до 10 страниц в оригинале). Поэтому редакция для удобства чтения разбила его параграфы на более короткие и максимально старалась упростить изложение, не нарушая стиля автора.

Приводимая в приложении статья А.М.Руткевича, написанная специально для этого издания, дает картину современного состояния психоанализа и его положение среди других психологических концепций, а также отражает направления их развития. Издательство надеется, что данная книга не только послужит хорошим вспомогательным материалом для студентов психологических факультетов, но и будет интересна специалистам, особенно благодаря сравнительным описаниям различных направлений психоанализа.

Глава 1

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ПСИХОАНАЛИЗА

Слово “психоанализ”, строго говоря, относится исключительно к теории Фрейда и к базирующимся на ней методу исследования и психотерапии. Это осознавал как Альфред Адлер, который, порвав с Фрейдом, дал своей школе название “индивидуальная психология”, так и К.Г.Юнг, пользовавшийся при сходных обстоятельствах наименованием “аналитическая психология”. Пускай первая школа была менее всего индивидуально ориентированной, а вторая — наименее аналитичной из ранних школ, но по крайней мере их основатели отдавали себе отчет в том, что их мысль была не фрейдистской, и следовательно, не психоаналитической. Однако позднее, в частности, в Соединенных Штатах, это слово было использовано для свободного обозначения как всех тех школ мысли, которые ведут свое происхождение от работ Фрейда, но в настоящее время далеко от него отошли, так и для теорий Фромма, Хорни, Салливана и других, квалифицируемых в качестве “неофрейдистов”, несмотря на то, что и они имеют очень мало сходства с оригиналом. Тем не менее, раз уж неофрейдисты существуют, они будут так именоваться и здесь, тогда как термин “психоаналитический” будет сохранен для ортодоксальных воззрений, а “аналитический” (как наиболее безобидное общее понятие) — для того, чтобы охватить все те психотерапевтические методы, о которых можно сказать, что они охотнее используют исследование и объяснение, нежели внушение.

Также удобно рассматривать весь корпус фрейдовской мысли как распадающийся, грубо говоря, на три категории: ее основные психологические понятия, являющиеся предметом данной главы; теории, основанные на клинических наблюдениях и описанные в терминах этой концептуальной схемы, которые очень кратко обсуждаются в следующей главе; и сугубо философские заключения относительно та-

ких предметов, как природа общества и цивилизации, войны и религии, сделанные Фрейдом на основании собственных размышлений и опыта. Независимо от того, является ли подобное деление логически оправданным, оно несомненно является эмпирически полезным, если иметь в виду его влияние на научную мысль; ибо многие примут его общий подход к психологическим проблемам, будучи критичными по отношению к его теориям, а другие признают и то и другое, не принимая всерьез его метафизические выводы. Вероятно, правильно было бы сказать, что не какие-то специальные наблюдения или теории Фрейда, а именно тот метод, с которым он подходил к психологическим проблемам, революционизировал психологию и трансформировал ее из академической и целиком статичной дисциплины, пользующейся терминами, заимствованными из физики и философии, в науку, уходящую корнями в биологию и расширяющуюся до социологии, описывающую поведение в терминах динамики и целеполагания. Академическая психология довольствовалась наблюдением и описанием поведения; Фрейд нашел необходимым его объяснить.

Но он сделал намного больше, ибо вновь, практически безотносительно к теоретическим деталям, он изменил все течение человеческой мысли настолько, что наиболее яростно осуждавшие его взгляды нападали на них с помощью фрейдовских клише и аргументов, которые были бы неубедительны, не будь самого Фрейда. Подобно Копернику и Дарвину, — людям, с которыми он себя сравнивал — Фрейд революционизировал наш способ смотреть на самих себя, подобно им он вполне может считаться скорее творцом мысли, нежели простым открывателем фактов. Коперник разрушил официальную теорию геоцентрической вселенной, вытащив из забвения древнюю гелиоцентрическую теорию пифагорейцев и предложив новые основания (некоторые из них были крайне ненадежными) для ее принятия.

Дарвин взял столь же древнюю теорию эволюции и дополнил ее своими собственными наблюдениями естественного отбора в качестве ее возможного механизма, сделал эту теорию на вид вполне заслуживающей доверия, хотя очень немногие современные биологи считают естественный

отбор достаточным объяснением, делающим несомненным сформулированный Дарвиным принцип естественной биологической эволюции.

Несмотря на то, сколь неадекватными, ненадежными, явно ложными могут быть некоторые из их доводов, мы рассматриваем мир в совершенно новом свете, с тех пор как было открыто наше незначительное положение по отношению к остальному универсуму и показана наша биологическая непрерывность с другими живыми существами, и не будет преувеличением отметить, что эта трансформация завершена Фрейдом, работа которого подразумевала, что у человека богом данный интеллект, как выразился Г.Уэллс, “был не более подходящим для открытия истины, нежели свиное рыло”! Факт таков, что всем этим людям довелось жить во времена, когда, ввиду распада традиционных верований, менялись общераспространенные мнения, и их работа возвещала или способствовала ускорению этих перемен, ибо она согласовывалась с новыми тенденциями мысли. Фрейдовские собственные исследования были основаны на определенных гипотезах, которые сами по себе не оригинальны, но будучи реинтерпретированы и собраны в единую последовательную схему, новы и плодотворны, и вероятно могут служить хорошим введением в его теории.

Принцип каузальности, строго говоря, является скорее не научным законом, а необходимым допущением, без которого невозможна никакая наука. Однако Фрейд был первым, кто применил его к исследованию личности в виде буквального и непреклонного психического детерминизма, который не воспринимает ни одного ментального события в качестве “случайного”. Его предшественники в психологии рассматривали поведение как детерминированное рядом факторов, таких как рациональные мотивы, инстинкты или же чисто механические ассоциации идей по совмещению в пространстве или во времени сущностей, которые они символизируют, либо по сходству. Они не сомневались в том, что все события детерминированы, но различали с одной стороны случаи, при которых была известна или могла быть легко установлена одна четкая причина или их ряд, а с другой — случайные события, являющиеся результатом

многих отдельных и очевидно тривиальных причин, анализировать которые было бы бесполезно или невозможно.

Было принято считать, что большинство психологических событий такой природы, и следовательно они могут лишь обсуждаться в общих описательных терминах, а не детально анализироваться в каждом отдельном случае. Фрейд вступил в противоречие с этой обычной интерпретацией психологического детерминизма. В своих ранних исследованиях истерических пациентов он сумел показать, что явно иррациональные симптомы, веками ставившие врачей в тупик, оказывались полными смысла, будучи рассмотренными в терминах тягостных воспоминаний, которые были вытеснены в бессознательное и стремились найти себе выражение. Таким образом, в психической жизни индивида появлялась логическая связность, и следовательно симптомы были не таинственными вторжениями извне, а, скорее, преувеличенными выражениями общих для всех процессов, обнаруживающих специфические стрессы, развивающиеся у пациента. Они не были случайными в классическом смысле, и причины могли быть раскрыты посредством анализа. Аналогичные рассуждения были применены к другим событиям, казавшимся случайными и иррациональными: ошибкам обыденной жизни, снам, оговоркам, явным совпадениям, происходящим у некоторых индивидов на протяжении жизни.

Естественно, ни Фрейд, ни кто-либо из его последователей никогда не отрицали существование событий, являющихся случайными в первоначальном смысле слова, то есть происшествий, вызванных вторжениями из иных систем и не оказывающих влияния на личность индивида, испытывавшего их. Шифер, падающий с крыши и ранящий человеку голову — это вещь именно такого рода; а женщина, обнаружившая, что она вышла замуж за пьяницу может быть просто неудачливой или легкомысленной; но если физически здоровый человек с нормальным мышлением неоднократно попадает в дорожные аварии, или если неудачливая женщина три раза подряд выходит замуж за алкоголиков, тогда у нас явно было бы право считать, что виной тому является их личность, а не их окружение. Этот феномен,

названный фрейдистами навязчивым повторением, встречается клинически (как в последнем случае) наиболее часто при выборе супруга, когда каждый раз выбирается один и тот же личностный тип и отношения неизменно являются садо-мазохистскими.

Аналогично, ни один фрейдист не склонен отрицать того, что сон скорее приснится, если человек будет спать в неудобной или чужой постели после плотного ужина, или что лица и события, изображенные во сне, могут отражать его недавние переживания, но он будет отрицать то, что эти посторонние факторы каким-либо образом объясняют внутреннее значение сна, интерпретация которого, как утверждается, может быть представлена как детерминированная чисто личными проблемами индивидуальной эмоциональной жизни. Фрейдовская концепция психического детерминизма не постулирует наличие во всех ментальных процессах простой однозначной связи между причиной и следствием, она признает, что простое событие может быть *сверхдетерминировано*, будучи суммарной общей линией действия многих сил: конститутивных, развивающих или идущих извне. Согласно этому воззрению личность лучше раскрывается тогда, когда интеллект осуществляет наименьший контроль и, следовательно, сны пациента, его поведение под действием наркотиков или алкоголя, случайные *lapsus linguae**, события, забытые им по непонятным причинам, говорят о нем больше, чем его социально-контролируемое поведение. Таким образом, эмоционально контролируемый пациент, редко видящий сны, неспособный пуститься по течению бесконтрольных идей в свободных ассоциациях, ставит перед аналитиком сложную проблему.

Роль, которую играет бессознательное, является другим основополагающим постулатом фрейдовской теории, хотя, конечно, пока имелось в виду простое признание бессознательных психических процессов, это было отнюдь не оригинально. В самом деле, раз принимается, что психические события имеют причину и личность имеет связность, то необходимо допустить нечто подобное для того, чтобы объ-

* Оговорка, оплошность (лат.) — Прим. ред.

яснить бессвязность демонстрируемого поведения — и фактически все психологические школы делали это, используя различную терминологию. Например, Альфред Адлер редко упоминает о бессознательном, но поскольку адлеровский анализ предназначен для того, чтобы привести пациента к осознанию своего образа жизни и фиктивных целей (т.е. его реальных, но невротических целей, представленных в его действительном поведении и контрастирующих с тем, что он сознательно считает своими целями), то явно предполагается, что последние были бессознательными до лечения.

У психологов понятие “установки” (*attitude*) имеет сходное значение, и даже бихевиоризм в случае с условным рефлексом демонстрирует, что предмет эксперимента реагирует не на непосредственный стимул как таковой, а автоматически — то есть в определенном смысле слова бессознательно — по своим прошлым ассоциациям. Подобный механизм, естественно, выгоден в простых ситуациях, когда он обеспечивает быструю реакцию, сохраняет нервную энергию и, вероятно, должен вести к удовлетворительному результату; ибо если звон колокольчика много раз непосредственно предшествовал выдаче пищи в прошлом, нет оснований для того, чтобы в будущем он не продолжил делать то же самое, и слюновыделение у ожидающего не является неуместным. Но относительно простые ситуации, предлагаемые собакам или людям, существенно отличаются от сложных человеческих ситуаций, и человек, реагирующий на все авторитеты точно так же, как он это делал по отношению к первоначальному авторитету ненавистного отца, вероятно столкнется с трудностями. Многие во фрейдовской теории невротизма может быть объяснено в терминах условных рефлексов, которые оказываются разновидностью различающего поведения, необходимого для высших психических функций (это значение имеют термины “фиксированный” или “условно фиксированный”), и, наоборот, мы можем думать об условном рефлексе в терминах бессознательных ассоциаций, хотя и не обязательно вытесненных во фрейдовском смысле. То, что не все психологи используют слово, не означает, что они не размышляют в терминах,

которые предполагают данное понятие. Это делает еще более непонятным тот факт, что одним из первых критических замечаний, направленных против Фрейда, было абсурдное академическое утверждение о том, что говорить о “бессознательном разуме” — это терминологическое противоречие, ибо “разум” (*mind*) сознателен по определению. На самом деле он не создавал ни термин, ни понятие, а выучил их, будучи шестиклассником венской школы, в которой ему преподавали психологию Гербарта примерно тогда же, когда Уильям Джеймс в Америке занимался популяризацией слова “подсознательное” и демонстрировал важность данного типа мотивации в психической жизни. Фрейд был очень великим человеком, но в равной степени нелепо, как некритическое, предположение, что все его основные понятия были полностью оригинальны, так и весьма ученое утверждение, что они происходят из таких превозносимых источников, как Платон, Спиноза, Ницше или Шопенгауэр. Напротив, они основывались на идеях, которые в ту эпоху, когда он развивал свои теории, в той или иной форме носились в воздухе, причем скорее в среде психиатров, психологов и врачей, нежели среди философов, работы которых он вряд ли изучал в течение этих ранних лет.

Явно, что он до поздних лет не был знаком с работами Ницше или Шопенгауэра, и в плане влияний нужно учитывать, что Фрейд, подобно многим ученым его эпохи, был рационалистом и материалистом, восхищавшимся Дарвином, от которого он и взял свой эволюционистский и биологический подход; что он изучил гербартовскую доктрину бессознательного в школе и впоследствии стал врачом, специализирующимся в неврологии, но обнаружив, что многие из его пациентов страдали скорее от психологических, нежели от органических расстройств, уехал в Париж, где увидел, что гипноз может вызвать и удалить истерические симптомы, а также услышал от Шарко, что “в основании болезни всегда лежит секс”, что, наконец, по своему возвращению в Вену он обнаружил Брейера, по-новому использующего гипноз, но не будучи особенно хорошим гипнотизером, был вынужден достигать подобных результатов иными средствами. Вследствие этого опыта фрейдовская

картина бессознательного значительно отличалась от концепций его предшественников тем, что он изобразил его как динамическую силу, а не как “мусорную корзину” для идей и воспоминаний, которые опустились ниже порога осознания ввиду своей относительной незначительности и из-за недостатка психической энергии для их попадания в сознание. Он смог показать, что дело обстоит прямо противоположным образом, что бессознательное играет преобладающую роль в психической жизни, поскольку оно черпает свою энергию у инстинктивных влечений (*instinctual drives*), а его содержания не пропускаются в сознание не потому, что они недостаточно значительны, а потому, что они могут быть настолько значительны, что могут восприниматься как представляющие угрозу для эго. Когда это случается, они активно подавляются и могут найти выражение лишь окольными путями, такими как симптомы, определенные черты характера и другие уже упоминавшиеся феномены, представляющие собой компромиссное разрешение конфликта между ищущими выхода примитивными влечениями и навязанными эго и супер-эго образцами поведения, которым положено сдерживать их как нереалистичские, противоположные личным ценностям индивида или тому, что, как он считает, ожидают другие. Вытеснение само является бессознательным процессом и в замаскированной форме истинная природа влечений остается неизвестной их обладателям после того, как они трансформируются посредством эго-защит. Более широко Фрейд описал принцип удовольствия, который подталкивает организм к удовлетворению влечений (*drives*), но сталкивается с принципом реальности; эта несколько неудачная терминология скорее усложняет, нежели упрощает его ценное понятие о тенденции к постоянству психических феноменов, аналогичное тому равновесию в физиологической сфере, которое позднее было обозначено Кенноном как “гомеостаз”. Точно так же, как снижение количества сахара в крови быстро исправляется путем распада гликогена в печени и образования глюкозы, или высокое потребление соли вызывает повышенную потерю жидкости, выносящую вовне ее излишки, так и влечения, которые нарушают психическое

равновесие, имеют тенденцию к удовлетворению, предполагающему понижение напряжения; но в данном случае приученность эго идти обходным путем может затормозить их непосредственное и прямое удовлетворение в целях более полного благополучия организма как социального животного. Невротические симптомы с этой точки зрения являются попытками неустойчивого компромисса в удовлетворении влечений, несовместимых с другими доминирующими тенденциями личности которые были заторможены с помощью реакций, выработанных путем обучения. Например, фобия, выражающаяся в боязни ножей или же характерное преувеличенное отвращение ко всяким формам агрессивного самовыражения может маскировать глубоко сидящие деструктивные желания, а бешеный страх подвергнуться сексуальному нападению может скрывать похоть. Подобные компромиссные решения крайне нереалистичны и неудобны, но они служат непосредственной функции сохранения у индивида нетронутым его самоуважения в ситуациях, которые он, будучи тем, кто он есть, интерпретирует как опасные, что дает ему возможность оставаться поглощенным примитивными желаниями, которые перетолковываются в терминах страха и отвращения.

Однако далеко не единичен образ демонстративно пацифической личности, ненавидящей все формы жестокости и грубости (вплоть до обнаружения их там, где другие этого не видят), а еще известной своим ближайшим товарищам как лицо, склонное к драчливости и одержимое нездоровым интересом к газетным сообщениям о садизме; или пуританина, который, ненавидя порнографию, тем не менее считает своим долгом исследовать в своей местной библиотеке все потенциально порнографические работы. На более поверхностном уровне судорга у пишущего канцелярского служащего скрывает его отвращение к своей работе, которое ввиду наличия семьи, других форм ответственности или в соответствии с его представлением о самом себе как о человеке чрезвычайно добросовестном, он отказывается признать, а под солдатским неврозом боя прячется недопустимый страх действовать. Симптомы являются средством предотвращения разрушения остатка личности тем, что

было вытеснено — возможно сексуальной враждебностью и связанным с ней беспокойством и чувством вины — и поэтому в определенном смысле было бы правильно сказать, что невротик имеет желание заболеть. Эта тенденция осуществлять контроль над собой, над обстоятельствами или за поведением других, выдавая свою слабость за силу или же используя ее в качестве оружия, была признана Адлером лежащей у истоков всех неврозов, тогда как Фрейд, признавая важность и универсальность подобных “вторичных выгод” считал, что они являются не более чем попытками борьбы с личными проблемами, которые выросли из более глубоко укорененных конфликтов.

Приведенные примеры иллюстрируют третий фрейдовский постулат: всякое поведение мотивировано и целенаправлено. Его ранняя работа об истерии показала, что симптомы могут быть поняты в терминах психического детерминизма, а также то, что они имеют свою собственную цель. Пациент с истерией забыл события, которые ему хотелось забыть, ибо они были болезненны или казались сознательному “я” дискредитирующими, в то время как симптомы были признаны осуществлением желания. Так как воспоминания восстанавливались при гипнозе или посредством свободных ассоциаций, казалось, что в деле замешаны сексуальные происшествия раннего детства, которые, будучи нестерпимыми для взрослого сознания, были подвергнуты цензуре и вследствие этого поддаются выражению лишь в замаскированной форме симптома. Данное объяснение по определенным причинам будет обсуждаться ниже, оно в своем первоначальном варианте оказалось неприемлемым, но было первым шагом по направлению к современной психологии и резко контрастировало со взглядами, сложившимися к концу прошлого века. Брейер, фрейдовский коллега этого периода, стал осознавать важность бессознательного и фактически предвосхитил Фрейда, заметив, что в том раннем случае с Анной О. истерический паралич руки был непосредственно связан с забытым событием и исчезал, когда это событие вспоминалось под гипнозом. Но для него выбор симптома был случаен, он был результатом простого совпадения: рука пациентки была в неудобном положении,

когда она находилась в суггестивном состоянии (рука “заснула” пока Анна дремала, сидя возле отцовского смертного ложа). Фрейд счел необходимым объяснить, почему специфическое воспоминание было подавлено и почему его забвение должно было иметь патологические последствия; Брейер этого не сделал. Напротив, он видимо солидаризовался с Жане и с другими в том, что психика истерика ненормально внушаема и по своему строению лишена способности оставаться целостной и именно поэтому при стрессе она склонна к фрагментации на системы, действующие независимо. Шарко выразил общепринятое воззрение, заявив, что истерия — это форма наследственного вырождения на физиологической основе, и этому определению придавал определенное значение и сам Фрейд; но в то время как у остальных психиатров их подход к психическим расстройствам основывался на поиске подобных общих законов, управляющих появлением психических феноменов, он рассматривал их цель. С течением времени его ранняя теория осуществления желаний уступила место удовлетворению либидозных и инстинктивных потребностей, а в конечном итоге — целенаправленности.

Эти взгляды критиковались по многим основаниям, особенно когда Фрейд начал применять свои открытия к неврозам, отличным от истерии, и к поведению нормальных людей. Это аргументировалось тем, что теории, основанные на исследовании ненормальных индивидов, принадлежащих к крайне небольшой и предельно нетипичной социальной группе, не могут беспорядочно использоваться за пределами той области, в которой они возникли. Однако он продолжал это делать и в результате этот аргумент сейчас мало используется, а все психиатры, как бы они не относились к психоанализу, едины в признании того, что невротическое и нормальное поведение различаются по степени, а не качественно. Современные неопрейдистские школы, не оспаривая это заключение, при определении того, что должно считаться нормальным или ненормальным, поднимают вопрос о культурных влияниях, и при этом показывают, что нечто считающееся у европейцев несомненно ненормальным, в других культурах может лежать у самых ис-

токов социальной структуры, и что наши характерные причины конфликтов не обязательно являются универсальными. Это не касается главного фрейдовского предмета, заключающегося в том, что, как выражается Гроддек, “мы живем нашим бессознательным” и функция разума состоит в направлении этой энергии по каналам способов выражения, соответствующих требованиям общества и объективной реальности, которые могут варьироваться в зависимости от времени и места. Но ни в одном обществе никто не проживает свою жизнь посредством рационального планирования каждого отдельного действия или эмоции, поскольку нормальные, равно как и ненормальные цели в огромной степени бессознательно детерминированы и сущность нормальности заключается в том, что бессознательные цели человека и его сознательные устремления должны находиться по отношению друг к другу в гармонии и соответствовать ситуации, в которой он ищет себя. Фрейд также подвергался упреку за свою тенденцию относиться к бессознательному так, как будто оно имело фиксированное географическое расположение с неприступными границами, сохраняло специфические методы исследования и содержало материал, который мог выражаться лишь в замаскированной форме.

Адлер, как мы увидели, редко пользовался этим понятием в его первоначальной форме, хотя бессознательная мотивация явно имплицитно содержится в его психологии, а Вильгельм Штекель предпочитал мыслить в таких терминах как “скотома” или “мертвая точка”, которые он, по-видимому, рассматривал как преднамеренно не допускающие осознания в интересах самоуважения пациента. Либо Фрейд просто говорил метафорически для того, чтобы сделать более понятными сложные психические события, либо он не полностью освободился от тенденции воссоздавать типичные черты старой механистической и во многом дескриптивной психологии, но ясно, что высший смысл его работы был в том, чтобы побудить психологов мыслить не отдельными психическими сущностями или положениями, а в терминах процессов. Сходным образом, хотя психоанализ обычно (и совершенно корректно) обозначается как психология инс-

тингов, возможно именно Фрейд как никто иной сделал много для разрушения старого понятия о человеческих инстинктах как автоматических реакциях (таких как у других животных) на специфические стимулы, заменив их понятием об относительно недифференцированной энергии, способной к практически безграничным вариациям в опыте.

Действительно, Фрейд пользовался не термином *Instinkt*, который в английском языке означает инстинкт в том смысле, в котором он был определен выше, а словом *Trieb* (ошибочно переведенным как “инстинкт”, но более корректно звучащим как “влечение” (*drive*)) — термином, которым пользуется большинство психологов сегодня. Как указывает Фенихель, для *Triebe* характерно то, что у них могут меняться цель и объект вследствие воздействий, идущих извне, и Фрейд одно время считал, что они могут возникать вследствие такого воздействия. Этот интерес психоанализа к “как” и “почему” человеческого поведения, а также тот факт, что нынешние симптомы связаны с минувшими событиями — все это неизбежно вело к поиску истоков, которые вызывают замену узкосекционного видения нынешних реакций пациента на их более длительное рассмотрение, представляющее проблему исторически и в развитии. Школы или идеи старой психологии возможно воспринимали поведение сквозь призму мозга, который, находясь изолированным в своей башне из слоновой кости (как в буквальном так и в переносном смысле), был седалищем разума. Таким образом, даже для тех, кто не был абсолютным материалистом, казалось вполне разумным верить в то, что в случае заболевания расстроен был именно мозг и что разум функционировал плохо из-за повреждения его инструмента или не соответствования его нужным параметрам, для материалистов же проблема была еще более проста. В конечном счете для большинства дуалистов и для всех материалистов заболевания разума и заболевания мозга были фактически синонимами. Фрейд был материалистом, использовавшим психологическую терминологию (он называл ее своей “мифологией”) для описания процессов, которые на его взгляд в один прекрасный день, в той мере, в которой речь идет об их телесном компоненте, смогут быть описаны в физи-

ко-химических терминах; хотя они взаимодействовали с окружением, наиболее значительной частью которого были другие человеческие существа, он видел систему как целое, то есть как надличностное образование, поскольку личность с ее физиологическими корнями развивается в течение жизни, находясь в отношениях с другими. Личные черты не *могут быть* просто академически описаны, ибо изначально их нет, а есть потенциалы, которые развиваются в ходе попыток индивида адаптироваться в ситуациях, с которыми он сталкивается в течении жизни. Всегда признавалось, что младенец является предком человека, но Фрейд настаивал на безмерной важности младенчества и раннего детства как периода, в течение которого недифференцированная психика новорожденного ребенка формируется и приобретает направления, по которым он будет следовать позднее.

Эти четыре постулата — психический детерминизм, роль бессознательного, целенаправленная природа поведения, а также принцип развития или исторический подход — в той или иной форме были приняты всеми аналитическими школами и, вероятно, большинством из тех психологов (они отнюдь не так многочисленны, как это мог бы ожидать непосвященный), которые связывают себя с изучением личности. Но есть еще два вытекающих и взаимосвязанных постулата, являющихся фундаментальными для ортодоксальной фрейдистской теории и которые, особенно в последнее время, вызвали глубокие разногласия во многих уголках мира и особенно в Соединенных Штатах: ее биологическая ориентация и теория либидо. Для данного анализа принципиально, что главное разделение произошло между той тенденцией, которая может быть обозначена как школа либидо Фрейда и его последователей с одной стороны, а с другой — школами “не-либидо” (non-libido schools) Адлера, Хорни, Салливана и других, о которых практически можно сказать, что они построили свои теории непосредственно в противовес данным понятиям. Подробное обсуждение этих различий следует на время отложить, но говоря в целом, практический вопрос заключается в том, действительно ли личность базируется на биологических (главным образом сексуальных) влечениях, которые укоренены в теле с его устойчивой

наследственной конституцией и неизменно проходят через определенные стадии развития в течении первых пяти лет, а затем прекращают развиваться, но их поведение продолжает испытывать влияния на протяжении жизни, либо же, как верят неотрейдисты, это социальный продукт, использующий биологическую энергию, но модифицирующий ее по мере обстоятельств, подверженный сильному влиянию, но свободный от жесткой детерминации со стороны конституциональных или развивающих факторов, которые в целом менее важны, нежели культурные факторы, а также обладающий потребностями, вырастающими как из общества, в котором живет индивид, так и из его биологии. Никто не отрицает важности биологических факторов или того, что вся психическая энергия может быть укоренена в теле, но школами “не-либидо” отвергается направленность всего поведения на удовлетворение биологических потребностей именно тем путем, который был предложен Фрейдом. Если, например, кто-то принимает в качестве аргумента ортодоксальный тезис о том, что запор или коллекционирование является чертой, связанной с определенной стадией развития либидо — анальной удерживающей фазой, то с точки зрения неотрейдистов и многих других кажется абсурдным продолжать надеяться на то, что это и есть полное и адекватное объяснение коллекционирования в целом. В сущности они говорят, что первый тезис возможен, но второй является нелепым.

Опыт свидетельствует, что на каждого коллекционера марок, удовлетворяющего свои либидозные потребности на анальном уровне найдется дюжина занимающихся коллекционированием потому, что это выгодно делать, потому что их друзья тоже коллекционируют, или просто потому что им подарили альбом для марок в тот момент, когда они раздумывали, какое бы хобби выбрать. Более того, как указывает Фромм, есть исторические периоды, такие как рост капитализма в конце восемнадцатого столетия, когда анальные черты — стяжательство, пунктуальность, регулярность, чистоплотность и мелочное внимание к деталям — преобладают и становятся этосом целого общества, которое превращает их в добродетели. Это трудно объяснить, пользуясь

чисто биологическими гипотезами, — считают некоторые критики, подразумевающие либо изменение образцов воспитания детей, вызвавшее индустриальную революцию, либо же изменение экономической структуры, вызвавшее появление нового типа личности, что равносильно признанию того, что биологический фактор не является первичным и существуют еще социальные факторы.

На самом деле конфликт здесь отсутствует, поскольку все, кто придерживаются биологической точки зрения, должны указать как в изменении экономической системы процесс естественного отбора автоматически выбирал тех, кому лучше всего было бы его избежать, и, помимо всего прочего, продолжал бессознательно увековечивать преуспевающий тип с помощью методов воспитания детей. Но, вероятно, справедливо было бы утверждать, что фрейдисты, большей частью своими выводами, нежели тем, что они действительно говорят, вызывают впечатление, что, к примеру, игра на музыкальном инструменте или интерес к математике (считать = играть пальцами с целью достижения удовлетворения) *только* эквиваленты мастурбации, точно так же, как все припасенное или собранное суть *только* символические испражнения. Историк или обществовед должен оценивать подобные высказывания не как истинные или ложные, а как абсолютно неуместные, и многие психологи согласились бы с Олпортом в том, что установки или черты характера могут образовывать собственную функциональную автономию и впоследствии черпать для себя энергию из совершенно иных источников, нежели те, которые мог бы предложить узко редуктивный анализ их первоначального происхождения.

У Фрейда, согласно интерпретации его критиков, такой же взгляд на человеческую природу как и у Гоббса и Дарвина, изображающих общество как массу изолированных индивидов, сталкивающихся и борющихся друг с другом в целях естественного отбора, наиболее естественной эмоцией которых является враждебность, но при определенных обстоятельствах склонных объединяться для самозащиты. Их башни из слоновой кости скрывают их внутреннюю злобонную пещеру, при входе в которую они безжалостно об-

менивают свои физические потребности и личные взаимоотношения на частную корысть, возвращаясь к глубочайшим тайникам дабы овладеть ими без помех; и, в конце концов, это не удивительно, ведь эмоциональное развитие прекращается у них в возрасте пяти лет и любая черта характера, появившаяся в последующие годы, лишь простой камуфляж, скрывающий то, что происходит внутри. Снаружи башни выставляются напоказ их картины, их *objets d'art*^{*}, их музыкальное мастерство и остроумие, или их научная любознательность, тогда как психоаналитик совершенно прекрасно знает, что изнутри они мажут стены грязью или получают “удовольствие от удерживания”, удовлетворяя свой аутоэротизм, или готовятся склевать или разорвать любой источник разочарования. Люди, склонные к научности, все-таки уделяют определенное внимание миру вокруг них, но особо той его части, где они могут быть свидетелями интимных отношений между родителями или другими взрослыми — в попытке завладеть этим тайным и запретным знанием они способны впоследствии убедить себя и других в том, что их сексуальная любознательность была на самом деле незаинтересованным поиском истины в масштабах всего универсума.

Выражаясь более объективно, Фрейд верил в личность как социальный атом, который нуждается в общении лишь в целях удовлетворения своих потребностей; в первоначальную враждебность, столь сильную, что лишь явная необходимость либо направленная на что-то общая ненависть могли бы соединить людей в любви; в определенную биологическую неизбежность наследственной конституции, анатомии и развития, которая четко ограничивает человеческие возможности; во внутреннее частное существование, которое, будучи отчасти результатом ранних личных отношений, в последующие годы представляется имеющим лишь не прямые контакты с внешней реальностью (т.е. причины поведения происходят скорее из биологических и инфантильных источников, нежели из последующих и современных

* Вещи, относимые к произведениям искусства, служащие для украшения жилища (фр.) — Прим. ред.

обстоятельств — Рохайм действительно отрицает существование “влияний окружения”); и наконец, в цивилизацию как результат расстроенных либидозных импульсов, которые были отклонены в сторону символических целей. Фрейдовский биологизм привел его к утверждению о том, что источник имеющегося у человека беспокойства лежит глубоко внутри его самого и не является просто результатом неблагоприятных социальных и материальных условий. Но эти биологические подтверждения первородного греха и предопределения относятся в первую очередь к старым традиционным обществам и как таковые в значительной степени отвергнуты новыми или пост-революционными общественными образованиями, строящимися на противоположном предположении, что люди по природе добры, рождены свободными, равными, имеющими практически неограниченные потенциалы, что вследствие этого всеми испытанными ими беспокойствами они обязаны скорее не индивидуальным, а социальным факторам или окружению.

Эта вера, идущая от Джона Локка и Руссо, попала в Соединенные Штаты благодаря джефферсоновской демократии, а в Советский Союз — через Маркса, чья диктатура пролетариата была, безусловно, продолжением бесклассового общества Руссо; поэтому нет ничего удивительного в том, что обе эти страны приняли участие в рождении бихевиоризма (отвергающего “первородный грех” в форме врожденных идей) или в том, что Америка практически единственная родина социальной психологии. Ибо хотя все школы психологии имеют дело с целостной личностью, требование быть полностью научной и строить свои теории исключительно на прочных фактах и результатах экспериментов или беспристрастных наблюдений фактически не является истиной, так как они неизменно начинают с веры в сущностную природу человека, которая образует имплицитные рамки референций, к которым прилаживаются факты и результаты их наблюдений, а не наоборот (во что они хотят, чтобы верили мы). Таким образом, Дж.Б.Уотсон, отец американского бихевиоризма, который был настолько скептически настроен, что даже отрицал существование памяти, наследственных психических черт и инстинктов, был тем не менее готов

сделать поразительное утверждение, что он мог бы взять любого нормального ребенка и с помощью надлежащих тренировок и обстановки сделать из него “специалиста любого типа на мой выбор — врача, юриста, художника, торговца и, да-да, даже нищего, попрошайку и вора, невзирая на его таланты, склонности, тенденции, способности, род занятий и расу его предков”, не потому что он это открыл (на практике открытие это оказалось намного менее осуществимым), но просто потому, что это логическое следствие веры в то, что люди рождены свободными и равными и что все их беды по сути вызваны окружением. Аристократическое отвращение Фрейда к толпе, которой, как он верил (подобно Вольтеру), должен во имя ее же блага управлять интеллигент, а также его фатализм и убежденность в несовершенстве человека противоречили этим самоочевидным истинам, но неофрейдисты-американцы к собственному удовольствию решили проблему, перевернув Фрейда вверх ногами и превратив его в сторонника джефферсоновской демократии.

Они не *открывали* того, что грех имел социальное происхождение или того, что агрессивность не является врожденной, не делал этого и работавший совершенно иным образом Уотсон, ибо никто на такое не способен и трудно вообразить, как кто-либо когда-нибудь это смог бы сделать. Но и Фрейд не доказывал противного, ибо, по правде говоря, нет разницы между предположением, что враждебность является врожденной и предположением, что она таковой не является, а суть естественная реакция на фрустрацию. Не существует способов научного доказательства того, что люди “от природы” хорошие либо плохие, что их отношение к обществу “от природы” такое или иное, и что когда дела складываются плохо, то виновен либо тот, либо другой, потому что это не научные предположения, а предметы веры и гиперкритика вправе усомниться, имеют ли они вообще какой-то смысл. Фрустрация является и всегда будет универсальной, и враждебность, врожденная она или нет, тоже универсальна, и поскольку индивид только и становится человеческим существом внутри общества, то значит это мнимая антитеза. За пределами этого достаточно бесполезного философствования, однако, стоит реальная

проблема: как лучше всего подходить к решению человеческих проблем на практике — как к индивидуальным или социальным проблемам? Для американского подхода характерен социологизм и неопрейдисты, хотя и работают с людьми с помощью аналитических методов, склонны рассматривать конфликты пациента как микрокосмос социальных конфликтов; в Европе, напротив, подход не просто преимущественно биологический, но, под влиянием Мелани Кляйн и других, все более и более биологический. Научные теории, как отметил кто-то, являются не утверждениями об окончательных и абсолютных истинах, а приспособлениями, полезными для понимания, а поскольку мы понимаем в терминах, соответствующих нашим знаниям, то они неизбежно зависимы от социального фона ученого.

Столь же неизбежно, что психологические теории крайне культурно нагружены. На самом деле важно чтобы они давали удовлетворительное объяснение известным фактам и вели нас к открытию новых. Выяснить как далеко в этом продвинулись различные аналитические школы — дело более поздних глав, в следующей же детально рассматривается фрейдовская теория в ее историческом развитии с тем, чтобы четко уяснить пункты, отделяющие ее от упомянутых школ.

Глава 2

ТЕОРИИ ФРЕЙДА: ОБЩИЙ ОБЗОР

Зигмунд Фрейд родился в 1856 г. в маленьком городке в Моравии, сейчас это Чехословакия, а тогда — часть Австро-Венгерской империи. Он изучал медицину в Вене, ставшей ему домом вплоть до 1938 г., когда нацистская аннексия Австрии отправила его в изгнание в Лондон, где он и умер в 1939 г. Интересуясь поначалу психологией нервной системы (совместно с Карлом Кёллером он открыл анестезирующее действие кокаина), в 1885 г. Фрейд отправился в Париж учиться у Шарко, экспериментировавшего с использованием гипноза в случаях истерии, а по возвращению в Вену сам начал применять этот метод. Однако в данном случае успех был лишь случайностью, ибо не все пациенты могли быть загипнотизированы и даже тогда, когда это происходило, облегчение наступало отнюдь не всегда. Один его коллега, д-р Йозеф Брейер, также применял гипноз, однако вместо того, чтобы вести непосредственное наступление на симптомы, он побуждал пациентов, находящихся в гипнотическом состоянии, обсуждать их эмоциональные проблемы — процесс этот был назван катарсисом или очищением, поскольку казалось, что он освобождает пациента от “запертых” (pent-up) эмоций. Книга Фрейда и Брейера “Этюды по истерии” была опубликована в 1893 г., но вскоре после этого Брейер прекратил сотрудничество, оставив Фрейда продолжать свои исследования в одиночестве. По причинам, которые уже отмечались, Фрейд вскоре прекратил практиковать гипноз и начал использовать другую технику, которой было суждено стать фундаментальной для психоаналитического подхода — технику свободных ассоциаций. Пациентам предлагалось расслабиться на кушетке и говорить все, что приходит им в голову, каким бы абсурдным, неприятным или непристойным оно не представлялось с точки зрения обыденных стандартов. Когда это происходило, оказывалось, что мощные эмоцио-

нальные влечения уносили неконтролируемое мышление по направлению к психическому конфликту, подобно тому как бревна, несущиеся по поверхности могучей реки, приводятся в движение течениями, находящимися под водой.

Во время сотрудничества Брейер и Фрейд сделали вывод, что когда для каждого симптома обнаруживалась специфическая ассоциация и воспоминание, болезненные эмоции канализировались, словно открывались психические нарывы и из них выкачивался гной. Странной чертой этих забытых и болезненных воспоминаний, отмеченной Фрейдом, было постоянство, с которым они обнаруживались именно в связи с травматическим сексуальным опытом детской поры. Поэтому он пришел к заключению, что истерия возникла тогда, когда пациент в детстве оказался пассивной жертвой сексуального обольщения со стороны взрослого, в то время как другой тип психического заболевания — невроз навязчивости (*obsessional neurosis*) — был результатом активного участия в подобных обольщениях детей. Последнее предположение базировалось на фрейдовском наблюдении, что неврозы одержимости неизменно ассоциировались с сильным чувством вины. Фактически это и были те тревожные открытия, которые привели Брейера к разрыву с Фрейдом. В отношении брейеровского шага Фрейд позднее писал: “Когда я начал все более решительно ставить на первый план в этиологии неврозов значение сексуальности, [Брейер] был первым, продемонстрировавшим эту реакцию отвращения и отрицания, которая впоследствии стала мне столь хорошо знакомой, но которую в те времена я еще не научился распознавать как свою неминуемую судьбу” (Collected Papers, Vol. 1). С этого времени вплоть до 1900 г. Фрейд развивал теории бессознательной мотивации, вытеснения (т.е. процесса превращения опыта в бессознательный), сопротивления (т.е. способа, с помощью которого он сохраняется бессознательным), переноса (т.е. эмоциональной связи между аналитиком и пациентом) и причинности неврозов.

Понятие бессознательного играет важную роль в работах психолога Гербарта, которые Фрейд изучал в школе, в записках Карла Густава Каруса, придворного медика коро-

ля Саксонии (1848), и, двадцатью годами позже, в “Философии бессознательного” Эдуарда фон Гартмана, не говоря уже о философии Шопенгауэра и Спинозы. Однако, приведем цитату из “Ста лет психологии” профессора Дж.Ф.Флюгеля: “Фрейдовские теории [по сравнению с гербартовскими] имели огромное преимущество, ибо базировались на годах тяжких и систематических исследований индивидуальных случаев.... По Гербарту оппозиция [идей] в целом представляется интеллектуальной: по Фрейду она зависит от оппозиции в сфере желания; определенные желания несовместимы с иными доминирующими тенденциями личности и по этой причине изгоняются в бессознательное”. Развивавшимся в этот период понятиям свободных ассоциаций, бессознательного, вытеснения, сопротивления и переноса было суждено остаться интегральной частью ортодоксальной фрейдовской теории, но гипотеза о “психическом нарыве” как причине невроза и теория, что тревога — это всегда чисто физиологическая реакция на сексуальную фрустрацию, были признаны в значительной степени неудовлетворительными.

В период между 1900 и 1910 г. Фрейд начал развивать новые теории относительно истоков невроза. Как мы увидели, сперва предполагалось, что неврозы были вызваны вытесненными воспоминаниями о действительных фактах сексуального обольщения в детстве, создавших своего рода психический нарыв, который мог быть извлечен лишь посредством высвобождения или же “отреагирования” ассоциированных эмоций. Воспоминание было вытеснено в бессознательное потому, что, по словам Фюгеля (уже цитированным), оно “несовместимо с иными доминирующими тенденциями личности”. Видимо также предполагалось, что когда воспоминание становилось бессознательным, оно было полностью изолировано и не могло осуществлять дальнейшее влияние на личность в целом, если только впоследствии оно не было пробуждено определенным событием. Невроз в эту пору рассматривался чисто как локальное беспокойство, а не как реакция целостной личности. Но в годы между 1900-м и 1910-м Фрейду пришлось изменить свое мнение относительно этих предполагаемых сексуальных обольще-

ний детской поры, когда он открыл, что по меньшей мере во многих случаях подобного обольщения не происходило, и из сообщений родственников оказывалось ясно, что пациент либо лгал, либо воображал событие, которого никогда не было. Поначалу казалось, что это должно нанести последний удар по фрейдовской теории, однако он с характерным упорством начал выискивать новые формулировки для своих убеждений (*beliefs*). Он уже заметил, что не только симптомы, но также и сновидения и обмолвки являются бессознательно мотивированными, что в психическом мире, так же как и в физическом, ничего не случается без причины, и он почувствовал себя вправе предположить наличие определенного адекватного основания тому, что столь большое число его пациентов воображали себя объектом сексуального обольщения со стороны родителя. Обнаружение того факта, что страхи постоянно являются выражением желаний, что сознательный страх это часто выражение бессознательной потребности, привело Фрейда к формулировке двух последующих гипотез, впоследствии ключенных в психоаналитическую теорию: гипотеза об инфантильной сексуальности и эдиповом комплексе. Новая теория в общих чертах выглядит следующим образом:

Постулировалось, что было два великих витальных влечения — влечение к самосохранению и влечение к порождению (т.е. сохранению рода). Первое не представляет огромной трудности для индивида, поскольку оно не встречает препятствий в течение достаточно продолжительного периода времени. Открытому же выражению второго влечения, названного Фрейдом либидо или сексуальной энергией, постоянно преграждали путь репрессирующие силы цивилизации. Первоначально Фрейд, используя слово “секс”, считал, что оно должно пониматься в обыденном смысле, но к этому времени он решил использовать его в более широком дополнительном значении — в применении к любому ощущению удовольствия, относящемуся к функциям тела, а также, через понятие сублимации, к таким чувствам, как нежность, удовольствие от работы и дружба. Иначе говоря, он использовал это слово в отношении того, что обычно описывается как “желание”. Причиной, по которой Фрейд

определил секс таким необычным образом, был тот очевидный факт, что сексуальные усилия взрослых людей не обязательно направлены исключительно на лиц противоположного пола — в случае перверзии они могут быть направлены на лиц того же пола, на самого себя, на животных или даже на неодушевленные предметы. В этом отношении генитальное соитие отнюдь не обязательно является объектом сексуального поведения; рот и анус тоже могут быть привлечены. Наконец, в поведении детей наблюдаются такие действия, которые похожи на извращения взрослых (такие как интерес к мочеиспусканию и дефекации, сосание пальца, демонстрация обнаженного тела и получение удовольствия, видя других обнаженными). Поскольку предполагалось, что инстинкт самосохранения не часто встречается на своем пути препятствия, Фрейд направил все свое внимание на изучение либидо. Заметив, что три отверстия тела — рот, анус и гениталии — были частично ассоциированы с либидозным удовлетворением, он постулировал, что интерес к ним претерпевает развитие в определенной хронологической последовательности с момента рождения и дальше. Для новорожденного младенца — рот это первичный орган удовольствия, поскольку именно через рот он осуществляет контакт со своим первым объектом желания — материнской грудью. Когда грудь отнимается или является недоступной, он хватается суррогат, пытаясь удовлетвориться сосанием пальца или какого-то другого предмета. Этот интерес к области рта, никогда полностью не исчезающий, замечен в удовольствии, которое взрослые получают при еде, курении, поцелуях и — более явно — при половых актах, связанных с ртом. Ранняя оральная (пассивная) фаза этой стадии развития может быть видна непосредственно после рождения и перед тем, как младенец получил грудь, так как сосательные движения наблюдаются еще до подлинного сосания. Однако под наиболее примитивной стадией наделения либидо понимается как диффузное распространение либидо или энергии влечений по всему телу, внутри и по кожной поверхности, которое все более фокусируется на ротовой области, сперва проявляя себя пассивно, а затем активно и агрессивно с прорезыванием пер-

вых зубов в возрасте шести месяцев. Эта более поздняя оральная фаза была описана Карлом Абрахамом, которому принадлежит большая часть теории либидо. Абрахам до того, как занялся психоаналитической работой, был эмбриологом, и для него было естественно мыслить в терминах процессов созревания, что и побудило его поместить либидозное развитие в устойчивую последовательность стадий, каждая со своей типичной зоной и целью. Оральную фазу частично перекрывает и сменяет анальная фаза, характеризующейся агрессивным выталкиванием, а позднее — удерживанием, которое, по всей вероятности, соответствует развивающейся к концу первого года способности контролировать анальный сфинктер. Догенитальная сексуальность как стадия развития заканчивается приблизительно в конце третьего года, когда на ранней генитальной или фаллической фазе интерес начинает концентрироваться на пенисе — слово “фаллический” было использовано Фрейдом для указания на то, что сексуальным объектом являются не гениталии как таковые, а фаллос, потому что данная стадия по его мнению “знает лишь один вид гениталия — мужской”. В отличие от аутоэротических догенитальных фаз, фаллическое удовлетворение требует внешнего объекта. Латентный период с пятого по десятый год является латентным в том смысле, что в это время в либидо происходят лишь количественные изменения, и этот термин означает не отсутствие проявлений сексуальности, как предполагают многие, а просто то, что нет качественного развития. В конце латентного периода может произойти усиление догенитальных влечений, когда ребенок становится менее опрятным и менее дисциплинированным, но затем это сменяется половой зрелостью с соответствующими изменениями функционирования желез, возвещающими приход взрослой генитальности.

Теория либидо сложна и имеет много аспектов, отличных от тех, которые были описаны выше. Они лучше всего выражены в следующей краткой, но достаточно понятной сводке:

- (1) Либидо лучше всего рассматривать в качестве энергии влечений, принципиальным компонентом которой явля-

ется сексуальность (в обозначенном выше широком смысле), но Фрейд никогда не присоединялся к воззрению, что другие инстинкты отсутствуют, или что “все есть секс”. Частичные инстинкты такие, как скопофилия, желание подглядывать, способность к самопроизвольному движению уже были описаны, и это сделало совершенно ясным, что сексуальный инстинкт был избран в качестве наиболее важного из инстинктов, как предмет вытеснения, как “нечто, наиболее нам известное”. Термин “жизненная сила” слишком метафизичен, чтобы быть примененным к понятию, являющемуся чисто биологическим.

- (2) В своих экономических аспектах либидо индивида рассматривается как закрытая энергетическая система, регулируемая физическим законом сохранения энергии, то есть либидо, уходящее из одной области, должно неизбежно вызвать действие где-то еще. Отсюда вытекает убеждение психоаналитика, что любой симптом, снятый посредством внушения (*suggestion*) (т.е. без высвобождения поддерживающей его энергии), проявится в какой-то иной форме; так, например, прекращение курения может быть заменено обжорством, прекращение привычных мастурбаций или сношений — беспокойством. В своей теории остроумия Фрейд рассматривал смех как вспышку энергии, служившую дотолем вытеснению антисоциальных чувств, существование которых общество временно готово допустить в частично замаскированной форме. Остроты о Боге или о теще, замаскированные под “всего лишь в шутку”, снимают вытеснение с садистских чувств, воплощающих подлинную ненависть и отвращение, выражение которых временно дозволено в игривом состязании намеков. Это воплощено в идее Г.К.Честертона о том, что мы смеемся лишь над серьезными вещами, которые обычно должны вызывать симпатию, печаль, страх или благоговение, хотя, очевидно, это применимо лишь к одной форме юмора.
- (3) Либидо проходит уже описанные стадии созревания, каждая из которых биологически детерминирована и сфокусирована на специфической эрогенной зоне (рот, анус, пенис) и имеет специфическую цель удовлетво-

ния (сосание, введение и кусание, удерживание и агрессивное выталкивание, проникновение). Взрослая генитальная сексуальность представляет собой сплав догенитальных и генитальных влечений, и говорится, что сексуальная перверзия может быть представлена лишь тогда, когда догенитальные влечения становятся у взрослого первичными и в качестве цели занимают место генитальных влечений. Но хотя стадии развития либидо биологически детерминированы, признается, что на их развитие влияет имеющая место по мере прохождения через эти стадии реакция различных значительных фигур на детское поведение; действие воспитания, отношение родителей к ранним упражнениям с кишечником (*bowel training*) и мастурбации или запреты вообще имеют непосредственное влияние на относительную акцентированность или расстройство определенных зон и их целей, точно так же, как раннее или позднее время их применения. Непосредственное действие, однако, имеет меньшее значение, нежели задержанные результаты мастурбации и формирование взрослой личности в терминах фиксации; регрессии, объектных отношений, формирования симптомов и характера. Время созревания и обучения является важным потому, что один и тот же акт будет вызывать разное действие со стороны матери в разные периоды жизни ребенка (фазовая специфика); и взаимодействие между событиями, пережитыми на различных стадиях развития также должно быть принято к рассмотрению. Естественно, количественные изменения в конституциональной силе влечения или же в силе стимуляции, а также длительность применения последней, имеют существенное воздействие на конечный результат.

* * *

Формирование характера будет обсуждаться ниже. А сейчас нам нужно лишь отметить, что фрейдовская теория понимает генезис характера в терминах догенитальных влечений, которые под воздействием социального давления меняют свою цель или объект или каким-то способом модифицируются посредством обучения в ходе воспита-

ния. Например, анальный характер, кратко упомянутый в предыдущей главе, может иметь такие черты, как упорство, независимость, собственничество, происходящее из наслаждения от удерживания (например, у ребенка, который на мольбы родителей в действительности отвечает: “Что имею, то и держу”). Фекалии ассоциируются с обладанием и частично с деньгами — в противном случае фрейдисты небезосновательно спрашивают, с какой стати мы пользуемся такими фразами, как “воняющий деньгами”, “грязный барыш”, “спускание денег в канаву” или даже “катание в дерьме”, которые явно уравнивают деньги с фекалиями? Или, спрашивается, с чего бы тяга к пунктуальности и чистоплотности порой достигала патологической степени, не будь она реакцией против примитивного желания грязи и беспорядка? На протяжении оральной стадии младенец узнает о других и начинает устанавливать с ними отношения; на протяжении анальной стадии он учится отказываться от непосредственного инстинктивного удовлетворения с целью понравиться другим или по крайней мере оказывать на них влияние. Во фрейдовской теории считается, что легкость или сложность, пережитая ребенком при прохождении догенитальных фаз, имеет фундаментальное влияние на его позднейшие (уже в качестве взрослого) отношения к таким основным формам поведения, как [способность] давать и брать, неповиновение или покорность, любовь или ненависть, а также по отношению к таким чувствам, как скупость или щедрость, оптимизм или пессимизм, интерес или безразличие к другим. Конфликты или трудности, пережитые на той или иной стадии, могут привести к фиксации либидо на данном пункте, а позднейшие неприятности вызывают регрессию к нему.

Фаллическая фаза, как мы увидели, начинается приблизительно в конце третьего года, когда интерес мальчика концентрируется на его пенисе, и вскоре этот интерес вызывает чувство сексуального влечения к матери, связанное с чувствами ревности и обиды, направленными против отца, ставшего для мальчика соперником в борьбе за материнскую любовь. Это, конечно же, хорошо известный Эдипов комплекс, названный по имени царя из софокловской

трагедии “Царь Эдип”, убившего своего отца и женившегося на собственной матери — в обоих случаях не зная, кто они на самом деле — и тем самым принесший бедствия Фивам. Эдипов комплекс формируется примерно к четвертому или пятому году, в первую очередь ввиду боязни мальчика, что его незаконные желания могут навлечь на него со стороны отца наказание в виде кастрации (комплекс кастрации), затем он сменяется латентным периодом, в течение которого сексуальность становится фактически бездействующей или, по крайней мере, прекращает обнаруживать какие-либо дальнейшие качественные изменения и остается таковой вплоть до периода половой зрелости. В случае с маленькой девочкой положение дел еще более сложное, и Фрейд, кажется, никогда не имел полной ясности в этом пункте. Для обоих — и для мальчиков, и для девочек — первым объектом привязанности обязательно является мать, и предполагается, что после оральных и анальных фаз и те, и другие первоначально имеют фаллическую ориентацию. Девочка начинает интересоваться своим клитором, как биологическим эквивалентом пениса мальчика, но так как этот орган представляется очевидно низшим по сравнению с его мужским аналогом, то у нее развивается завистливое желание быть такой, как мальчик. У Фрейда это называется “завистью к пенису” и постулируется, что имеющая место привязанность девочки к ее отцу — комплекс Электры — из греческого мифа, в котором Электра способствует смерти своей матери, Клитемнестры, убившей ее отца, Агамемнона — возникает лишь тогда, когда она отказывается от надежды быть мужчиной и смиряется с собственной кастрацией как с данным фактом. Во фрейдовской интерпретации мужской эдипов комплекс *разрушается* посредством комплекса кастрации и отбрасывается по причине боязни кастрации, в то время как женский комплекс *вызывается* с помощью комплекса кастрации, когда разочарованная отсутствием пениса, девочка обращает свою любовь на отца и отвергает мать. Тот факт, что девочка думает: “Я была наказана”, в то время как мальчик страшится: “Я могу быть наказан” считается имеющим важные последствия для их позднейшего развития. Но у обоих полов эдипов комплекс

появляется как высшая точка инфантильной сексуальности, а преодоление усилий данного периода при достижении взрослой сексуальности необходимо для нормы, тогда как бессознательная привязанность (прицепленность) к эдиповским тенденциям является типичной для невротической психики.

В отношении этиологии неврозов Фрейд в то время (т.е. до 1910 г.) верил, что каждый тип невроза был результатом регрессии либидо, поток которого был запружен фрустрирующим окружением и, вследствие этого, устремился вспять к более ранним стадиям, на которых либидо в процессе своего развития было частично фиксировано. Психическое развитие никогда не происходит в полном соответствии с планом и характерные черты более ранних ступеней неизбежно сохраняются бок о бок с новыми или у них за спиной; беспокойства вызваны не только полной задержкой развития, но также и сохранением такого количества черт более ранних стадий, которое превышает норму. Фрустрация (расстройство) может вызвать регрессию к той стадии, которая была наиболее удачно пройдена в прошлом, к той, на которой остается фиксированной наибольшая сумма либидо, и для каждого невроза имеется специфический пункт фиксации: утверждается, что у истерика происходит регрессия к фаллической ступени, а у страдающего навязчивостью (*obsessional*) — к анальной. В этот период Фрейд разделял личность на слои в соответствии со степенью их сознательности: перцептуальное сознание, которое содержит нынешнее знание, досознательное или предсознательное, которое хотя и бессознательно в настоящий момент, но может быть вызвано из памяти, и бессознательное, которое не может быть осознано, поскольку оно активно вытесняется.

После своего разрыва с Брейером в 1894 г. и вплоть до начала нынешнего столетия Фрейд работал один. Тем не менее, именно в течение этих лет были написаны его важнейшие работы, особенно “Толкование сновидений” в 1900 г. и “Психопатология обыденной жизни” в следующем, не говоря уже об открытии основных принципов психоаналитического метода, которые обсуждались выше. Он был нето-

ропливым и совестливым исследователем, регулярно представлявшим свои наблюдения отчасти индифферентной публике в течение нескольких лет после того, как они были сделаны, но в 1902 г. положение дел полностью изменилось, когда к нему присоединилась группа венских врачей для проведения семинара по изучению психоанализа. В течение сравнительно короткого промежутка времени психоанализ стал движением, имеющим мировые масштабы, и это несмотря на практически всеобщую ярость, негодование и отвращение, окружавшие в этот момент имя Фрейда за то, что он якобы нападал на детскую невинность и за его "пансексуализм", ярость, которая, не утихая, бушевала вплоть до 1914 г., когда мир получил иной повод задуматься. Даже среди его собственных последователей, в число которых в ту пору входили такие люди, как Абрахам и Ференци, Блейлер, Юнг и Адлер, были такие, у которых имелись свои оговорки и чувство, что его настойчивый акцент на сексуальных корнях невроза, исключая другие факторы, является неудовлетворительным. Адлер начал серьезно расходиться с Фрейдом и в 1910 г. порвал с движением с тем, чтобы основать систему, базирующуюся на тезисе о том, что человеческое поведение может быть объяснено в терминах борьбы за власть с целью преодоления чувства психической или физической неполноценности, и эта система, каким бы ни был ее статус сегодня, содержит три заключения, имеющими величайшую возможную значимость для психоанализа и в конце концов в той или иной форме принятые последним: что невроз является расстройством личности в целом, что эго играет большую роль в его генезисе, и что несексуальные факторы также могут вести к конфликту. Юнг также разошелся с Фрейдом в связи с сексуальной этиологией неврозов, но направление развития его теории претерпело столь сильную дивергенцию, что в целом он имел очень слабое влияние как на ученых, так и на другие аналитические школы; он покинул группу основателя в 1913 г. В годы войны и после нее Фрейд и сам начал изучать эго и развивать теорию целостной личности; он тоже увидел, что ужасающие сновидения солдат, шокированных боем, трудно объяснить в терминах сексуального

символизма или осуществления желаний и что агрессия, так же как и секс, должна быть важным инстинктивным объектом для вытеснения и поэтому способна вести к неврозу. Эти рассуждения привели его, начиная с 1920 г., к созданию нового теоретического остова для психоанализа. Теория инстинктов Жизни и Смерти, навязчивое повторение, деление личности на эго, супер-эго и ид, вместе с новой теорией природы тревоги, ведут свой отсчет с этого времени.

Согласно всесторонне развитой гипотезе имеется два базовых инстинкта — инстинкт Жизни или Эрос, и инстинкт Смерти или Танатос, который некоторыми более поздними авторами был назван “мортидо”^{*} или “деструдо”. Инстинкт Жизни включает в себя старое понятие либидо и часть влечения к самосохранению. Инстинкт Смерти, однако, для мысли Фрейда является чем-то новым — он совершенно отделен от либидо и фактически представляет внутреннюю деструктивность и агрессию, направленную в первую очередь против себя. В то время как инстинкт Жизни является созидательным, инстинкт Смерти — это та сила, работа которой постоянно направлена к смерти и, в конечном счете, на возвращение к первоначальному неорганическому состоянию полной свободы от напряжения или усилия. Навязчивое повторение, проявляющееся в боевых снах солдат в форме повторяющихся сновидений об определенных травматических инцидентах, было признано связанным с тенденцией инстинкта смерти возвращаться к более ранним состояниям (хотя психиатры в целом верили, что подобные сны имели совершенно противоположную функцию - заставить разум ассимилировать опыт, который он в течение какого-то времени находил нестерпимым, с целью достижения интеграции). Поскольку направленная вовнутрь агрессия, независимо от ее источника, представляет опасность для индивида, возникает постоянная необходимость бороться с ней таким образом, чтобы сделать ее менее деструктивной по отношению к нему, а это может быть сделано одним или двумя способами: посредством ее эротизации, то есть посредством соединения ее с либидо, вследствие

^{*} От “mortality” — смертность. — *Прим. перев.*

чего она может принять форму садизма или мазохизма (сексуальных перверзий, в которых соединены секс и агрессия), или же посредством направления ее вовне и превращения в агрессию против других. Кроме того некоторая агрессия участвует в поддержке диктата строгой совести или супер-эго. На основе этой теории Фрейд предположил, что война может быть понята как попытка психологического самосохранения нации, ибо если бы последняя не направляла свою агрессию вовне, то, в конце концов, разрушила бы себя внутренней враждой. Суицид является следствием провала при попытке сохранить себя подобными средствами, и многие меньшие формы нанесения себе вреда от бессознательно мотивированных несчастных случаев, вызывания у себя заболеваний, пагубных привычек и неудач, до более драматических, но отнюдь не редких преступлений, совершаемых с бессознательным намерением быть разоблаченным, могут быть приписаны направленному вовнутрь мортидо. Эта концепция — практически единственное из заявлений Фрейда, которое вызвало бурю протеста среди его ортодоксальных сподвижников, воспользовавшихся преимущественно языком морального осуждения. Но, вероятно, благоразумнее будет принять более взвешенный критицизм Финихеля, согласно которому Фрейд смешал два абсолютно отдельных понятия: первое — что агрессия внутренне присуща человеку и ее движущие силы, как уже говорилось, сами по себе базируются на клинических данных; второе — раз все люди умирают и всякое поведение обосновано стремлением, то все они также должны стремиться к смерти. Последнее является плохим философским положением, которое, кажется, доказывает, что *из того, что* инстинкты стремятся к удовлетворению или снижению напряжения, а смерть является состоянием окончательного снятия напряжения, следует что она и должна быть их конечной целью, а *из того, что* агрессия может оказаться направленной против себя — что демонстрируется клинически — *следует*, что агрессия и инстинкт Смерти это одно и то же. Фрейдовский тезис, в его предельном рассмотрении, является метафизическим и нынешняя позиция большинства психоаналитиков — это принятие его объяс-

нения агрессии и [осознание] превратностей с ее в целом весьма слабой связью как с инстинктом Жизни, так и Смерти.

Эта теория впервые появилась в работе "По ту сторону принципа удовольствия", опубликованной в 1922 г., и практически тогда же вышла в свет книга "Эго и ид", представляющая следующую картину целостной личности. Новорожденное дитя — это бурлящая масса импульсов или инстинктивных влечений, абсолютно лишенных какой-либо направленности или сознательного руководства, и ввиду своей надличностной природы эта примитивная масса характеризуется как "ид" (фрейдовская латинизированная версия гродекковского "das Es" — "оно"). Но поскольку ребенок должен прийти к согласию с внешней реальностью, часть этого первобытного скопления рано или поздно становится обособленной и выделяется в виде "эго" или самости (*self*), первойшей функцией которой является проверка реальности с той целью, чтобы реакции организма согласовывались с тем, что есть, вместо того, чтобы быть ответами, которые либо лишены координации, либо нацелены на прямое и непосредственное удовлетворение. На еще более поздней стадии развития из потребности смотреть в лицо общественным моральным запретам возникает "супер-эго", которое широко отождествляется с "совестью", хотя лишь приблизительно совпадает с этим словом по значению. Если в ранний период ребенок принял моральный диктат своих родителей, их установки, мнения и суждения — в форме более или менее добровольного подчинения внешнему авторитету, то теперь, в процессе идентификации, эту [роль] берет на себя супер-эго. По словам Франца Александера "На смену родительским установкам приходит личность, одна из частей которой (т.е. супер-эго) перенимает ту же установку по отношению ко всему остальному, какую прежде проводили родители по отношению к детям" ("Основы психоанализа" — "Fundamentals of Psychoanalysis"). Супер-эго лишь частично сознательно — этим фактом объясняется следующий часто наблюдаемый феномен: индивид может испытывать глубокое чувство вины после совершения какого-то действия, относительно которого его разум говорил, что оно вовсе не аморально. Фрейд был уверен, что у мальчика

супер-эго выросло из остатков эдипова комплекса, а ощущение вины, некогда базировавшееся на страхе наказания и отвержения со стороны родителей, благодаря введению родительских стандартов внутрь самой психики, стало бременем, наложенным на самого себя. Так как предполагалось, что у мальчика комплекс кастрации является сильнейшим фактором, приводящим к концу эдипову стадию и, следовательно, формирующим супер-эго, и поскольку, как мы уже видели, маленькая девочка вынуждена принимать "кастрацию" как неприятный факт, как *fait accompli*^{*}, постольку маленькие девочки никогда не могут (по крайней мере, фрейдисты говорят так) развить сильное супер-эго. Отсюда вырастает печальный факт слабой женской моральной природы, демонстрацией которой является, как все знают, деяние Евы, одним ударом лишившей нас правомерности нашего рождения и приведшей к необходимости психоанализа.

Структура характера индивида теперь представлялась результатом борьбы между внешним миром, ид и супер-эго. Прimitивные импульсы ид, включая и остатки догенитальных влечений, заняты тем, как сделать их совместимыми с внешней реальностью и моральными устремлениями супер-эго. Это делается несколькими способами, и, следовательно, черты взрослого характера могут быть (а) испытывавшим "торможение перед целью" (*aim-inhibited*) или сублимированным выражением догенитальных либидозных влечений, (б) реактивным образованием (*reaction-formation*) против подобных влечений, или (в) остатком догенитальных влечений. Таким образом стремление к власти или любые иные формы самоутверждения рассматриваются как выражение испытывавшего "торможение перед целью" садизма, все виды привязанности — как выражение испытывавшего "торможение перед целью" секса, а живопись или скульптура — как сублимация анального эротизма. Во всех этих случаях эго создало канал, а не дамбу для либидо, которое в целом направлено по санкционированным обществом путям. Сублимация характеризуется (а) относительно плавным движением догенитальных влечений в направлении к

* Свершившийся факт (фр) — Прим ред

альтернативным целям, и (б) выбором целей, признаваемых обществом. Так, приписали ли мы подстрекательские тенденции и пироманию садистско-деструктивным влечениям либо уретральному эротизму, ищущему удовлетворения в литье воды на огонь, мы имеем право заключить, что человек с подобными тенденциями, ставший хорошим и полезным членом пожарной бригады, сублимирует их, тогда как тот, кто склонен зажигать огонь, а вступил в пожарную бригаду для того, чтобы иметь возможность его тушить, не будет иметь успеха в сублимации. Если сублимируются только догенитальные влечения, значит ни мы не можем говорить об этом механизме в отношении к бездетной женщине, получающей удовольствие от присмотра за детьми других, так как в данном случае цель влечения не является догенитальной, ни сама цель не может быть изменена. Это пример субституции (замены), а не сублимации. Реактивное образование — это механизм, в котором запрещенное влечение прочно вытеснено и либидо запряжено появлением противоположных тенденций, которые поддерживают вытеснение и представляют эго обществу в выгодном свете. Результирующие тенденции преувеличенного пуританизма или мягкости не являются удачными приспособлениями отчасти ввиду отсутствия предполагаемого ими самопознания, отчасти ввиду истощенной психической энергии, используемой для поддержки вытеснения, но главным образом ввиду того, что они являются неудачными в их собственной теорминологии и даже неспециалист способен ощутить похотливость, лежащую под этой “чистотой” и садизм, находящийся под этим типом “мягкости”. Одной из целей психоанализа, в той мере, в которой рассматривается характер, является трансформация подобных реактивных черт в подлинную сублимацию. Фрейдовское видение развития личности предполагает понятие обучения, в котором акцент сделан на влиянии воспоминаний при восприятии нынешних стимулов вплоть до того, что все нынешние восприятия обусловлены прошедшими и, как он пишет, “...внутренние восприятия воображаемых (*ideational*) и эмоциональных процессов проецируются вовне и используются для придания формы внешнему миру, тогда как они до-

лжны были остаться во внутреннем мире". Этот процесс был подмечен Гербартом, назвавшим его "апперцепцией" и предоставившим следующую дефиницию: "Процесс, при котором новый опыт ассимилируется и с помощью остатков старого опыта любого индивида трансформируется в форму нового целого". Но существование апперцепции в более строгом фрейдовском смысле имеет два важных следствия, первое заключается в том, что мир, такой, каким он переживается здесь и теперь, состоит из восприятий (перцепций), трансформированных с помощью прошлого опыта и интерпретируемых в свете последнего даже если он остается бессознательным, а второе — что чем более ранней является апперцепция, тем большим будет ее контролирующее действие по отношению к нынешней. Нет необходимости делать тайну из выделения психоаналитиками периода младенчества или же предполагать, что последний имеет прямое воздействие на нынешнее поведение, минуя стадии близкого к младенчеству детства, ибо требуется принять лишь то, что рассеянное осознание (например, на материнской груди) ощущений, имеющих обычно оттенок удовольствия, или, с другой стороны, общего неудовольствия и расстройства, будет воздействовать на то, как события будут переживаться на следующей догенитальной стадии и так далее по ходу развития. В какой степени развитие будет находиться под воздействием зависит первоочередности опыта, от его регулярности и продолжительности в каждом конкретном случае.

С течением времени фрейдовский биологический подход имел тенденцию становиться все более социологически ориентированным. Первоначально ему представлялось, что психическая энергия похожа на "электрический ток", что столкнувшись с препятствием, и таким образом отклонившись от своего нормального пути, она перетекает в другие органы, проявляя себя в форме невротических симптомов. При истерии нестерпимая идея ассоциировалась с определенной мерой возбуждения, которое было способно найти облегчение лишь с помощью определенной формы телесного выражения, в то время как в случае навязчивости и фобии возбуждение было отделено от его первоначальной

идеи и соединено с другими идеями, "соответствующими ей, но уже не нестерпимыми". В этих условиях была попытка контролировать тревогу посредством отделения ее от ее реальной причины и перенесения ее в какое-то иное место, но в неврозе тревоги Фрейд увидел "...долю тревоги в свободно плавающем состоянии, которое при любом ожидании контролирует отбор идей и всегда готово связать себя с любым подходящим воображаемым содержанием". Многие невроты воспринимались как результат наследственных дефектов или неудовлетворительных сексуальных отношений, вызывающих возбуждение без последующего облегчения. Прерванный коитус, длительное воздержание или относительное воздержание у тех, кто привык к более регулярному удовлетворению, предполагали высвобождение либидо, которое ввиду отсутствия выхода трансформировалось в тревогу, поскольку если аффект вытеснен, ему уготована судьба "обратиться в тревогу, независимо от того, какое качество аффекта она имела бы в ином случае, она пойдет своим нормальным путем". Таким было фрейдовское объяснение тревоги до первой мировой войны, и в таком виде оно согласуется с клиническими наблюдениями или даже с повседневным опытом, так как каждый замечал, что сильные эмоции или желания, столкнувшиеся с задержкой, и в самом деле ведут к напряжению, а психоаналитики признают существование "актуальных невротозов", порожденных сексуальными причинами, вызванными из памяти и облегченными посредством изменения сексуальных привычек. Однако, данная оценка является чисто описательной, она не предлагает никакого причинного объяснения истоков или смысла тревоги, и более поздняя теория, указывающая на то, что в то время, как и тревога, и страх являются реакцией перед лицом опасной ситуации, страх — это ответ на известную и внешнюю опасность, а тревога — на внутреннюю и неизвестную. При тревоге источник опасности является инстинктивным: когда мощные и запрещенные желания грозят переполнить эго и подвергнуть опасности отношения индивида с другими. В детстве запрещенные действия должны вести к возмездию (такому, как символическое наказание в виде кастрации) или к утрате любви

со стороны матери, но во взрослой жизни страшатся социального остракизма или отвержения обществом. Таким образом имеется иерархия источников тревоги: утрата первоначального единства с матерью при рождении, потеря груди в оральный период и пениса в фаллический период, утрата одобрения со стороны супер-эго (социального и морального одобрения со стороны значимых фигур) в латентный период и со стороны общества во взрослой жизни. Отлучение от матери является прототипом всех последующих тревог, вплоть до страха смерти и утраты божественной любви. Кьеркегор, умерший за несколько месяцев до рождения Фрейда, считал тревогу не только неизбежностью, а почти обязанностью перед лицом осознания человеком его отделенности от Бога, вызванной как раз его стремлением к абсолютной свободе и индивидуации, и его акцент на желании быть свободным и на сопровождающей последнее неизбежной тревоге отделенности играет значительную роль в теориях Ранка и Эриха Фромма, согласно которым, так же как и согласно Фрейду, тревога отделенности начинается с матери. У Кьеркегора она началась с Бога, но в противном случае теолог, увидевший связь между индивидуализмом, отделенностью и тревогой имел бы много общего с аналитиком. В своей второй теории тревоги Фрейд показал, что она вырастает не из бессознательно следующего вытеснения, а из самого эго, которое, воспринимая опасность, производит вытеснение. "Теперь мы можем, — пишет он, — придерживаться взгляда, что эго является реальным средоточием тревоги и отказаться от более ранней концепции, что катектическая энергия вытесненного импульса автоматически преобразуется в тревогу ("Подавление, симптом и тревога", 1927).

В заключение необходимо сказать что-то о текущем процессе психоанализа, таком, каким его осуществляют практики-ортодоксы, хотя, конечно же, в руках индивидуального аналитика он подвергается модификации. Психоаналитиком может быть и не специалист, но обычно это врач, а в Британии также желательно получить аспирантский диплом по психологической медицине перед прохождением инструктивного курса в Институте Психоанализа. Этот курс со-

стоит из теоретической работы, комбинирующейся с самоанализом и анализом пациентов под наблюдением, причем целью самоанализа является обеспечение постижения своих собственных психических процессов и темных мест. Пациенты для приватной практики отбираются согласно таким критериям, как относительная молодость, высокая интеллигентность, хорошее предварительное личное отношение и общая поддаваемость их типа невроза психоаналитическому лечению. Очевидно, необходимо, чтобы они были способны уделять время для этой весьма затягивающейся процедуры, ну и, конечно же, деньги. Когда эти критерии выполнены, пациента в течении недели ожидает пяти- или шестичасовое посещение лечения, длительность каждой встречи — пятьдесят минут. Во время текущей встречи пациент развивает свои свободные ассоциации, лежа на кушетке, у изголовья которой сидит находящийся вне прямого видения аналитик, прерывающий или объясняющий в минимальной степени, хотя это во многом будет зависеть как от аналитика, так и от конкретного пациента, с которым проводится анализ.

Ортодоксальный аналитик изберет абсолютно нейтральную установку и в целом будет избегать выражения удовольствия или неудовольствия или каких-либо комментариев по поводу прогресса, которые могли бы повлиять на установки пациента; его цель — быть как можно более ненавязчивым и предоставить экран, на который могли бы проецироваться установки без его личного искажающего воздействия на них. Несомненно то, что если психоанализ и является наиболее длительным методом психотерапии, то он также и наиболее радикальный и наиболее объективный из них, и это отличает его от более краткосрочных методов, при которых вмешательство аналитика обязательно должно быть более регулярным и, следовательно, пациент более предрасположен к внушению. Фактически, наиболее ортодоксальные аналитики могли бы утверждать, что все прочие методы психотерапии способны осуществлять свое действие лишь с помощью внушения или посредством сознательного или бессознательного создания аналитиком позитивного переноса. Фрейд и сам столкнулся с проблемой переноса

в ходе своих ранних исследований, однако вместо прямого терапевтического использования привязанности пациента в качестве средства осуществления контроля за неврозом; он принялся исследовать перенос как научный феномен и пришел к заключению, что эмоции любви и ненависти, продемонстрированные ему пациентами, были реакциями не на его собственную личность, а, наоборот, он был взят в качестве заместителя первоначального объекта их чувства. Анализ воскресил эмоции, испытанные в ранний период жизни по отношению к значимым личностям, и те, будучи спроецированными на аналитика, могут сделать его на одной стадии объектом преувеличенной любви, а на следующей — объектом недоверия и вражды. Одной из целей психоанализа является ломка и объяснение этих установок, а также выяснение тех сопротивлений, которые препятствуют обнаружению пациентом природы вытесненных влечений, вызывающих у него симптомы, ибо, возможно к его удивлению или даже негодованию, аналитик симптомами как таковыми особо не интересуется; для первого они и есть его болезнь, для второго же они лишь запах паленого, указывающий на что-то неладное в горении, на находящуюся сзади взрывоопасную массу. Кроме того, эти формы функциональных нарушений — учащенное сердцебиение, безосновательная тревога, фобия, депрессия, паралич, сенсорное беспокойство — имеющие по крайней мере солидные признаки медицинской недееспособности, не являются суммой симптомов пациента, и он может быть в полном неведении относительно тех дефектов, которые присутствуют в области межличностных отношений, в отношении к работе, в любви и т.д. и которые, практически говоря, являются значительно более калечащими. Вскоре пациент может обнаружить, что его ранний энтузиазм разделаться с тем, что он первоначально считал причиняющим ему неудобство или страдание заболеванием, как-то ослабел вместе с открытием того, что от него ожидают изменения всего его отношения к жизни, и, вследствие его сопротивления, аналитик может почувствовать себя находящимся в конфронтации с пациентом, проводящим отдельные действия по пассивной обструкции, выражающейся во множест-

ве предметов, которые он “не может вызвать в памяти”, которые “слишком тривиально обсуждать” или о которых он “даже не упомянет”. Естественно, сопротивление замедляет процесс лечения, но Фрейд нашел частичное решение проблемы в анализе сновидений, который он считал “королевским путем к бессознательному”. Наконец, пациент может увидеть свой невроз не как заболевание в медицинском смысле слова, а как попытку приспособиться на инфантильном уровне к проблемам, требующим более взрослого подхода, и так как отказ от старых методов трактовки подобных проблем и развитие новых — отнюдь не простая задача, то конечный результат анализа далек от того, чтобы быть известным наперед заключением, и, соответственно, важен отбор подходящих кандидатов для данной формы психотерапии (особенно в связи с предполагаемыми обязательствами). Хотя ортодоксальный метод не сильно изменился с ранних дней, в целом будет правильно сказать, что в представлениях аналитика о том, что он пытается делать, за эти годы произошло смещение акцентов. Если первоначально основной акцент ставился на введение в сознание того, что было бессознательным и достижении таким способом эмоционального облегчения или катарсиса, то позднее акцент был сделан на обнаружении сопротивлений перед началом анализа, и наконец — на переносе и анализе текущих взаимоотношений с аналитиком, который, безусловно, раскрывает свойственные для пациента приемы управления межличностными ситуациями и их ранние истоки.

Глава 3

РАННИЕ ОТСТУПНИКИ

Первый Международный Психоаналитический конгресс прошел в Зальцбурге в 1908 г., а первый Международный Психоаналитический журнал был напечатан в следующем году. Фрейд и Юнг совершили турне с лекциями по Америке в 1909 г., но по большей части серьезные исследования по психоанализу ограничивались немецкоязычными странами примерно до 1916 г., когда ввиду причин, которые будут рассмотрены ниже, началось влияние на британскую психиатрию и, соответственно, на психиатрию в Америке. Прогресс стал более заметным после войны, когда в 1920 г., в первую очередь в результате деятельности Карла Абрахама, Макса Эйтингтона и Эрнста Зиммеля, был открыт Берлинский Институт Психоанализа, а вскоре за этим последовало открытие аналогичных институтов в Лондоне, Вене и Будапеште. В этих центрах предоставлялось свободное лечение тем, кто не мог позволить себе частный анализ, а также предлагались инструкционные курсы для учащихся. В Нью-Йорке институт был открыт в 1931 г., а в Чикаго — в 1932, как и некогда в Берлине, усилиями Франца Александера. Однако эта значительная длительность процесса сопровождалась отходом от ортодоксии многих прежних последователей, а также "смыканием рядов" среди тех, кто решительно оставался верным фрейдовскому лидерству; последняя тенденция была очевидна еще со времен отступничества Адлера и Юнга. С тех пор ортодоксальные фрейдисты начали демонстрировать особую нетерпимость к критике, что и по сей день является одной из их наименее привлекательных черт, и у них, так же как в некоторых религиозных и политических группировках, но в полном противоречии с тем, что обычно считается научной процедурой, тем, кто находится в группе не позволено критиковать ее фундаментальные пункты веры, тогда как по отношению к тем, кто находится вне ее, заявляется, что у них нет ав-

торитета делать это. Вероятно, психоаналитическое движение подверглось жесточайшим и часто клеветническим нападкам как со стороны психиатров и психологов, так и со стороны непрофессиональной публики, ощущавшей, что под угрозой оказались традиционные моральные стандарты, однако нетерпимость ортодоксов сохранилась и после того, как эти нападки были прекращены. Самому Фрейду на ранней стадии этого периода, говорит Теодор Рейк, любой критик представлялся моральным ханжой, любое честное и серьезное суждение рассматривалось как "сопротивление". В этой атмосфере было неизбежно, что те, кто были несогласны с ним, покидали движение вовсе не по молчаливому признанию различия, но скорее из-за атмосферы тяжких обвинений и брани, типа той, которая когда-то во времена веры сыпалась на головы еретиков. В начале двадцатых годов еще четыре последователя Фрейда отошли или во всяком случае разошлись по многим аспектам с основным течением; ими были: Отто Ранк, Вильгельм Штекель, Шандор Ференци (который, однако, никогда полностью не порывал с Фрейдом) и Вильгельм Райх. Во многом шум, поднятый в ходе этих ранних конфликтов, начал затихать, так как почти все, кто принимал в них активное участие, умерли, а более молодые психоаналитики подошли к избранной ими профессии без всякой потребности чувствовать себя бросающими вызов миру: возможно не все психиатры высоко их оценивают, но ведь и в целом врачи далеко не всегда хорошо отзываются о психиатрах, хотя, кажется, у первых возрастает чувство терпимости по отношению к последним, ибо психиатрия начинает использовать такие подлинно терапевтические методы, как таблетки, хирургические операции и сложные электроприборы, очень близкие к обычной медицине. Однако в глазах остальной части мира психоаналитик стоит выше и психология и психиатрия рассматриваются лишь как синонимы психоанализа, или даже как незначительные ответвления фрейдовской теории. В подобном блеске славы казалось бы должна быть забыта прежняя горечь, но чтобы умерла традиция требуется много времени, и фрейдисты по-прежнему слишком ранимы. Время от времени появляются их

энциклики, проклинаящие правых или левых уклонистов дня нынешнего или вчерашнего, обвиняющие их не только в научной погрешности, но также и в присутствии у них мотивов бессознательной или даже сознательной злобы. Это приводит к уверенности в том, что Фрейд, как Д.Лоуренс, был окружен группой эгоцентричных примадонн, чья в высшей степени амбивалентная преданность Мастеру уравновешивалась их нелюбовью друг к другу, также ненормальной словоохотливостью, проявлявшейся в их сочинениях. В настоящий момент, однако, мы рассматриваем вышеупомянутые личности, за исключением Рейка, который будет рассмотрен в другом месте.

Альфред Адлер, как и Фрейд был евреем и провел большую часть своей ранней жизни в Вене. Рожденный в 1870 г., он присоединился к фрейдовскому семинару, где с самого начала считал себя младшим коллегой, а не учеником. Адлера, в определенный период интересовавшегося способностью тела компенсировать органические поражения, с самого начала привлекли строго биологические основы фрейдовских теорий. Как было давно известно врачам, за поражением определенных органов тела следует компенсаторная реакция, которая с телеологической точки зрения может рассматриваться как попытка организма преодолеть повреждение. Сердце с больным клапаном реагирует гипертрофией сердечной мышцы и, таким образом, до известной степени восполняет отсутствие его действия, а за поражением почки или легкого может последовать усиленная компенсирующая деятельность непораженного органа. В то время как в этих случаях компенсация проявляется в физиологической сфере, Адлер верил, что в сфере психологической можно наблюдать сходные реакции на органические дефекты. Известно, например, что греческий оратор Демосфен, будучи мальчиком, ужасно запинаясь, художники страдали от нарушений зрения, а музыканты — от глухоты. Подобные наблюдения дали основания предположить, что именно неполноценность этих функций стимулировала индивида к преодолению своих дефектов, причем до такой степени, что однажды неполноценная функция стала высшей. Вплоть до этого пункта адлеровский тезис, в том виде, в

котором он предстален в его книге "Исследование органической неполноценности и ее психической компенсации" (опубликованной в 1907 г.), был охотно принят Фрейдом и его коллегами как интересный вклад в эго-психологию, но в течение следующих четырех лет стало ясно, что Адлер развивал свою собственную концепцию не просто в качестве интересной побочной темы, но как ключ к пониманию всей психической жизни. Его основной тезис, выражаясь его собственными словами, заключался в том, что "Быть человеческим существом значит иметь чувство неполноценности, постоянно толкающее к покорению последней" (Социальный интерес: вызов человечеству").

Но в качестве ведущих к ослабленной (сниженной) самооценке и вызывающих интенсивную борьбу за самоутверждение не обязательно должны были рассматриваться такие органические факторы, как физическая неполноценность (*inferior physique*), физические уродства или нарушенные телесные функции. Заброшенный, разбитый или ненавидимый ребенок склонен к развитию сильного чувства неполноценности, и даже при счастливейшем стечении обстоятельств нормальный ребенок должен чувствовать себя униженным, беспомощным и находящимся во власти окружающего его мира взрослых. Поэтому случается так, что с целью компенсации чувства неполноценности каждый ребенок в первые годы жизни развивает свою собственную специфическую стратегию поведения в семейной ситуации в зависимости от того, какой она ему видится. В свете повседневного опыта он развивает установки, которые в своей совокупности образуют то, что Адлер называл "жизненным стилем" (*life-style*), и именно на последнем базируется взрослый характер. "Образцом, на который направлена личность, ее целью, является социальная значимость, повышение самооценки, превосходство. Эта цель имеет множество проявлений. Она может кристаллизоваться в идеал в любой из следующих форм: полезное достижение, личный престиж, превосходство над другими, защита от опасности или сексуальные победы" (Эрвин Вексберг, "Индивидуальная психология"). Таким образом, характер рассматривается Адлером как застывшая сцепка установок, выбранных индиви-

дом с целью разрешения тех типов ситуаций, в которых он оказался (таких как: его телесная конституция, его социальное и экономическое положение, его пол, структура семьи и его положение в семье, его образование и так далее). Выработываемые им черты усваиваются на основании их функциональной ценности для индивида в самые ранние годы его жизни; видимо, это были черты, которые в том специфическом положении, в котором он находился, приносили наилучшие результаты в терминах власти.

Стремления индивида к превосходству и его попытки превозмочь чувство неполноценности могут иметь три результата:

- (1) *Удачная компенсация*, когда стремление в конечном счете ведет к положительному приспособлению к трем жизненным проблемам — обществу, работе и сексу.
- (2) *Сверхкомпенсация*, когда стремление становится слишком явным и ведет к изменению степени низкой приспособленности, например: самоуверенный маленький мужчина, слабовольный человек, становящийся гангстером (то ли на самом деле, то ли в своем воображении), или цитируя пример, который язвительно приводил Фрейд — грандиозный кайзер Вильгельм Второй со своей усохшей рукой.
- (3) *Бегство в болезнь как средство достижения власти*; ибо, как писал Адлер: “Любой невроз может быть понят как попытка освободиться от чувства неполноценности с целью достижения чувства превосходства”

Таким образом, согласно этой теории, невроз является таким положением дел, при котором тот, кто находит себя неспособным достичь своей цели превосходства легитимными средствами, развивает свои симптомы, которые служат как оправданием его уклонения от тех ситуаций, в которых он мог бы предстать в качестве неудачника, так и средством достижения контроля над другими с помощью своеобразного эмоционального шантажа. В то время как цели нормального индивида более или менее реалистичны, невротик ставит перед собой “фиктивные цели” — т.е. цели, базирующиеся на требующих неосуществимого совершен-

ства стандартах, неудачу в достижении которых оправдывает его болезнь. Адлер обычно спрашивал своих пациентов: "Что бы вы делали, если бы были излечены?"; будучи уверенным, что в своем ответе на этот вопрос невротик выдаст природу той ситуации, которой он пытается избежать. В адлеровской теории все феномены, которые Фрейд рассматривал как имеющие сексуальную природу, приписаны стремлению к превосходству или избеганию угрозы неполноценности. Утверждается, что эдипов комплекс используется теми, кто боится ответственности быть вовлеченным в нормальные сексуальные отношения: "...инцестуальный комплекс не подавляется, а вполне сознательно используется для этой цели" — говорится нам. Сходным образом мотивирована гомосексуальность, а фригидность рассматривается как попытка со стороны женщины унижить ее любовного партнера и таким образом достичь чувства превосходства над ним.

Адлер умер внезапно в ходе своего лекционного турне по Шотландии в 1937 г. Он всегда был активным пропагандистом и прочитал множество лекций для социальных работников, врачей и широкой публики по всей Европе и в Соединенных Штатах. В США его оценивали особенно высоко и на протяжении 1920-х и 1930-х годов его теории широко принимались. Он написал много книг, из которых ранние были серьезными научными трудами, но более поздние небезосновательно были названы Дж.Ф.Брауном "халтурой". В психологии Адлера привлекательным для многих людей был ее очевидно простой и основанный на здравом смысле подход и то, что он "поставил секс на надлежащее место", а также оптимистические и "демократические" выводы о том, что лечение было бы относительно простым делом, происходящим на основе дружеских бесед с аналитиком, который обращал бы внимание на жизненный стиль с его фиктивными целями и давал бы некоторые практические советы для более разумной будущей стратегии. И в том, как он выглядел, и в своих методах Адлер непреодолимо напоминал Фрэнка Бахмана, основателя "Оксфордской группы", хотя во многих отношениях он был человеком глубокой проницательности: его осознание личности как це-

лого, значимости несексуальных факторов, роли, играемой эго, и, прежде всего, важности культурных факторов, уже были упомянуты. Но в остальных аспектах он был гораздо более прост. Совершенно невозможно верить в то, что все неорганические нервные расстройства вызваны "чувством неполноценности, постоянно толкающим к покорению последней", или что психозы являются результатом полного провала в преодолении чувства неполноценности и при них индивид уклоняется от жизненной игры и "отказывается играть". Адлер ни разу не дал удовлетворительного объяснения, почему был избран тот, а не иной симптом, почему развился тот, а не иной тип невроза. В своих поздних книгах он уделял мало внимания мотиву власти и, соответственно, больше тому, что он называл "социальным интересом" — стремлению нормального человека не к власти, а к значимости. Хотя Адлер был убежденным социалистом, именно в его теории, больше чем в какой-либо иной, мы можем видеть отражение соревновательного капиталистического общества, которое он, видимо, рассматривал как нормальное состояние дел. Однако Адлер не принимал имплицитно содержащейся в сочинениях Фрейда веры в то, что внутренние факторы вынуждают женщин подчиняться мужчинам как физически, так и психологически. Видя, что в нашем современном обществе женщины постоянно чувствуют себя находящимися в невыгодном положении и что они часто выражают то, что мы называем "мужским протестом" или реакцию зависти по отношению к мужчинам, он тем не менее отрицает, что предполагаемые женские черты характера являются внутренними или же ничем иным, как "реакцией побежденного во всех сферах жизни".

Хотя адлеровская школа индивидуальной психологии практически прекратила свое существование как органическое целое, не может быть сомнений в том, что многие из его концепций оказались интегрированными в системы других школ. За исключением Фрейда, сомнительно, чтобы какой-то отдельный автор имел большее влияние на мысль других, хотя, несомненно, это влияние часто было бессознательным. Вслед за Адлером, фрейдовская теория начала уделять больше внимания эго и несексуальным факто-

рам в возникновении невроза, и как Карен Хорни, так и Жан Сатти (Ian Suttie), чьи системы будут рассмотрены позднее, продемонстрировали влияние адлеровской мысли. Вильгельм Штекель может быть упомянут как тот, кто использовал главным образом фрейдовскую теорию в сочетании с преобладанием адлеровских методов. Штекель (1868-1940) был блестящим психотерапевтом и плодовитым писателем, верившим вместе с Адлером, что важность бессознательного была преувеличена. "После тридцати лет аналитического опыта, — писал он, — я больше не верю в безмерное значение бессознательного". Он отказался от фрейдовского понятия вытеснения в пользу теории "скотомизации" (скотома — в офтальмологии: нечеткая область в поле зрения), которая предполагала, что многие, если не все, конфликты пациентов являются не вытесненными во фрейдовском смысле, т.е. находящимися за пределами сознательного воспоминания, а такими вещами, на которые он, подобно Адлеру, предпочитал повернуть затемненный взгляд. Другим адлеровским понятием, использованным Штекелем, было понятие жизненной линии или жизненного стиля, которое получило менее плодотворное название — "жизненная ложь", т.е. система фиктивных целей пациента. Штекелевский метод лечения, в противоположность пассивному и относительно объективному методу Фрейда, был активен: "День за днем я штурмую систему пациента, показывая, что он может прекрасно жить с утра до вечера, если только он откажется от своих фиктивных целей" — характерное утверждение. Используя этот метод аналитик не ожидает пассивно появления информации относительно конфликтов пациента; она дедуцируется из анализа сновидений и общей клинической картины, и интерпретации аналитика навязываются сопротивляющемуся пациенту, чей перенос, вновь в стиле Адлера, считается техникой, способствующей врачу. Сопротивление рассматривается не как бессознательное препятствие выявлению запрещенных желаний, а как защита против самого лечения, так как пациент боится быть вылеченным, или точнее он боится взрослой ответственности, которую повлечет за собой лечение. Очевидно, штекелевский метод требует от анали-

тика значительной интуиции и это серьезный недостаток, поскольку не все аналитики столь искусны или "интуитивны" как Штекель. Если, как он говорит, "его система требует мастерства врача, детектива и дипломата вместе взятых", то для ее осуществления, действительно, нужен кто-то столь же яркий, как сам Штекель.

Карл Густав Юнг (1875-1961) был швейцарцем, покинувшим фрейдовскую группу в 1913 г. и, как и Адлер, восставшим против чрезмерного на его взгляд внимания, уделяемого Фрейдом сексу. В свои ранние годы Юнг изобрел словесный ассоциативный тест для отслеживания комплексов и произвел ценное исследование шизофрении, что вместе с его объяснением темперамента ("Психологические типы" — опубл. в 1923 г.) было высоко оценено психиатрами всех школ. Общеупотребительные слова "экстраверт", "интроверт" и "комплекс" также обязаны своим происхождением Юнгу. Имея широкие познания в религии, философии, мифах и символизме многих культур, Юнг всесторонне использовал их в психологии — настолько, что многие критики отмечали, что юнговская теория более похожа на метафизическую систему, нежели на школу научной психологии. Кажется, это печальная закономерность: юнгианцами и фрейдистами, так же как либералами и консерваторами, рождаются, а не становятся, и сочувствующие общей точке зрения одной школы склонны считать воззрения другой непонятными. Точно так же автор этих строк может признать, что он сам входит во фрейдистскую категорию, а от чтения Юнга получает во многом такое же впечатление, как от чтения писаний индуизма, даосов или конфуцианцев; прекрасно осознавая, что было сказано множество мудрых и истинных вещей, он чувствует, что они могли быть сказаны не хуже и без того, чтобы вовлекать нас в психологические теории, на которых они предположительно базируются.

Во многих случаях Юнг отрицает, что его подход является ненаучным: "Как ученый, — пишет он, — я исхожу из эмпирических фактов, которые каждый волен проверить" Но, как мы увидим, за пределами юнговской школы практически общепризнано, что его отношение к научным стандартам несколько необычно. Это особо заметно в его до-

ктрине “психологической истины” и его теории “архетипов”, которые в настоящий момент полезно было бы рассмотреть. Доктрина “психологической истины” или “психологической реальности” ведет Юнга к следующему заключению: раз вера облечена огромной эмоциональной значимостью, то, следовательно, она должна быть в определенном смысле истинной. Например, в “Психологии и религии” он пишет: “Сама по себе любая научная теория, сколь бы утонченной она не была, с точки зрения психологической истины имеет меньшую ценность, нежели религиозная догма по той простой причине, что теория обязательно высоко абстрактна и исключительно рациональна, тогда как догма выражает иррациональную сущность посредством образа”. Непонятно, что Юнг имеет в виду; религиозная догма (как и миф, сновидение или символ) действительно выражает определенного рода истину и, как с самого начала показал Фрейд, всякая продукция психики должна иметь определенный смысл или значение. Но для ученого важно, находится ли этот смысл в сфере объективной реальности или субъективной фантазии и тут не отделаться разговорами о “психологической истине”. В определенном смысле все, о чем кто-то когда-то подумал, является “истинным”, т.е. значимым и истинно “существующим” в сознании того, кто подумал (в этом смысле “истинны” и бреды параноика), но нам также следует узнать, являются ли они объективно истинными и смог бы редуктивный анализ заставить их проявиться в абсолютно ином свете.

Юнговская теория архетипов является следующим примером его специфического отношения к научному методу, и в этом пункте мы обнаружим, что он описывает частично известное в терминах абсолютно неизвестного. Фрейд, как мы увидим ниже, рассматривал любые символы — в сновидениях, мифах или искусстве — как изначально сексуальные по своей природе, а также как обобщенное выражение определенного предмета. Говорилось, что пещеры, впадины, бутылки, ящики и прочие подобные предметы выражают женские половые органы (как, например, ящик Девкалиона в греческом мифе), вода — процесс рождения (например, Моисей, найденный в камышах Нила), ручки, зонты, сабли

и другие остроконечные предметы — мужской орган, в то время как королевы, короли и другие знатные образы выражают фигуры матери и отца. В теории Юнга, однако, символ больше не указывает на частное с помощью общего, а, наоборот, частный символ указывает на обобщенную идею в платоновском смысле слова. Этот новый подход лучше всего описан юнгианцем отцом Виктором Уайтом в его книге "Бог и бессознательное": "За отдельным материнским чревом лежит архетипическое чрево Великой Матери всех живущих; за физическим отцом — архетипический Отец, а за ребенком — *puer aeternus*; за частным проявлением порождающего сексуального либидо лежит всеобщий созидательный и воссоздающий Дух. Второй член всех этих пар является ныне не как фантастический заместитель первого, но скорее первый является как частное проявление и символ второго". Относительно этого хотелось бы заметить, что хотя Юнг может быть и прав, а Фрейд — нет, но по крайней мере у нас есть преимущество в виде знания земного отца, матери и ребенка, тогда как в прямом смысле слова мы не знаем архетипического Отца, "Великой Матери Всех Живущих" или *puer aeternus*, и явно неортодоксальным для науки является описание частично известного в терминах абсолютно неизвестного. Д-р Гарднер Мерфи, один из наиболее знающих и понимающих из всех психологов, делает относительно Юнга следующее замечание: "Юнговский метод — хотя говорить так* является не более чем дружеским преувеличением — должен доказать, что поскольку А несколько похоже на В, В же может при определенных обстоятельствах иметь что-то общее с С, а относительно С известны случаи, при которых оно подозревалося в связях с D, то вывод в логически завешенной форме будет таков: $A = D$. Как на у ч н ы й язык это бессмыслица" ("Личность: биосоциальный подход").

Юнговская картина бессознательной психики отличается от фрейдовской в следующих отношениях:

* "Юнговский метод" — Прим. перев.

- (1) Говорится, что бессознательная психика индивида содержит не только те примитивные процессы, которые удерживаются вытесненными и которым запрещен проход в сознание, но также и те аспекты психической жизни, которые были отброшены в ходе развития.
- (2) Она также содержит неучтенные личные переживания и идеи, которые были просто забыты ввиду утраты ими "определенной энергетической ценности".
- (3) В психологии Юнга индивидуальное бессознательное (во фрейдовском смысле) это лишь относительно незначительная часть всей массы бессознательного материала. То, что лежит ниже индивидуального бессознательного, известно как коллективное или расовое бессознательное, так как оно содержит коллективные верования и мифы расы, к которой принадлежит индивид. Глубочайшие слои коллективного бессознательного — это универсальное бессознательное, общее для всего человечества, и, может статься, даже для человекообразных приматов и животных предков.

С первыми двумя пунктами многие психоаналитики вероятно ощутили бы согласие; ибо вполне понятно, что если в личном опыте есть нечто такое, что отброшено, то не обязательно чтобы оно было запрещенным или цензурированным материалом. Дарвин, например, отмечал в своей "Автобиографии", что после многих лет, посвященных практически исключительно научной работе, он утратил способность воспринимать поэзию и литературу, которыми прежде наслаждался. Кажется, это призвано поддерживать не только некоторую степень этического и интеллектуального постоянства, но также и некоторую степень постоянства темперамента; кто-то склонен стать преимущественно мыслящим, интуитивным, эмоциональным или сенсорным (полагающимся на ощущения), если пользоваться юнговской терминологией. Как сказал Бергсон: "Мозговой механизм устроен таким образом, чтобы выталкивать в бессознательное почти все наше прошлое и пропускать через порог лишь то, что в дальнейшем будет под руками при работе". Нет нужды слишком строго придерживаться фрейдовского пред-

положения, что "ничто никогда не забывается", ибо представляется вполне вероятным, что некоторые переживания оказываются полностью забытыми просто потому, что они "утратили определенную энергетическую ценность". Но повод к дискуссии дает юнговское понятие коллективного бессознательного, судя по всему бросающее вызов общепринятой вере в то, что врожденных идей или понятий не существует. Это правда, что Фрейд под конец жизни был готов поверить в то, что люди рождаются с архаическим наследием, включающим "не только склонности, но также и воображаемые содержания, следы, оставленные в памяти опытом предыдущих поколений" ("Моисей и монотеизм"). Но, видимо, он не поверил в то, что это архаическое наследие играло хоть какую-то значительную роль в движениях психики, и, в отличие от Юнга, он явно никоим образом не использовал это понятие в своей психотерапевтической практике.

Если спрашивать, какие основания для веры в коллективное бессознательное должен был предлагать Юнг, то их было, очевидно, три:

- (1) "Необычайное" тематическое единство в мифологиях разных культур.
- (2) Юнговское наблюдение, что "...в произведенных анализах каждый отдельный символ мог повторяться с безотносительным постоянством, постепенно освобождаясь при этом от всех ассоциативных связей с какими бы то ни было личными переживаниями пациента и все более и более приближаясь к тем первобытным и универсальным символам, таким, какие встречаются в мифах и легендах".
- (3) Содержание фантазий пациентов-психотиков (в частности шизофреников), одержимых идеями (такими как смерть и возрождение) сходно с тем, что обнаруживается в мифологии.

В этой концепции коллективного бессознательного фундаментальной является проблема, заключающаяся в том, как нам ее изобразить. Должны ли архетипы (так Юнг называл постоянно повторяющиеся темы, которые, видимо,

происходят из коллективного бессознательного) рассматриваться как своего рода расширение понятия групповой психики в том смысле слова, в котором его использовал Мак Дуггал? Относительно первой проблемы Юнг не совсем ясен, хотя он говорит нам, что "...архетипы — это системы предрасположенности, являющиеся одновременно образами и эмоциями. Они наследуются вместе со структурами мозга, психические аспекты которого они репрезентируют" ("Вклад в аналитическую психологию"). С другой стороны, современные антропологи, вероятно, объяснили бы феномен архетипического мышления, указав на то, что несмотря на огромное разнообразие культур, это, очевидно, свидетельство того, что представители всех культур имеют некоторый общий опыт: все индивиды обладают родителями, рождаются и умирают, зависят от солнца и земли, влекомы сексуальным желанием и так далее. Поэтому на самом деле нет ничего удивительного в том, что видят сны или создают мифы о Всеобщем Великом Отце, Великой Матери, младенце, солнечным богам, рождении и возрождении, и эти образы являются неизменной частью общечеловеческого опыта. Геза Рохейм, антрополог и психоаналитик, намеренно отбросивший теорию коллективного бессознательного, столкнулся с большими трудностями в объяснении феноменов, описанных Юнгом, ибо, как он указывает, глубинные интерпретации всегда будут иметь тенденцию к универсальности, тогда как эго-интерпретации имеют наилучшую возможность обнаружить специфические особенности различных культур. Очевидно, что ближайшим по отношению к аналитику является слой сознательного эго, далее идут данные, получаемые в связи с теми факторами, которые специфичны для индивида или характерны для личного окружения пациента, но с другой стороны, чем глубже аналитик зондирует, тем ближе он подходит к обширному биологическому слою общего опыта, являющегося универсальным для всего человечества. С этой точки зрения гипотеза коллективного бессознательного является совершенно необязательным приспособлением для объяснения определенных наблюдений, которые могут быть объяснены иным и более простым способом. Что ка-

сается природы коллективного бессознательного, то, видимо, для Юнга это не просто метафорическая конструкция, которая должна быть оправдана фактом разделяемого всеми универсального опыта, или тем фактом, что, как сказал бы современный социальный психолог, психика является социальным феноменом, ибо он явно верит в то, что коллективное бессознательное действительно *есть*. А концепция "группового разума" как чего-то находящегося поверх психик индивидов, принадлежащих к группе, долго испытывала неприятие со стороны психологов, которые не вдаваясь в обсуждение фактов, для объяснения коих данная гипотеза была изобретена, считают, что их можно более легко и экономно интерпретировать в иных терминах.

В психологии Юнга говорится, что душа (*psyche*) имеет три слоя: сознание, индивидуальное бессознательное и коллективное бессознательное. В его изображении разум (*mind*) часто сравнивался с цепочкой островов в море, где та часть, которая возвышается над водой, является личным сознанием, та же, что находится чуть ниже — это индивидуальное бессознательное. Еще глубже группы индивидов (или островов) вступают вместе в расовое бессознательное (например, монгольская, "арийская" или семитская расовые группы), а на дне морском, на котором покоятся все острова, находится коллективное бессознательное, содержащее психологическое наследие человечества в целом, животной жизни и человекообразных предков. Самая крайняя оболочка личности в этой схеме описывается как персона ("персона" у римских актеров — маска, скрывавшая лицо актера от публики). Таким образом, персона является той частью личности, которая подвергается пристальному вниманию со стороны внешнего мира, одновременно открывающей и скрывающей подлинную самость. В некотором смысле она соответствует социологическому понятию "роли". Люди постигают реальность по-разному, будучи преимущественно экстравертами или интровертами, и вместе с этими двумя категориями в качестве средств контактирования с внешним миром можно использовать мышление, интуицию, чувство или ощущение. У каждого индивида будет преобладать либо экстраверсия, либо интроверсия и

он также будет преимущественно мыслящим, чувствующим, ощущающим или интуитивным. Но это относится лишь к сознанию, ибо бессознательное, как верит Юнг, подобно отражению горы в озере, зеркальному отображению, обратной стороне сознательного. Таким образом, индивид с преимущественно экстравертивным и мыслящим темпераментом бессознательно является эмоциональным интровертом, а индивид с интровертивным и интуитивным темпераментом — бессознательно сенсорный экстраверт. Персоне сознательной жизни соответствуют анима и анимус — женственное в мужчине и мужское в женщине. Получается приблизительно следующее: то, что сильно сознательно, то слабо в бессознательном и наоборот: самые мужественные индивиды бессознательно сильно женственны, робкие мужчины бессознательно храбры и так далее. Другими словами, индивидуальное бессознательное рассматривается как выполняющее компенсаторную функцию.

Движущая сила в психологии Юнга известна как “либидо”. Оно является несексуальным и описано как некоторого рода жизненная сила. Говорится, что существуют три стадии сексуального развития: досексуальная, от трех до пяти лет, характеризующаяся интересом к питанию (безусловно, несексуальному понятию) и ростом; допубертатная, соответствующая фрейдовскому латентному периоду и являющаяся для Юнга подлинным началом сексуальности; и, наконец, пора зрелости, простирающаяся от полового созревания и далее. Утверждается, что эдипов комплекс обнаруживается в примитивной любви к доставляющей пищу матери и оказывается сексуально окрашенным в течении допубертатной фазы. Комплекс кастрации рассматривается как символическая жертва или отказ от инфантильных желаний, не имеющий ничего общего с буквальная кастрацией. Вытеснение играет незначительную роль в юнговской психологии и, следовательно, не считается важным в возникновении невроза. При неврозе имеется конфликт не между примитивными эмоциональными влечениями и требованиями общества, а между неравномерно развитыми аспектами личности. Утверждается, что в жизни при адаптации в одних случаях необходимо использовать мышле-

ние, в других — чувство, интуицию или ощущение, а когда индивид сталкивается с ситуацией, с которой он не в состоянии справиться, причина этого в том, что та функция, с помощью которой у него обычно происходит приспособление, в данной ситуации оказывается неадекватной, а оставленная без внимания противоположная функция становится бессознательной. Столкнувшись с подобной проблемой индивид может регрессировать, но по Юнгу это не обязательно патологический шаг, а скорее вопрос *reculer pour mieux sauter*^{*}, поскольку путем регрессии на более архаические ступени психики может быть достигнуто творческое приспособление. По своему действию регрессия выглядит как стратегическое отступление, с целью вызвать из коллективного бессознательного такие резервы, которые обладают мудростью, отрицаемой сознанием. Если, однако, в течение этого периода регрессии творческое решение не найдено и индивид продолжает следовать более ранним или инфантильным образцам поведения, наступает невротическое состояние. “Архаика занимает место недавней функции, которая пропала”. Подобно Адлеру, Юнг более сосредоточен на грядущих целях, нежели на прошедшей истории и рассматривает нынешнюю ситуацию как ключ к неврозу. Он пишет: “Теперь я нахожу причину невроза не в прошлом, а в настоящем. Меня интересует, какую необходимую задачу пациент не выполнит”.

Юнговская система психотерапии базируется на понятии введения пациента в контакт с исцеляющим коллективным бессознательным, прежде всего посредством интерпретации сновидений, побуждая его таким образом увидеть его собственные проблемы более отчетливо. При осуществлении процесса свободных ассоциаций аналитик, так же как и пациент, продуцирует ассоциации, поскольку анализ считается совместной процедурой, при которой пациент не может прогрессировать далее того пункта, которого достиг и сам аналитик. Если аналитик уже связался с предвзятой теорией коллективного бессознательного, то едва ли уди-

* Попытаться для того, чтобы с разбега прыгнуть дальше (фр.) — Прим. ред.

вительно, что продуцируется этот “юнгианский” материал. Хотя другие системы умышленно или неумышленно производят по отношению к пациенту внушение, ни одна не делает этого столь полно, как юнговская. Юнг также верит, что религиозное мировоззрение необходимо для индивида и способствует его развитию. Интересная оценка юнговского анализа может быть найдена в книге Джона Лайярда (Layard) “Дама и заяц” (“The Lady and the Hare”).

Трудно дать справедливую оценку нынешнему положению юнговской психологии в общей структуре психологической мысли. Очевидно, что Юнг редко привлекал академических психологов, а его недавние сочинения, бывшие почти исключительно философскими, еще меньше подходят для того, чтобы заинтересовать научный разум. С другой стороны, некоторые последователи почитают его почти в форме идолопоклонничества и делают от его имени преувеличенные утверждения. Это особенно верно в отношении католических писателей, таких как отец Виктор Уайт и отец Уиткут (Witcutt) и его последних заявлений в книге “Католическая мысль и современная психология”, что система Фрейда “вскоре будет вытеснена юнговской”. Говорить, что Юнг был воспринят до такой же степени как и Фрейд, это конечно же дикая ложь, и на самом деле есть все основания предполагать, что так же, как это было в случае с Адлером, юнговская мысль пришла к своей смерти. Его английские ученики — Джон Лайярд, покойный Г.Дж.Байенс, Майкл Фордхам и Леопольд Стайн — написали много интересных книг, но в целом Юнг больше не привлекает ни психологов, ни психиатров. Так или иначе в юнговских сочинениях есть по-видимому нечто такое, что “...должно со временем оттолкнуть тех, чья подготовка и склонность приучила их полагаться на логическое основание как на единственный законный метод обучения и адаптации” (Дж.Э.Николь: “Психопатология”).

О системе Шандора Ференци здесь нужно сказать лишь очень кратко, ибо она была в большей степени связана с психотерапевтическим методом, нежели с психологической теорией. По существу это была измененная техника анализа и хотя Фрейд решительно осуждал ференцевские нова-

ции, сам Ференци вплоть до его смерти в 1933 г. никогда открыто не порывал с учителем. Однако изменения, внесенные им в психоаналитическую технику, были значительны своей тенденцией к сокращению продолжительности анализа. Как мы уже видели, у ортодоксального фрейдиста анализ мог длиться по два, три года (или более), в течение которых пациент должен был посещать аналитика как минимум пять или шесть раз в неделю. Ясно, что это в значительной степени предопределяет стоимость процедуры, так как не каждый может предоставить требуемые деньги и время. Было предпринято немало попыток разрешить данную проблему, начиная с использования гипноза или гипнотических лекарств для уменьшения сопротивления и вплоть до “активной психотерапии” Штекеля. Ференци первоначально повлиял на утверждение фрейдовского предположения, что анализ должен осуществляться в состоянии нужды. В обработке Ференци это означало, что пациента требуется побуждать избегать сексуальных отношений, тратить как можно меньше времени на мочеиспускание и дефекацию, не есть и пить в свое удовольствие. Была уверенность, что если бы удалось таким путем лишить либидо естественного выражения, то было бы больше пользы для отреагирования в ходе анализа. (Вера в лечебные результаты отреагирования и в то, что чем больше эмоций проявляется пациентом, тем лучше, вновь проявилась в течение последней войны в терапии невротиков, вызванных боями.) Едва ли нужно сомневаться в том, ференцевские методы сейчас пробуждали бы сильные эмоции у пациента, но стало более чем сомнительным, являлись ли эти искусственно вызванные эмоции целью терапии, и потому приблизительно в 1927 г. он перешел в другую крайность. Было общепризнано, что поскольку невротические пациенты чувствовали себя лишенными любви и привязанности в детском возрасте, аналитику полагалось играть роль доброго родителя: быть терпимым, любить пациента не взирая на его недостатки, и открыто признавать свои собственные недостатки. Это, безусловно, полностью противоречило фрейдовскому правилу, что аналитик должен быть как можно более бесстрастным и объективным и не сообщать пациенту ничего о себе. У Ференци

была вера в то, что пациент реагирует на реальную личность аналитика и оживает в своих инфантильных переживаниях с тем существенным отличием, что оживленный опыт был подан в более разрешающей и терпимой атмосфере. Позднее он пошел еще дальше в направлении дозвоительности и поощрял пациента в драматизации его переживаний в том виде, в котором они всплывали в памяти; пациент мог вести себя как ребенок, рассказывать детские поговорки и даже играть с куклами, а аналитик с воодушевлением входил в игру. Но в свете современной мысли в этих нововведениях Ференци особо значимо признание двухсторонности отношений пациента с аналитиком. Перенос имеется не только у пациента по отношению к аналитику, но и у аналитика по отношению к пациенту — есть такая вещь, как контр-перенос, и Ференци был первым, кто подчеркивал важность для аналитической процедуры того, что американцы в настоящее время называют “межличностными отношениями”.

Отто Ранк (1884-1939) был в течение многих лет тесно связан с Ференци — они оба занимались поисками более краткого и более эффективного метода анализа. Но в то время как Ференци никогда полностью не порывал с Фрейдом, несмотря на то, что последний осуждал его методы и никогда не основывал отдельную систему, Ранку было предначертано уйти далеко от родного движения. Как и большинство ранних последователей Фрейда, Ранк был австрийцем и так же, как и другие еретики-новаторы, начал свой разрыв с ортодоксией с наблюдения, которое Фрейд был вполне готов принять и, фактически, сделал сам: что некоторые приступы тревоги имеют тенденцию сопровождаться физиологическими особенностями, очень похожими на те, которые сопровождают процесс рождения. Однако Ранк пошел значительно дальше, отрицая центральное место эдипова комплекса в возникновении невроза, и выдвинул свою теорию, что все неврозы происходят от травмы рождения. Травма рождения, суть которой в отделении от матери, создает у индивида запас тревоги, который реактивируется каждым последующим опытом отделения. Отлучение (отделение от груди) и символическая кастрация (отделение от

пениса) вместе со всеми другими ситуациями, вызывающими отделение от любимого человека или предмета, являются основной и универсальной причиной тревоги. Но эта первичная тревога, согласно Ранку, в пределах существования индивида принимает две формы: *боязни смерти* и *боязни жизни*. Боязнь жизни это тревога, возникающая тогда, когда индивид начинает осознавать в себе творческие способности, отстаивание которых может вызвать угрозу отделения от существующих отношений; это “боязнь необходимости жить в качестве изолированного индивида”. С другой стороны, боязнь смерти это боязнь утратить собственную индивидуальность, быть полностью поглощенным. Всю свою жизнь любое человеческое существо подталкивается вперед потребностью быть индивидуальностью и выражать себя более полно, и идет на попятную ввиду страха, что поступая таким образом, он отрежет себя от остального общества. Есть два возможных решения этой дилеммы: первое — “нормальная” личность, всем сердцем принимающая стандарты своего общества как свои собственные, второе — творческая индивидуальность, готовая остаться в одиночестве и создать свои собственные стандарты. Невротик не может принять ни одного из этих решений, ибо “...его тревога перед лицом индивидуальной автономии удерживает его от утверждения своих собственных способностей, его тревога перед лицом зависимости от других делает его неспособным к дружбе и любви” (Ролло Мэй: “Значение тревоги”). Короче говоря, невротик — это такая личность, у которой нет сил ни отстаивать свою собственную спонтанность в качестве индивидуальности, ни позволить себе потонуть в массе. Как отмечал Фрейд, он является бунтовщиком, страшась своих бунтарских тенденций и потому удерживающим их в подавленном состоянии.

С этой точки зрения основной проблемой психотерапии является устранение у пациента тревоги отделенности (*separation-anxiety*) и поэтому Ранк сделал своей практикой установление временных границ анализа на самых ранних стадиях курса лечения. Когда это происходило и пациент был соответствующим образом проинформирован, обнаруживалось, что он начинал видеть сны о рождении, предпол-

ожительно вызванные угрозой отделения от аналитика. В этой теории была одна полезная идея, которая ныне пользуется общим признанием со стороны ортодоксальных аналитиков, а именно, идея о том, что в психоанализе эффективным фактором является не выявление содержаний бессознательного, а эмоциональные события в ходе лечения. На практике Ранк делал следующее: фактически он игнорировал события прошлого и лечил лишь сопротивление по отношению к нынешним эмоциональным отношениям в том виде, в котором они представлены в отношениях пациента с аналитиком. Поступая так, он надеялся сократить период лечения до двух или трех месяцев. На самом деле эксперимент был абсолютно неудачным и, согласно Иву Хендрику, "...он окончательно продемонстрировал, что, хотя конфликты, происходящие в ходе лечебного процесса, являются движущими факторами любого аналитического лечения, их акцентирование не дает полной реакции если при этом не было глубоко проанализировано сопротивление по отношению к припоминанию вытесненного инфантильного опыта" ("Факты и теории психоанализа"). Уже поселившись в Америке, Ранк использовал свою теорию травмы рождения для развития нового и совершенно неаналитического подхода, известного как "терапия воли" (*Will Therapy*) и базировавшегося на "активном регулировании". Целью врача, согласно этой новой формуле, должно быть обучение пациента отстаивать свою волю к здоровью, "возрождаться" в качестве индивидуальности и освобождать себя от чувства вины, возникающего при самоутверждении. Получали поддержку тенденции к самоутверждению, а фрейдистские методы критиковались как усиливающие тенденцию подчинения авторитету. Критка этой теории очевидна: если бы пациенты могли лечиться сами с помощью собственной силы воли, то, в первую очередь, никогда не понадобился бы психоанализ.

Ранк умер в Соединенных Штатах в 1939 г. и за пределами Америки его теории больше не являются предметом дискуссий, хотя многие его предложения оказали влияние на других. Помимо вещей, которые мы обсуждали, а также его интереса к социальным служащим, Ранк внес опреде-

ленный вклад в антропологию, рассматриваемую в шестой главе. Его антропологические теории были матриархальны, в отличие от фрейдовского сильного патриархального уклона (в своей аналитической практике он считал, что аналитик представляет мать), и в этом плане он похож на британского аналитика Сатти, работу которого мы вкратце обсудим. Д-р Нандор Фодор, аналитик из Нью-Йорка, в своих необычных книгах "Поиск возлюбленного" и "Новые подходы к толкованию сновидений" использует ранковскую теорию травмы рождения, которая, как он утверждает, базируется на клинических, а не философских основаниях. Так как практически любой аспект человеческого поведения, включая даже запор, сводится в этих книгах к травме рождения, то совсем не трудно понять, зачем они вообще были написаны. Но если д-ру Фодору в каком-то смысле недостает воображения по части истоков, то никто не может обвинить его в недостатке изобретательности в его интерпретациях. Он сообщает нам, к примеру, что дети могут начать свою жизнь с затруднений, коими они обязаны пренатальным воздействиям, одним из которых является сила родительских сношений, воспоминание которых, как утверждается, явно присутствует в сновидениях взрослой жизни. Тот факт, что в матке не существует нервной связи между матерью и нерожденным ребенком д-ра Фодора не беспокоит, ибо он постулирует, что коммуникация осуществляется путем телепатии. Далее, согласно этой теории, пренатальные воздействия и травма рождения играют решающую роль в формировании характера и определяют душевное здоровье во взрослой жизни. Более научное изложение этой точки зрения предложил Филлис Гринекр, уверенный в том, что конституция, пренатальный опыт, рождение и ситуация непосредственно после рождения вместе взятые играют определенную роль в предрасположенности индивида к тревоге. Он замечает, что громкие крики, материнская нервозность и сходные стимулы увеличивают сердечную активность плода и частоту его движений, и предполагает, что они с полным правом могут рассматриваться как признаки тревоги. Подобная "тревога", безусловно, лишена психического содержания, но д-р Гринекр верит, что она состав-

ляет органический потенциал, который позднее может вызвать реакции тревоги.

С подъемом нацизма психоаналитическое движение, которое было сосредоточено главным образом в Вене. Будапеште и Берлине, распалось и покинуло свое изначальное пристанище. Отныне оно оказалось разделенным между Соединенными Штатами и Британией, и теперь нам следует обсудить сильно разошедшиеся тенденции, которые возникли под влиянием различных условий в этих двух странах, являющихся во многих отношениях столь схожими, а в других — столь непохожими

Глава 4

БРИТАНСКИЕ ШКОЛЫ

Наиболее драматическое распространение психоаналитическая теория получила во время и после Первой мировой войны, когда неудовлетворительные результаты лечения неврозов, вызванных войной, таких как контузия, стали очевидными. Разумеется, большинство психиатров в то время, как впрочем и в любое другое, не принимали теории Фрейда в целом, однако те, кому приходилось иметь дело с подобными неврозами, все более приближались к признанию того факта, что они являлись психологическими по происхождению и начинали использовать для их понимания некоторые понятия Фрейда. Как в Великобритании так и в Соединенных Штатах с 1918 года заметным было дальнейшее распространение психоаналитической информации среди широкой публики, а в начале двадцатых годов хлынул первый поток популярной литературы по предмету. В Америке выдающуюся роль в представлении работ Фрейда сыграл Дж. Стэнли Холл, ведущий детский психолог. Его перевод "Общего Введения в Психоанализ" Фрейда, опубликованный в 1920 году, снискал популярность у читателей. Другие работы Фрейда по мере их появления переводились А. А. Бриллом, выдающимся психоаналитиком. Примерно в это же время в Британии многие впервые узнали о психоанализе из небольшой книги Бернарда Харта "Психология умопомешательства", все еще остающейся классической. Однако ни Стэнли Холл, ни Харт не были психоаналитиками, и пионером ортодоксального психоаналитического движения в этой стране стал Д-р Эрнст Джонс, единственный уроженец Британии среди ранних учеников Фрейда. Таким образом сложилось так, что в 1920х-1930х годах в этой стране существовали (не считая последователей Юнга и Адлера) две основные группы психотерапевтов — ортодоксальные фрейдисты и большое количество индивидуалис-

тов, которые пользуясь многими понятиями Фрейда, отказывались принять теорию во всех ее аспектах. Эта последняя группа, которую можно было бы назвать “эkleктиками”, была наиболее заметной в Тэвистокской клинике, основанной доктором Кричтоном Миллером в Лондоне и связанной с такими именами как Д-р Дж. А. Хэдфилд и покойный Д-р Жан Сатти. Накануне Второй Мировой войны с распадом немецкого и австрийского психоаналитических движений множество выдающихся эмигрантов поселилось в этой стране и в Америке. Среди тех кто приехал в Британию были Вильгельм Штекель, сам Фрейд, его дочь Анна Фрейд, и Мелани Кляйн.

Некоторые из особенностей, отличавших американский подход к общественным наукам от западноевропейского, упоминались в Главе 1, где было отмечено что он как правило склонен скорее к недо-, чем к переоценке биологических факторов, и, соответственно, придает большее значение факторам окружающей среды и общества в целом, проявляет склонность к созданию теорий и основанию школ. Фактически, еще до создания теории, ее создатель деловито осматривается в поисках какой-либо сферы ее приложения. Во всех этих отношениях Британия, как в общем и вся Западная Европа, значительно отличается от Америки. Начнем с того, что британское отношение к науке отличается тем, что европейский ученый является потомком праздного состоятельного джентльмена, чьей первой целью было скорее *знать*, чем *делать*, и даже тогда, когда индустриальная революция породила нужду в прикладной науке, человеком, осуществлявшим это практическое внедрение был отнюдь не тот, кто порождал теоретическое знание. Здесь существует четкое разделение между университетом и техническим колледжем, и до совсем недавнего времени прикладная наука имела значительно более низкий статус, чем чистая наука, так что даже в наши дни тост чистого математика: “За чистую математику — и за то, что она никогда и никому не принесет никакой пользы!” вызывает отклик во многих сердцах. Сегодня это может быть опасной формой снобизма, но, вероятно, европейский ученый, склонный подчеркивать свою отстраненность, не в

большей мере сноб, чем ученый американский, который порой впадает в другую крайность, чтобы доказать, что он не интеллектуал, а всего лишь обычный человек. В сущности, результатом этого отношения является очень строгая интерпретация научного метода и нетерпимость к любой теории, не являющейся узко определенной и пункт за пунктом согласованной с экспериментальными и наблюдаемыми фактами. В частности, британские ученые преданы фактам, и если речь идет о философии, нашей основной целью на протяжении истории было показать, что не может существовать такой вещи, как метафизика. Американские философы тоже противостоят метафизике, однако по совершенно иным причинам, и ничто не могло бы быть антистетичнее британской точке зрения, чем прагматизм Джеймса, когда он утверждает, что истинность теории или убеждения должна быть проверена их практическими последствиями. Наш взгляд, любой ученый или философ, которого хоть в малейшей степени интересуют практические следствия, является в высшей степени подозрительным.

Последствия этой позиции наиболее очевидны в британской психологии и антропологии. Британская психология является типично экспериментальной или физиологической психологией; она не имеет теорий, за исключением теорий того строго ограниченного типа, которые необходимы в любой науке (ср. *hypotheses non tango** Ньютона), и со своих ранних философских дней мало интересуется школами мысли.

Можно прочесть приличное количество британской литературы, не осознавая того, что она каким-либо образом связана с живыми существами вообще, и средний учебник по психологии, после рассмотрения во всех мыслимых аспектах таких феноменов, как восприятие, ассоциации и обусловленность, память и т. п., заканчивается единственной главой по Фрейду, несколько апологетичной и как бы намеревающейся сказать: "Мы толком не знаем, для чего здесь эта глава, но люди на самом деле так сильно им интересуются". И все же, если что-нибудь из сказанного Фрейдом верно, его труды нельзя рассматривать как изо-

* Я не касаюсь гипотез (лат.) — Прим. ред.

лированную теорию об одном из аспектов функционирования психики, потому, что она имеет самое непосредственное отношение почти ко всем из них.

Заслуживающим упоминания исключением из этого общения является "Учебник по психологии человека" Питера МакКеллара. (Peter McKellar, *A Textbook of Human Psychology*. London: Cohen & West.)

В своих худших проявлениях этот тип отношения приводит к ужасающей академической стерильности, а в лучших — является ценной проверкой психологов, наподобие кипящего энтузиазмом Уотсона, которые, по-видимому, начинают с экспресс-цели доказать что то, что бы они хотели видеть истинным, является таковым в действительности. До совсем недавнего времени в Британии почти не существовало социальной психологии, и, как было замечено ранее, практически все значительные труды в этой области являются американскими. Фактически, на сегодняшний день существует по-видимому не больше полудюжины хоть сколько-нибудь значимых современных британских книг по этой теме. Возможно в некоторой степени это связано с осознанием того, что более сложные аспекты поведения в меньшей степени допускают строго научный подход ("личность" также рассматривается как скорее прискорбное слово), однако различия между британской и американской психологией лежат глубже этого и укоренены в их широко расходящихся понятиях о природе демократии. Британская демократия индивидуалистична, американская — коллективистична; нам нравится доискиваться, насколько люди различны, а не как сильно они похожи; мы склонны думать, что какими бы сходными ни были наши биологические процессы, наши личности не подчиняются никаким правилам и; не считая тривиальных случаев, находятся вне поля зрения науки; мы являемся самой законопослушной нацией в отношении деталей, все значение которых сводится к добавлениям к общей регулярности общественной жизни, но во всем, касающемся нашей частной жизни, мы — самый мятежный и анархичный из народов.

Посему такие распространенные американские понятия, как "приобретение друзей и оказывание влияния на людей",

или доморощенное “жизнь — это быть людьми”, или даже более научное или псевдонаучное “личность суть субъективный аспект культуры” порождают непонимание и даже некоторое чувство отвращения. Такие практические заключения, которые могут относиться к приобретению друзей “научным” путем, к социальной адаптации как чему-то вроде извращенного идеала, к “исправлению с Богом” в надежде, что он позаботится о повышении зарплаты или поможет протолкнуть важную коммерческую сделку, вызывают неприязнь у людей, воспитанных, как и большинство европейцев, в убеждении, что единственной осмысленной адаптацией является адаптация не к обществу, но к своей собственной совести, и что дружба или религия никогда не имели ничего общего с личной выгодой. Эти убеждения порождают определенное отношение к проблемам, рассматриваемым в этой книге, — отношение не всегда приносящее нам пользу. Мы рассматриваем психологию как в первую очередь биологическую науку, пользующуюся классическим научным и экспериментальным методом, и, соответственно, мало заботимся о ее социологических следствиях, и совсем не заботимся о философских, или даже о крупномасштабных гипотезах. Функция науки видится в обнаружении фактов и создании строго определенных теорий; традиционно считалось, что ученому как таковому нет никакого дела до того, как люди используют знания. Британия породила множество великих психологов и, наряду с Германией, может претендовать на право считаться колыбелью современной экспериментальной психологии, но многие из них нашли убежище в Соединенных Штатах, что открыло перед ними более широкие и спекулятивные горизонты. Аналогично, британский антрополог специализирован в полевых исследованиях среди небольших и примитивных племен, а не в крупномасштабном теоретизировании (возможно, за исключением Радклиффа-Брауна и Малиновского), и почти невероятным, учитывая мощь империи, является то, что до сравнительно недавнего времени их работа находила лишь незначительное практическое применение. В целом, британские ученые не были склонны и к написанию “популярных” трудов для неспециалистов;

ибо, хотя у нас и были свои великие популяризаторы, начиная с Рэя Ланкастера и заканчивая Артуром Томсоном и Г. Дж. Уэллсом, обычно признавалось, что научные способности человека обратно пропорциональны его способностям к популяризации. Наши психологи в общей массе не пишут для неспециалистов (что, учитывая строгие ограничения, налагаемые ими на свой предмет, возможно, не так уж плохо), а наши антропологи и психоаналитики редко дают своим книгам будоражащие воображение названия, возможно потому, что это давало бы неверное представление о природе их в высшей степени технического и чрезвычайно скучного содержания.

Интеллигентный неспециалист знаком с трудами Маргарет Мид, Эриха Фромма или Карен Хорни, но, если только он не имеет специальных знаний о предмете, он не читает Мелани Кляйн или Малиновского. Среди других терминов, дорогих сердцу американца, но находящихся в пренебрежении здесь — “культура”, “интеграция”, “адаптация”, “человеческая природа”, постольку, поскольку они, по-видимому, подразумевают туманные крупномасштабные понятия или оценочные суждения. “Культура” принимается в качестве слова, используемого антропологом, и действительно объясняющего, почему индивиды в данной группе обладают определенными взглядами и склонны вести себя в общих чертах сходным образом, в точности так же, как они склонны в широких пределах в целом сходно одеваться, но это слово не было бы принято (как это произошло в случае некоторых направлений мысли в Америке) как объясняющее что бы то ни было значительное относительно личности индивида. Можно сказать, что изучение личности и черт темперамента, возникло в Британии с появлением работ Галтона, но изучение личности в себе до очень недавнего времени вызывало лишь незначительный интерес, и лишь очень немногие психологи когда-либо придерживались взгляда, что “интеграция” или “адаптация” являются врожденно желаемыми, или, что “социальные удовлетворения” (*social satisfactions*) имеют столь первостепенное значение, в каком нас хотели бы убедить американцы. Для британского психолога эти слова значат только то, что утверждает

об их значении словарь, без каких бы то ни было моральных коннотаций или чего-то в этом роде. Ясно, что люди могут быть интегрированы вокруг крайне глупого убеждения или адаптированы к очень злобному обществу, и если социальные удовлетворения действительно важны, то, чувствует он, столь же важным является удовлетворение потребности в одиночестве, или, как это описывает профессор Берлин, "свобода от посягательств извне". Типично то, указывает профессор Д. У. Хардинг в его исключительно интересной книге "Социальная психология и индивидуальные ценности", что социальные нужды человека должны рассматриваться в соотношении с другими его нуждами, которым они порой должны быть принесены в жертву. Эти замечания о двух отличных подходах приведены здесь без каких-либо намерений провозгласить превосходство какого-либо из них, но можно с определенностью утверждать, что специфические исторические и научные традиции оказывают глубокое влияние на то, что психолог считает приличествующей ему областью исследования и как, по его убеждению, следует браться за разрешение ее проблем. По сравнению с ранним и более пассивным интересом к американским идеям, американский подход активно оказывает все более возрастающее влияние на европейскую психологию, однако на то, что это влияние все еще далеко от завершения, указывает чрезвычайная избирательность тех, кто им интересуется. Например, Британия была заинтересована теорией бихевиоризма, но усвоила ее скорее от Павлова, чем от Уотсона; неофрейдисты Хорни и Фромм стяжали себе здесь славу почти что научных бестселлеров — но их читали скорее интеллигентные неспециалисты, чем аналитики и психиатры; американские труды по социальной психологии тоже породили интерес — но они, пожалуй, лучше знакомы изучающим промышленное управление и работникам сферы социального обеспечения, чем академическим психологам.

Очевидно, социальные ученые подвергаются влиянию культуры как только покидают свои биологические основания, тогда как физические науки, такие как атомная физика и астрономия, остаются относительно свободными от нее.

Британская психотерапевтическая техника, рожденная на собственной почве, со времен Второй мировой войны почти вымерла. Она почти целиком выросла, как мы видели, в результате успешного применения некоторых фрейдистских понятий в случаях военных неврозов, начиная примерно с 1916 года и далее, и отмирает под тем же влиянием с распространением ортодоксального психоанализа и тенденции принимать во внимание все что угодно кроме простейшей и наиболее непосредственной психотерапии, как специализированной процедуры, требующей существенной тренировки как в теории, так и на практике. Другой причиной являются изменения в структуре неврозов, произошедшие в последние десятилетия, когда на смену более старому типу реакции, при котором сравнительно интегрированную личность внезапно начинали беспокоить один или более симптомов, все настойчивее приходили расстройства характера, при которых личность в целом испытывает такие нарушения, что исчезает четкая грань между "личностью" и "симптомом" и это приводит к последствиям, могущим причинить больше беспокойства окружающим, чем самому пациенту.

Расстройства этого типа, естественно, требуют крайне продолжительного, радикального, и детального анализа, и вряд ли поддаются влиянию какого-либо другого психотерапевтического метода. Двумя обсуждаемыми здесь английскими эклектиками являются У. Х. Риверз и Ж. Д. Сатти. Оба они, хотя и расходятся в большинстве других отношений, разделяют общее неодобрение наиболее грубых аспектов теории Фрейда и ратуют за психотерапию, которая должна быть скорее активной, чем пассивной, скорее краткой, чем длительной, и прежде всего с уважением относиться к моральным и религиозным убеждениям пациента. Оба, вероятно, согласились бы с Жаком Маритеном, считавшим что "явления, на которые пытается влиять психотерапия, суть патологические явления, а не моральные дефекты".

У. Х. Р. Риверз, психолог и в то же время один из наиболее выдающихся британских антропологов, задолго до Рут Бенедикт и Маргарет Мид настаивал на величайшем разнообразии "человеческой природы" в разных культурах.

В 1905 году, вместе с неврологом Хедом, выполнявшим функции субъекта эксперимента, он обнаружил, что когда сенсорный нерв, ведущий к коже руки, перерезан, восстановление различных форм чувствительности по мере заживления двух поврежденных концов протекает в определенном порядке. Смутные, грубые, притупленные ощущения боли появлялись прежде отчетливо локализованных и специфически тактильных, позволяющих нам использовать конечности и кожу для распознавания объектов. Обобщая это различие, Риверз пришел к заключению о существовании *протопатической* жизни, способной устанавливать пределы осознания у простейших организмов, способных лишь грубо реагировать на приятные или неприятные стимулы, и предшествующей в ходе эволюционного развития *эпикритической* жизни — более высокой и способной к различению чувствительности. Это, по-видимому, подтверждает его убеждение в том, что различие между примитивными и различающими, осознанными и бессознательными функциями, существует во всей нервной системе, и что протопатические в норме обычно находятся под контролем эпикритических, воздействующих на них посредством слияния, а порой и прямого вытеснения. В душе (*psyche*), типичное взаимоотношение между бессознательным и сознанием представляет собой отношение "использования посредством процесса слияния", энергии первого используются под высшим контролем, тогда как "вытеснение, посредством которого опыт становится бессознательным, суть лишь особая разновидность процесса торможения (*inhibition*) (как это определяет Павлов). Насильственные реакции "все или ничего", присущие маленьким детям, в которых они раскрывают свою естественную тенденцию полностью отпустить или полностью удержать, в ходе развития уступают место более различающему и контролируемому поведению взрослого. Принимая это во внимание, кажется естественным, что Риверз, занимавшийся во время Первой мировой войны лечением военных неврозов в госпитале Крейглокарт в Эдинбурге, и, описанный в образе психиатра в книге Зигфрида Сассуна "Мемуары пехотного офицера", должен был видеть в реакциях солдат перед лицом опасности подтвер-

ждение своей теории. Было отмечено пять возможных типов реакции, расположенных в порядке от более различающихся до абсолютно неконтролируемых: агрессия, бегство, "манипуляционная деятельность", неподвижность и коллапс.

Термин "манипуляционная деятельность" означает фазу, на протяжении которой отмечается неспособность принимать решения и индивид колеблется между агрессией и бегством, выполняя бесполезные действия в состоянии замешательства; остальные термины понятны сами собой. В этих случаях примитивные реакции осуществлялись прогрессивно, тогда как в типичном неврозе они бездействовали, будучи в основном вытесненными, но способными проявить себя в качестве симптомов. Здесь позиция Риверз приближается к ранней позиции Фрейда по поводу симптома, закрывающего то место, где погребено травматическое воспоминание, и становящегося излишним, когда воспоминание обретается вновь. Его классическим примером в этом отношении был случай доктора, во время своей армейской карьеры обнаружившего неспособность входить в убежища и в любые замкнутые или расположенные под землей помещения — страх, который, как было доказано, восходил к инциденту, случившемуся в детстве, когда он был напуган бросившейся на него собакой в темном коридоре дома, где он нередко бывал. Это происшествие было полностью забыто, но, как информировал своих коллег Риверз, после восстановления в сознании, фобия исчезла. Истерические параличи, анестезии, и тому подобное во время действительной службы имели "ту общую черту, что они делали их субъекта непригодным к дальнейшему участию в боевых действиях, и таким образом разрешали конфликт между инстинктивными тенденциями, связанными с опасностью и различными контролирующими факторами, которые можно отнести к одной категории под общей рубрикой долга" ("Инстинкт и бессознательное"). Весьма любопытен тот факт, что этот тип симптома почти всегда случается среди рядового и сержантского состава, тогда как офицеры склонны к развитию тревожных и навязчивых неврозов.

Покойный доктор Жан Сатти был еще одним эклектиком, чьи теории, изложенные в его книге "Истоки любви и нена-

висти" (*The Origin of Love and Hate*, опубликованной в 1935 году), демонстрируют типично английскую позицию, хотя и более измененную по сравнению с позицией Риверзэ по отношению к фрейдистской ортодоксии. Там, где Фрейд придерживался авторитарных и патриархальных взглядов на социальное и индивидуальное развитие, взгляды Сатти были демократичными и матриархальными, а там, где Фрейд подчеркивал значение секса, Сатти настаивал на значении любви. Так взаимоотношения матери и ребенка он рассматривал не как ситуацию, в которой чувственное удовлетворение ребенка может на более поздней стадии породить любовь к матери как своего рода вторичную об-работку, но скорее как такую, в которой "потребность в матери первично представляется разуму ребенка как потребность в компании и вызвана дискомфортом в изоляции". "Я не вижу возможности решить этот вопрос окончательно", — продолжает Сатти, — "но тот факт, что потребность в компании, моральной поддержке, внимании, защите, руководстве, и т.д., остается и после того, как все чувственные удовлетворения, связанные с телом матери, становятся излишними и ребенок от них отказывается, является неоспоримым. По моему мнению, это непосредственное развитие первичной привязанности к матери, и, далее, я считаю, что игра, сотрудничество, соревнование, и культурные интересы в общем представляют собой замещения взаимно ласковых отношений ребенка и матери. *Посредством этих замещений мы ставим все наше социальное окружение на место, некогда занимаемое матерью* — поддерживая этим ментальные или культурные взаимоотношения взамен ласки и т.п., которой мы некогда наслаждались с матерью." Далее, согласно Сатти, основная потребность ребенка — суть потребность в материнской любви, его основная боязнь — суть боязнь утраты этой любви, и все его последующие социальные и культурные позиции зависят от природы этого взаимоотношения. Конечно, некоторые из аналитиков всех направлений отвергали эту теорию, а ортодоксальные фрейдисты придавали все больше значения тревоге отделения, однако Фрейд, несомненно, рассматривал цивилизацию в ее воздействии на индивид, как по

преимуществу вытесняющую, и был убежден в том, что культура основывается на пресечении сексуального импульса и направлении его на символические цели. Сатти. напротив, утверждает, что культура происходит из игровой деятельности, которая "дает индивиду тот вселяющий уверенность контакт с его собратьями, который он утратил, когда естественные обязанности матери уже больше не требовались или не предлагались". Эта материнская любовь и боязнь одиночества являются сознательным выражением инстинкта самосохранения и вырастают из биологического факта беспомощности человеческого ребенка в первые годы после рождения.

Но если любовь представляет собой первейшую потребность индивида, ненависть, отнюдь не являясь внутренним стремлением к разрушению, суть реакция на ситуации, вызывающие боязнь утраты любви. "Злость направлена не на непосредственное устранение фрустрации или достижение цели момента, и в еще меньшей степени на разрушение [матери], но *на то, чтобы склонить мать выполнить эти желания ребенка.*" Злость представляет собой настойчивое требование помощи других, вечный упрек ненавистной персоне, весь смысл этого упрека сводится к требованию любви; в сущности, он всегда амбивалентен: смесь любви и агрессии.

Эта потребность ребенка в любви и защите может, однако, быть пресечена многими факторами, такими, как невротическая неспособность матери проявлять свои чувства, появление второго ребенка, культурные факторы (например, обучение опорожнению кишечника), или классовые факторы (например, работающая мать вынуждена вернуться на фабрику). Тогда ребенок предпринимает попытки устранить причину своего беспокойства и таким образом превратить свои чувства тревоги и ненависти в чувства любви и безопасности. Техника (в адлеровских терминах, жизненный стиль), которой он придерживается с тем, чтобы этого добиться, оказывает влияние на последующее развитие его личности и на его отношение к другим людям. В этот период могут возникнуть четыре типа отношений:

- (1) Ребенок может рассуждать следующим образом: “Мать всегда хороша — если она меня не любит, значит плох я.” Это может позднее вылиться в депрессивные состояния или в то, что Адлер описывал как “комплекс неполноценности”.
- (2) Он может думать наоборот: “Мать плоха, потому что не любит меня — я не стану доверять ей.” Такова позиция индивида, развивающего отношения преследования касательно общества.
- (3) Разрешение проблемы путем возвращения к более ранней стадии развития возникает из отношения, в сущности выражаемого следующим высказыванием: “Если я снова стану младенцем, мать будет так же добра ко мне, какой она была прежде.” Это порождает тенденцию к истерической недееспособности, а в тяжелых случаях — к шизофрении.
- (4) Правонарушения и преступность вырастают из следующего отношения: “Ты должна любить меня, а то я тебя укушу — я *все равно* как-нибудь добьюсь внимания.”

Сатти был первым и почти единственным английским психологом, осознавшим значимость культурных факторов. Он признавал общие наблюдения Фрейда касательно сексуального развития ребенка, однако видел, что они могут подвергаться сильному влиянию той культуры, в которой воспитывается ребенок. Так, анальная стадия является, по крайней мере до некоторой степени, артефактом, порожденным тем значением, которое в нашей культуре придается физической чистоплотности. Эдипов комплекс в том виде, в каком он описан Фрейдом, не универсален — а зависит от некоторых обстоятельств, оказывающих влияние на характер матери и ее эмоциональные отношения к сыну и к мужу: например, обделенная вниманием мужа жена склонна проявлять избыточную привязанность к своему сыну. Многие из воззрений Сатти очень близки к взглядам Адлера (например, его теория развития невроза отмечена следами адлеровского понятия “жизненного стиля”, в котором стремление к власти замещено стремлением вновь обрести утраченную любовь), однако он указывал на то, что адле-

ровское влечение к власти, далекое от того, чтобы быть универсальной тенденцией, представляет собой “тревожную реакцию на особенный способ воспитания и, следовательно, обусловлено определенными культурными влияниями”. Его особенно интересовало то, что он описывал как современное “табу на нежность”. Почему дела обстоят таким образом, спрашивал он, что современный индивид так боится показаться нежным или сентиментальным? Такие эпитеты, как “маменькин сынок”, “тряпка”, “баба”, или “плакса”, противопоставляемые идеализации стойкости, агрессивности и жесткости, которые рассматриваются в качестве достойных поощрения, приоткрывают антифеминистские тенденции. Сатти считает, что этот тип формирования характера отчасти является результатом реакции направленной против сформировавшейся в новое время привычки раннего отлучения ребенка от груди — это месть и отречение от отлучающей от груди матери. (Эта проблема подобным образом обсуждается также в работе Дж. Л. Холлидея “Психосоциальная медицина”.) Сатти выступал против патриархальной и антифеминистской предвзятости Фрейда, обусловившей его вывод о том, что женщины в основном испытывают зависть по поводу мужских половых органов. Он не оспаривал существования в некоторых культурах “зависти к пенису”, но показывал существование у нее не менее важных дополнений: (а) ревность отца по поводу того, что младенец обладает матерью, и (б) мужская зависть по поводу женской способности к деторождению, описанная как “ревность Зевса”.

Члены племени австралийских аборигенов Аранда выполняют ритуалы, в основе которых лежит фантазия о том, что мужчина в действительности способен вынашивать ребенка, и это можно объяснить выражением бессознательного желания. Наконец, в противоположность воззрениям Фрейда на религию, как на “универсальный невроз навязчивых состояний”, Сатти видел в религии выполнение функции психосоциальной терапии, поскольку как религия, так и психотерапия осуществляют свое влияние поддерживая или возвращая утраченное психическое здоровье посредством любви. Это наблюдение представляется интересным

в связи с находками, сделанными французским социологом Дюркгеймом в его знаменитом исследовании "Le Suicide", показывающем, что удовлетворительная интеграция в религиозную или иную группу является важным фактором в предотвращении самоубийства. Юнг также заметил, что некоторые его пациенты были практикующими католиками, заметное их число были протестантами, но большинство были агностиками; здесь снова так можно предположить, что участие в делах хорошо интегрированной группы способствует психическому здоровью, в то время как индивидуалистические позиции в религиозных и других вопросах очевидно коррелируют с неврозом. С другой стороны, разумеется, можно объяснять эти факты совершенно противоположным образом, поскольку вполне можно допустить, что те, кто являются невротиками, испытывают затруднения при попытках интеграции в социальные группы.

История детского психоанализа восходит к 1906 году, в котором Фрейд опубликовал знаменитую историю случая "Маленького Ганса" в своей статье "Фобия пятилетнего мальчика". Работая с Гансом, Фрейд предлагал свои толкования отцу (который также был подвергнут анализу), а отец передавал их своему сыну. Лишь в одной ситуации с ребенком виделся сам Фрейд, который впоследствии писал: "Никто другой (кроме отца) вероятно не смог бы уговорить ребенка сделать любое из таких признаний. Специальные знания, позволившие ему истолковать замечания, сделанные его пятилетним сыном, были необходимы, и без них технические трудности, связанные с проведением психоанализа столь юного ребенка, были бы непреодолимыми".

Очевидно, в то время Фрейд предполагал, что анализ таких маленьких детей возможен лишь в том случае, если аналитик и родитель являются одним и тем же лицом. В 1913 году наиболее ранние разработки в области детского анализа в его современной форме проводились Хермином Хаг-Хелмутом, сочетавшим аналитический подход с советом и поддержкой со стороны родителей. Можно также упомянуть Августа Айкхорна, работавшего с более взрослыми детьми-правонарушителями.

Однако, лишь с 1930-х годов стало возможным применение к детям всецело аналитического подхода, и здесь мы обсудим теории и воззрения, основанные на опыте работы с детьми и подростками в Континентальной школе Анны Фрейд и Английской школе Мелани Кляйн. В то время как работы Анны Фрейд касаются главным образом старших возрастных групп, Мелани Кляйн занималась очень маленькими детьми, и ее опыт в этой области привел к развитию все в большей степени биологической точки зрения на то, что фактически стало главным направлением ортодоксального психоанализа в Британии.

Публикация в 1936 году работы Анны Фрейд "Das Ich und die Abwehrmechanismen" (английский перевод, "Эго и Механизмы Защиты", был опубликован годом позже) подчеркнула новую для психоанализа тенденцию придавать больше значения эго или сознанию, чем это делали прежде. Мисс Фрейд указала, что, собственно говоря, термин "психоанализ" не приложим ко всякой технике, которая сосредотачивает внимание на ид вплоть до исключения всего остального. Об анализе символики сновидений она пишет: "...переводя символы, мы можем открыть содержания ид, не достигая, в действительности, сколько-нибудь глубокого понимания индивида, с которым мы имеем дело". Таким образом, лишь посредством анализа бессознательных защитных механизмов эго мы можем понять те трансформации, которые претерпели инстинкты. "Без знания этих [трансформаций] мы, конечно, можем открыть многое о содержаниях вытесненных инстинктуальных желаний и фантазий, но мы мало, или вообще ничего не узнаем о прерывностях, через которые они прошли, и о различных путях, которыми они входят внутрь структуры личности".

Аналитик с неизбежностью предстает в качестве нарушителя спокойствия эго, поскольку в ходе своей работы он обязан устранять вытеснения и разрушать компромисные образования, которые хотя и справедливо рассматриваются как патологические, с точки зрения эго представляют собой защитные системы, тщательно разработанные в попытке овладеть инстинктивной жизнью. Опасностей, от которых старается защитить себя эго, три: протесты супер-

эго, страх перед мощью инстинктов, и объективная тревога, вызванная окружением, которое господствует в маленьком ребенке до тех пор, пока не начинает формироваться супер-эго. “Инфантильное эго испытывает страх перед инстинктами потому, что его пугает окружающий мир. Его защита от них мотивирована боязнью окружающего мира, то есть объективной тревогой.” На этой стадии ребенок испытывает страх перед наказанием или лишением материнской привязанности (affection), вызванными инстинктивными проявлениями. В дополнение к этим трем влиятельным мотивам создания защитных механизмов, Анна Фрейд упоминает четвертый, который напоминает о категории несовместимых противоположных тенденций Юнга: “Эго взрослого требует своего рода гармонии между своими импульсами”, пишет она, “...и в связи с этим возникает серия конфликтов...между противоположными тенденциями, такими как гомосексуальность и гетеросексуальность, пассивность и активность и т.д.”

В этой книге описаны пять механизмов защиты: отказ от реальности посредством фантазирования, отказ от реальности посредством слов и поступков, ограничение эго, идентификация с агрессором, и “форма альтруизма”

*Отказ от реальности** посредством фантазии: Семилетний мальчик имел обыкновение тешить себя фантазией о том, что у него есть ручной лев, который терроризирует окружающих, но его любит. Лев подходил на его зов, спал в его комнате и следовал за ним как собака; куда бы он ни шел. Эта фантазия интерпретируется следующим образом: лев выступал заменителем отца, которого мальчик ненавидел и боялся как соперника по отношению к матери. В своем воображении мальчик просто отвергал болезненный факт и превращал его в приятную противоположность. Вызывавшее тревогу животное стало другом мальчика, и его сила, некогда внушавшая ужас, теперь была в распоряже-

* Англ. “denial” — “отказ (от реальности)” — термин, обозначающий специфику такого способа защиты, при котором субъект отказывается признать реальность травмирующего восприятия. — см.: Ж.Лап-ланш, Ж.-Б.Понталис, Словарь по психоанализу. — М., 1996. — С.314. — *Прим.перев.*

нии ребенка. Такие детские рассказы, как *Little Lord Fauntleroy*, в которых маленький мальчик или девочка приручают злого старика, рассматриваются как подпадающие под эту категорию.

Отказ от реальности посредством слов и поступков иллюстрируется поведением ребенка, пытающегося успокоить себя перед лицом боязни внешнего мира. "Я такой же большой как папа", или "Я такой же умный как мама", или "Это лекарство совсем не противное — оно мне очень нравится" — все это примеры отказа от реальности, защищающего ребенка от осознания своей беспомощности и зависимости.

Ограничение эго иллюстрируется случаем маленькой десятилетней девочки, которая, исполненная приятных ожиданий, в первый раз приходит на танцы. Она любовалась своим новым платьем и туфлями и с первого взгляда влюбилась в самого красивого мальчика на вечеринке. Но несмотря на то, что мальчик носил ту же фамилию что и она, и она уже успела вообразить существование между ними некоторой таинственной связи, он выбрал ее за неклюжестъ во время их первого танца. С тех пор она избегала вечеринок и не помышляла об обучении танцам, хотя ей и нравилось наблюдать как танцуют другие. В конце концов она компенсировала это ограничение своего эго, отбросив женские интересы и посвятив себя интеллектуальному развитию. Таким окольным путем она впоследствии завоевала невольное уважение нескольких мальчиков ее возраста.

Идентификация с агрессором — это метод преодоления тревоги посредством присвоения качеств противника в процессе интроекции. Так, маленький мальчик, побывав пациентом дантиста, будет играть в дантиста со своей сестрой, которая будет выступать в качестве пациента.

Форма альтруизма описывает противоположный механизм удовлетворения своих собственных желаний через жизни окружающих, как в случае с молодой гувернанткой, имевшей в детстве два заветных желания: красиво одеваться и иметь много детей. В дальнейшем она стала скромной и непритязательной, безразличной к своей одежде и без-

детности. Однако желания ее детства не исчезли и проявились в ее интересе к жизни других. Она работала, ухаживая за чужими детьми и была сильно озабочена тем, чтобы ее друзья красиво одевались. Как указывает Анна Фрейд, в литературе наиболее детальное исследование такой альтруистической капитуляции можно обнаружить в пьесе Эдмона Ростана "Сирано де Бержерак". Французский дворянин, обезображенный ужасным носом, но обладавший всеми культурными достоинствами, помогает поклоннику завоевать руку девушки, которую он сам любил, посылая ей стихи от имени поклонника и защищая своего соперника шпагой, чтобы удержать всех остальных на расстоянии.

Эти наблюдения Анны Фрейд были, конечно же, сделаны на детях, однако вполне естественно, описанные механизмы в равной мере приложимы и ко взрослым, чьи грезы, а иногда и поступки, также могут обнаруживать отказ от неприятных или пугающих реалий в фантазии, слове и поступке. Ограничение это было замечено Лазарсфельдом среди безработных. После длительного периода незанятости наблюдается тенденция сужения поля интересов работника и он начинает вести образ жизни, значительно более ограниченный, чем тот, что он вел прежде. Идентификация с агрессором упоминается Александером, как случавшаяся в нацистских концентрационных лагерях, где заключенные иногда вели себя по отношению к другим заключенным с той же жестокостью, которую они испытывали сами со стороны охранников. Можно также предположить, что старые свахи могут рассматриваться в категории вынужденного альтруизма. Другие, более знакомые нам типы защитных механизмов были описаны ранее как самим Фрейдом, так и другими представителями психоаналитической школы. Такие из них, как *вытеснение*, *тревога* (предупреждение об угрожающей бреши в образованной вытеснением системе защиты), *реактивное образование* и *сублимация* уже были описаны, а *рационализация* ("объяснение дурными причинами того, что мы делаем под влиянием импульса", как ее описал Брэдли) слишком знакома, чтобы требовать дальнейшего объяснения. О том, что происходит *замещение*, говорят, когда эмоция переносится со своего

первоначального объекта на другой, не имеющий к ней отношения объект. К примеру можно сказать, что мужчина, испытывающий фрустрацию на работе и избавляющийся от своей ярости, ругаясь дома со своей женой, вытесняет свою агрессию, а феномен любви по принуждению сходным образом суть вытеснение привязанности в отсутствии ее прежнего объекта. *Проекция* представляет собой другой важный механизм, в котором сексуальные или агрессивные в своей основе импульсы, невыносимые для индивида, приписываются внешней персоне или фактору. По крайней мере таким является ее обычное значение в психопатологии, хотя в более общем смысле Фрейд указывал, что “проекция внутренних восприятий на внешние является примитивным механизмом, который, например, влияет также и на наши чувственные восприятия, так что обычно он играет наибольшую роль в формировании нашего внешнего мира”. В этом широком смысле, когда бы ни происходило смешивание внутреннего и субъективного с внешним и объективным, можно говорить о проекции. Но иногда происходит обратный процесс и внешнее становится включенным в качестве части в состав самости, как это происходит в случае родительских запретов и требований, становящихся посредством *интроекции* супер-эго.

Интроекция и проекция образуют основы “Английской школы” Мелани Кляйн, которая была одной из ведущих фигур в современном европейском психоанализе несмотря на то, что ее работа оказала сравнительно небольшое влияние на Америку. Основные пункты разногласий между английской школой Кляйн и континентальной школой Анны Фрейд будут кратко сформулированы ниже. Здесь, однако, необходимо бегло рассмотреть теории первой, поддерживаемые сегодня большим количеством ортодоксальных аналитиков. Методы Анны Фрейд в общем согласуются с теми, которые используются во взрослой психотерапии и, следовательно, приложимы также к детям, достаточно взрослым для сотрудничества с терапевтом и адекватно владеющим речью в степени, достаточной для самовыражения. Мелани Кляйн, однако, разработала технику анализа свободно-ассоциативной игры детей, которая делает возможным приложение

психоаналитических методов к детям в возрасте от двух до шести лет. Полемика между двумя школами в некоторой степени касается проблемы обоснованности этого метода, поскольку если, как считают аналитики континентальной школы, он таковым не является, тогда очевидно, что всякая информация, полученная в результате его применения, является подозрительной. Однако, если мы признаем методы Мелани Кляйн, не может быть никаких сомнений в том, что предоставляемое ими новое понимание начальных лет жизни ребенка имеет величайшее из возможных значение. Сюзан Айзекс (Susan Isaacs), долгие годы изучавшая маленьких детей в экспериментальной школе Молтин Хаус (Malting House School), писала: "Иногда к самой возможности понимания психической жизни в ранние годы, как отличной в наблюдении последовательности и развития поведения, относятся скептически. Фактически, мы далеки от того, чтобы положиться на простое воображение или слепое угадывание даже по отношению к первому году жизни. Когда все доступные наблюдению факты поведения рассматриваются в свете аналитического знания, полученного от взрослых и детей старше двух лет, и соотносятся с аналитическими принципами, мы приходим ко множеству гипотез, имеющих высокую степень вероятности и к некоторым несомненным фактам касательно ранних психических процессов". Помимо Сюзан Айзекс, взгляды Мелани Кляйн были поддержаны другими видными аналитиками, такими как Джоан Ривьер, Д. У. Винникот, Геза Рохайм, и Т. Е. Мани-Кирль, а также покойным доктором Эрнстом Джонсом, биографом Фрейда, одним из его истинных учеников, и, прежде всего, старейшиной британских психоаналитиков. Много лет назад Фрейд обратил внимание на тот удивительный факт, что супер-эго детей зачастую более сурово, чем можно было бы ожидать, исходя из отношения к ребенку необычайно толерантных родителей, если, в чем были убеждены в то время, супер-эго является производным от интроекции родительских стандартов. Этот факт был истолкован с помощью предположения о том, что на самом деле интроецируется скорее родительское супер-эго, а не сознательные отношения родителей к ребенку.

Фрейд писал: "...супер-эго ребенка в действительности строится не по модели родителей, а по модели родительского супер-эго, оно принимает то же содержание, оно становится проводником традиции и всех вечных ценностей, передаваемых таким образом из поколения в поколение" (*Новые лекции по введению в психоанализ*). Согласно этой точке зрения, понятие супер-эго можно сравнить с биологическим понятием зародышевой плазмы (*germplasm*), которая, согласно теории Вайсмана, передается от одного поколения к другому, не испытывая воздействий переменчивых судеб индивидов, являющихся ее носителями.

Теории Мелани Кляйн могут пролить новый свет на истоки супер-эго, которое ортодоксальная фрейдистская теория считала возникающим вследствие разложения эдипова комплекса в возрасте примерно четырех лет. В теории Кляйн эти истоки уходят даже глубже, к первым месяцам жизни ребенка. Надо полагать, что на столь ранних стадиях жизни ребенок никак не отличает свое собственное эго от окружающего мира. Следовательно, в отличие от взрослого, рассматривающего эмоциональные реакции, вызванные внешними объектами, в качестве чисто личных чувств в пределах своего собственного разума, ребенок приписывает их самим этим объектам. То, что доставляет ему удовольствие, рассматривается как "хороший объект", а то, что причиняет ему боль, — как "плохой объект", и, таким образом, его мир становится населенным хорошими и плохими вещами, от которых он ожидает по отношению к себе поведения, соответствующего качествам, которые он им приписал.

Первым объектом ребенка является материнская грудь, которая порой с легкостью поставляет молоко, удовлетворяя потребности ребенка, а порой дает его мало, или не дает вовсе. Для младенца голод является пугающей ситуацией — не только потому, что кормление является для него чрезвычайно важным, но также и потому, что "...очень маленький ребенок, с не более чем минимальным пониманием времени, не способен переносить напряжение; он не располагает знанием, столь утешительным для человеческих существ постарше, о том, что утрата, фрустрация, боль

и дискомфорт обыкновенно всего лишь временные явления, за которыми последует облегчение. Следовательно, даже самое малое изменение ситуации (например, менее уютная поза или жмушая одежда, малейшие затруднения при захвате соска или извлечении молока) превратит приятный, удовлетворяющий стимул в неприятный и раздражающий. Таким образом, ребенок может как любить, так и ненавидеть один и тот же объект в быстрой последовательности или чередовании, и его любовь и ненависть, вероятно, склонны действовать по принципу все-или-ничего — здесь нет ограничений и количественных вариаций, присущих последующей жизни” (Профессор Дж. К. Флюгел: “Человек, нравы и общество”). Этот тип эмоциональной реакции (все-или-ничего) у маленького ребенка, а также тот факт, что его эмоции спроецированы во внешний мир, означает что, в сущности, он живет в мире, населенном богами и бесами — мире, который порой кажется небесами, а порой сущим адом. (На самом деле, Мани-Кирль (Money-Kyrle) полагает, что эти понятия произошли от забытых воспоминаний раннего детства.) Ненависть и агрессия, эмоции, формирующие ад ребенка, должны быть особенно пугающими, поскольку, согласно Джоан Ривьер, находясь в таком состоянии “...ребенок испытывает припадки удушья; его глаза ослепляют слезы, уши не воспринимают звуков, глотка воспаляется; кишечник спазмирует, его обжигают собственныне испражнения (Доклад: “О возникновении психического конфликта в раннем детстве”, цитируемый Флюгелем, op.cit).

В первые месяцы жизни преобладающее значение имеют два физических процесса — поглощение и выделение. Молоко из материнской груди поглощается при помощи рта и, вслед за процессом пищеварения, испражнения выделяются вовне. Представляется вероятным, что наиболее ранние психические состояния ребенка основаны на этих биологических фактах, таким образом, что то, что он поглащает или от чего избавляется в своем воображении, играет важную роль в формировании представлений о себе самом и об окружающем его мире. Говоря на языке психологии, процесс поглощения является тем, что описывается

как "интроецирование", а процесс выделения представляет собой "проецирование". Ребенок желает поглощать только хорошие объекты, например, удовлетворяющую грудь, и коль скоро он это делает, он обретает способность мыслить себя самого в качестве хорошего и "целого", а не просто как массу конфликтующих ощущений. Мани-Кирль полагает, что на этом типе интроекции основано понятие устойчивой самости. Однако, либо потому что жадность, с которой он берет грудь, частично агрессивна по своей природе, либо потому, что интроекция используется также в качестве средства контроля или уничтожения плохих объектов, порой случается так, что плохие объекты кажутся проникнувшими вовнутрь, и от таких проявлений его собственной агрессии необходимо избавиться, то ли с помощью процесса проецирования, то ли деструктивно. То, что Мелани Кляйн описывает как "установка преследования" возникает когда спроецированные плохие объекты, представляющие собственную агрессию ребенка, спроецированную в окружающий мир, вновь осаждают его. Гневные истерики и негативные состояния периода роста зубов, при которых ребенок может отказываться от пищи и яростно вопить, вероятно обязаны своим происхождением этому чувству преследования, которое аналогично мании преследования взрослого параноика. Однако, большей частью, нормальные дети перерастают подобные состояния, хотя некоторый остаточный элемент всегда сохраняется, инкорпорируясь впоследствии в чувство вины, представляющее собой черту всякого цивилизованного существа.

На более поздней стадии ребенок совершает новое и очень болезненное открытие, обнаруживая, что хорошие и плохие объекты, с которыми он сталкивался в первые месяцы жизни, представляют собой различные аспекты одной и той же персоны — его матери. Как раз в то время, когда реальность и воображение еще не достаточно дифференцированы и агрессивные желания представляются обладающими магической деструктивностью, ребенок приходит к убеждению, что он оказался перед опасностью разрушения или уже разрушил персону, в которой он более всего нуждается и которую больше всего любит. Эта стадия приводит

к чувствам депрессии и соответственно описывается как “депрессивная установка”. Именно потому, что это состояние является столь болезненным, в это время развивается тенденция возвращения к установке преследования с ее отделенными друг от друга хорошими и плохими объектами, и считается, что многочисленные чередующиеся состояния преследования и депрессии могут возникать до того как депрессивная установка уже вполне достигнута и в конце концов оставлена позади. Ребенок перерастает свой депрессивный период, когда постоянное присутствие матери постепенно приводит к осознанию того, что агрессивные желания менее убедительны, чем опасался ребенок. И все же, как и в случае установки преследования, остатки депрессивной установки всегда сохраняются. Депрессивный элемент чувства вины и тенденция взрослого преувеличивать “хорошесть” и “плохость”, всего, с чем он сталкивается, являются такими остатками. Поскольку элементы как установки преследования, так и депрессивной установки инкорпорируются в чувство вины индивида, Мани-Кирль полагает, что можно определить два экстремальных типа совести или супер-эго, хотя полный спектр, разумеется, будет располагаться между этими двумя крайностями: на одном краю находится тип, почти исключительно основанный на страхе наказания (установка преследования), а на другом — тип, основанный преимущественно на боязни травмировать или разочаровать любимый объект (депрессивный тип). Первый будет склонен ответить на чувства вины путем умилоствивливания (*propitiation*), а второй — возмещения (*reparation*). Представитель первого склонен быть авторитарной личностью, а второго — гуманной.

К возрасту двух-трех месяцев, когда начинает развиваться установка преследования, представления ребенка об агрессии обусловлены оральным уровнем развития. Следовательно, агрессия принимает форму фантазий о кусании, разрывании и высасывании, которые, будучи спроецированными на мать, порождают образ ужасающей фигуры, призванной рвать, раздирать, потрошить, и разрушать. (Ведьма, фигурирующая во множестве сказок, порождена, возможно, именно этой фантазией.) Из сказанного в

отношении этих теорий очевидно, что при их принятии многие из наших убеждений, касающихся воспитания детей и влияния социальных условий, должны будут претерпеть изменения. Ибо если действительно реальная агрессивность родителей является относительно маловажной по сравнению с агрессивностью, проецируемой на родителей ребенком, тогда почти не остается надежды на то, что более просвещенные методы воспитания детей сами по себе смогут радикально повлиять на развитие характера. Социальных усовершенствований невозможно достичь на социальном уровне и даже на уровне семьи. Их скорее следует начинать с такого анализа индивида, который призван устранить раннюю инфантильную тревогу, оставшуюся даже при самом просвещенном воспитании. Именно это средство предлагает Мелани Кляйн в эссе "Раннее развитие совести", содержащемся в сборнике "Психоанализ сегодня", изданном под редакцией Доктора Шандора Лоранда. Она пишет: "Настойчивые попытки усовершенствовать человечество — в частности сделать его миролюбивее — завершились провалом, потому что никто еще не понял всей глубины и мощи инстинктов агрессии, скрытых в каждом индивиде. Такие усилия не стремятся сделать ничего кроме поощрения позитивных, доброжелательных импульсов человека, одновременно отрицая или вытесняя импульсы агрессивные. А поэтому они были обречены на неудачу с самого начала. Однако психоанализ располагает иными средствами осуществления такого рода задач. Да, он действительно не в силах полностью покончить с человеческим агрессивным инстинктом как таковым; но он может, ослабляя тревогу, акцентирующую эти инстинкты, сломить взаимное подкрепление, постоянно происходящее между его ненавистью и его страхом. Когда в процессе нашей аналитической работы мы постоянно видим, как разрешение ранней инфантильной тревоги не только ослабляет и модифицирует агрессивные импульсы ребенка, но и приводит к более ценному использованию и удовлетворению их с социальной точки зрения; как ребенок проявляет вечно растущее, глубоко укорененное желание любить и быть любимым, и пребывать в мире с окружающим его миром; и сколь велики

удовольствие и польза, а также насколько сильно ослабление тревоги, вызванное исполнением этого желания — когда мы видим все это, мы готовы поверить, что утопическое сегодня вполне может сбыться в те отдаленные дни, когда, я надеюсь, детский психоанализ станет столь же неотъемлемой частью воспитания каждого человека, какой сегодня является школьное образование."

Чтобы показать различия между этими двумя важными школами, ввиду вынужденно ограниченного объема данной работы, мы могли бы суммировать их следующим образом:

В отношении теории:

А.

- (1) Анна Фрейд признает теорию ортодоксального фрейдизма, придавая в то же время эго и его защитным механизмам большее значение, чем это делалось прежде.
- (2) Принимая ортодоксальную теорию, она убеждена в следующем:
 - (а) хотя неосознанные и инстинктуальные факторы имеют огромное значение, такие факторы окружающей среды, как отношение к ребенку родителей, являются столь же важными. В значительной степени проблемы ребенка претерпевают изменения вместе с изменениями окружающей среды.
 - (б) супер-эго возникает на четвертом году жизни или около того путем, уже описанным в главе 1.
 - (в) важнейшие влечения представляют собой влечения сексуальные.

Б.

- (1) Мелани Кляйн также признает ортодоксальную теорию, однако, как было указано выше, претендует на открытие до настоящего времени неразработанной области до-эдиповых стадий.
- (2) Расходясь в этом отношении с ортодоксальной школой, она убеждена в том, что:
 - (а) факторы окружающей среды гораздо менее значительны, чем думали прежде.

- (б) может быть продемонстрировано наличие предшественников супер-эго на протяжении первых двух лет жизни.
- (в) по этой причине всякий анализ, оказавшийся не в состоянии проникнуть к стадиям инфантильной тревоги и агрессивности с целью их разрешения является совершенно неполным.
- (г) важнейшие влечения суть влечения агрессивные.

В отношении практики:

А.

- (1) Пользуясь методами Анны Фрейд детей можно подвергать анализу, начиная с трехлетнего возраста и старше.
- (2) Детали применяемого метода зависят от возраста ребенка. У маленьких детей (т.е. до латентной фазы) не приходится ожидать расслабления на кушетке для свободных ассоциаций, этот метод не всегда применим и к более взрослым детям. Ребенок поэтому может прохаживаться, говорить, рассказывать истории и сны, или играть в игры, и все эти виды деятельности используются в интерпретации, которая, как и в случае со взрослым, является постепенной.
- (3) Когда речь идет об анализе, есть два существенных отличия маленького ребенка от взрослого:
 - (а) эго маленького ребенка неразвито и его основной проблемой является достижение контроля над своими примитивными инстинктами. Вот почему в случае с ребенком, как и с психотиком, в анализе требуется осторожность при проведении интерпретаций.
 - (б) маленький ребенок не развивает типичного невроза переноса; он постоянно реагирует на актуальную ситуацию и в своей реакции не репродуцирует переживаний прошлого на аналитика.
- (4) Требуется содружество родителей как в обеспечении регулярности визитов ребенка к аналитику, так и в предоставлении информации и отчетов о прогрессе. Аналитик не делает никаких попыток, как было принято на более ранних этапах истории детского анализа и как обычно делается сегодня в среде не-аналитических детских

психологов, давать советы или изменять положение дел в доме ребенка. Напротив, в интересах аналитика сохранять домашнюю ситуацию без изменений на протяжении лечения, поскольку он стремится обнаружить как развились симптомы и характер ребенка.

Б.

- (1) Мелани Кляйн занимается детьми с двухлетнего возраста.
- (2) Метод сосредоточен вокруг фантазируемой жизни ребенка, раскрывающейся в игре. Интерпретации даются непосредственно, и даже самые глубокие интерпретации могут быть даны во время первой встречи.
- (3) Сотрудничества с родителями не требуется прежде всего потому, что их отчеты вполне могут быть искаженными их собственными неосознанными конфликтами, а во-вторых потому, что реальной ситуации придается мало значения.
- (4) Материал, с которым аналитик имеет дело (по крайней мере в виде интерпретаций), включает широкий спектр сексуальных и агрессивных фантазий из первого года жизни, включая эдиповы желания, желание разрушить материнское тело, а также стремление инкорпорировать отцовский пенис.

Утверждается существование даже в этом возрасте осознания родительского совокупления, которое представляется происходящим орально по аналогии с соском. Главным источником конфликта между классическими фрейдистами и сторонниками Кляйн в отношении взрослого психоанализа является то, что если последние правы, приписывая эти важные фантазии наиболее ранним месяцам жизни, то отсюда следует, что ортодоксальный анализ был существенно неполным, будучи неспособным работать с агрессией в ее наиболее примитивной форме, и с первыми попытками младенца разрешить связанные с агрессией проблемы.

Ввиду сказанного ранее нет ничего необычного в том, что Фрейдом заинтересовались в Британии, прежде всего благодаря его строго научному подходу, потому что приспособление в его понимании было скорее приспособлением индивида к себе самому, чем к обществу, а также

благодаря биологической направленности, усиленной впоследствии клэйнианцами, которых сегодня многие считают основным направлением ортодоксального психоанализа. Проблема одиночества и социального приспособления, которой придавали большое значение неофрейдысты, а также Райзман и другие американские авторы, может становиться здесь все более важной по мере возрастания как географической, так и социальной мобильности населения; однако вне всякого сомнения, будучи далеким от того, чтобы рассматриваться в качестве проблемы, одиночество, в смысле отсутствия беспокойства со стороны соседей или приставаний без необходимости с разговорами в поезде — отсутствия “посягательств” — представляет собой идеал английского среднего класса, а касательно социального приспособления следует сказать, что англичане всегда лелеяли эксцентричных представителей своего народа, по крайней мере в ретроспективе. Риверз, конечно, великий антрополог, однако, хотя его анализ нервных механизмов, вовлеченных в конфликт и регрессию, и является в сущности корректным, он не был оригинальным, в то время как его наблюдения эпикритических и протопатических ощущений в кожных нервах хотя и подтверждаются экспериментально, сегодня объясняются физиологами иначе, равно как и обнаруженные факты, считавшиеся связанными с теорией высшего и низшего уровней центральной нервной системы. На его психологические наблюдения, сделанные в относительно ограниченной области неврозов, связанных с войной, все еще ссылаются психиатры, однако психологи и психоаналитики делают это значительно реже, что отчасти обусловлено принадлежащей Риверзу теории каузальности, являющейся скорее физиологической, чем основанной на психическом детерминизме. Так, обсуждая сновидения, Риверз полагает, что как воображаемое, так и эмоциональное содержание сна обусловлены недавними событиями, что сны исполнения желаний представляют собой частный случай более общего состояния, в котором всякая эмоция или насущная проблема может прорабатываться так же, как и в случае с мечтаниями, и что инфантильная или искаженная природа явного содержания является след-

ствием не вытеснения или символизма, а физиологической регрессии к более примитивным уровням нервной системы под влиянием сна. В психологическом отношении это напоминает точку зрения Адлера, согласно которой сновидения пытаются разрешить злободневные вопросы, но их не следует считать во всех нюансах детерминированными, а наиболее важной чертой сновидения является его эмоциональный тон. Но Риверз мыслит понятие регрессии в нейробиологических терминах "серии уровней нервной системы", впервые описанной Кабанисом во времена Французской революции и разрабатывавшейся спустя столетие крупным британским неврологом Хаглингсом Джексоном. Однако, его описание примитивных реакций на страх все еще не имеет себе равных и представляет значительный интерес, демонстрируя тип поведения, по-видимому не связанный с культурой и в одинаковой мере присущий как людям, так и животным, хотя, вне всякого сомнения, на тот пункт, в котором действительно происходит срыв, оказывают влияние социальные, индивидуальные, а также физиологические факторы.

В целом психоаналитики склонны игнорировать эти реакции, хотя, разумеется, они многое открыли в механизмах работы разума на наиболее примитивном уровне борьбы или бегства. Психоаналитики не смогли удовлетворительно объяснить совершенно ясных случаев истерии и других неврозов, связанных с культурным уровнем и классовым пониманием, отмеченных Риверзом и имевших даже более поразительные подтверждения в годы последней войны. Не впадая в сверхдоверчивость, трудно понять, почему в Первую мировую войну истерические реакции были характерны главным образом для рядовых солдат, тогда как во время последней войны сколько-нибудь значительные их проявления были почти неизвестны в любой из армий цивилизованных стран и были ограничены более примитивными войсками из Азии, Африки и Южной Европы, если истерию следует рассматривать в качестве регрессии к фаллическому уровню, на котором прежде произошла фиксация.

Наблюдения свидетельствуют о том, что культурный и образовательный уровень может быть по меньшей мере

столь же значим, как и эмоциональный, и все же в то время как большинство психиатров становятся в растущей степени заинтересованными и озабоченными изменяющимися моделями невротизма, практически полным исчезновением конверсионной истерии (*gross conversion hysteria*) и соответствующим ростом расстройств характера, все, что может сказать Феникель в своем объемном томе "Психоаналитическая теория невроза", сводится к тому, что, хотя исследование причины этой перемены было бы увлекательной задачей, оно "находится вне компетенции аналитика", и хотя эта перемена должна иметь важные последствия для психоаналитической теории, автор отделяется от нее одной страницей.

Другой проблемой, с неизбежностью возникающей в связи с работой Риверса, является вопрос краткой терапии, противоречащей психоаналитической позиции, считающей адекватным лишь полный анализ, в то время как всякая иная форма терапии должна основываться в первую очередь на внушении. Обоих этих вопросов при последующем обсуждении нам нужно будет время от времени касаться, однако в данный момент следует отметить позицию не-фрейдистских психотерапевтов, считающих затруднительным понимание того, (а) почему следует задаваться перфекционистской целью, когда пациент просто просит об освобождении от определенных источников дискомфорта, тем более, что по всей вероятности, очень немногие люди с точки зрения Фрейда не требуют анализа, хотя в действительности такой анализ был бы невыполнимой задачей, (б) почему непозволительно активно пользоваться теорией Фрейда в терапии для интерпретации и понимания доступного наблюдению поведения пациента, когда именно такой подход применяют в работе с детьми-клянианцами. Почему, говоря кратко, необходимо ждать интерпретации симптома пациентом, когда мы уже с теоретической обоснованностью знаем его основное значение? Конечно, экономия времени и денег не была единственной причиной краткой психотерапии, вроде той, какую в Англии практиковал Т. А. Росс и которая основана скорее на устаревших взглядах Дежерина, или той, которой пользовался Уильям Браун, базировав-

шийся в основном на теориях Фрейда и Мак Дугалла. Имело место прежде всего медицинское убеждение в том, что невроз является "болезнью", которая "есть" у пациента, в точности так же, как у него может быть пневмония, а во вторых, моральное убеждение, что мы не в праве без необходимости вмешиваться в личность пациента, проявляющуюся в его этических и религиозных взглядах. Первое убеждение первоначально разделял и сам Фрейд, но поскольку сегодня совершенно ясно, что невроз не является болезнью в медицински приемлемом смысле, и что он не представляет собой нечто такое, что "есть" у человека, но скорее нечто, чем он "является", ни один из этих взглядов не является приемлемым, несмотря на пылкие возражения Маритена и Далбьеца, пытающихся убедить нас в обратном. Однако все еще остается возможным придерживаться того мнения, что в непрестанно уменьшающемся числе случаев, при которых явные симптомы проявляются в качестве данной проблемы, вмешательство должно быть сведено к минимуму, за исключением тех случаев, когда предполагается проведение полного анализа.

Теории Сатти поначалу привлекали большое внимание, и все еще цитируются социальными психологами и социологами, отвергающими биологические и индивидуалистические пристрастия Фрейда, но в остальном они использовались больше в качестве палки для битья Фрейда, чем в качестве психотерапевтического подхода. Его атака на ортодоксальные взгляды и, в частности, на самого Фрейда, яростна и оставляет впечатление, что факт утверждения чего-либо Фрейдом является наилучшим основанием для утверждения обратного. Но несмотря на это, его обсуждениям свойственна ясность изложения и тщательная аргументация, а поскольку эта теория представляет собой наиболее детально разработанную английскую динамическую теорию личности, относительное пренебрежение ею скорее удивляет, хотя, возможно, и объяснимо тем фактом, что работа "Происхождение любви и ненависти" была опубликована во время, когда фрейдистское движение в Британии быстро набирало силу даже в самой Тэвистокской клинике. Оппозиция Сатти по отношению к Фрейду представля-

ется направленной главным образом против его патриархальной авторитарности, которую Сатти пытается заменить матриархальными и демократическими тенденциями, однако психологи проявляют наибольший интерес к его критике двух наименее удовлетворительных предположений Фрейда, касающихся природы агрессивности и природы общества. Считая вопрос о врожденной природе агрессивности бессмысленным и неуместным, психолог видит, что экспериментально она происходит из фрустрации влечения, что представляет собой именно позицию, поддерживаемую Сатти касательно клинических оснований, а та точка зрения Фрейда, согласно которой социальный импульс порождается объединением испытывавших "торможение перед целью" (*goal-inhibited*) сексуальных импульсов в сущности враждебных индивидов, также слабо рассматриваемая психологами, подвергается нападкам Сатти как тавтология (*circular argument*), поскольку трудно понять, почему сексуальное желание должно быть заторможено иначе, чем в результате социальной организации, а то, что возникает в результате общественной жизни, также вряд ли может быть его причиной.

Аргументацию Сатти удостоивает похвалы Д. У. Хардинг, тем не менее указывая, что выведение социального желания из привязанности, испытываемой ребенком по отношению к его матери в младенчестве, является примером заблуждения, присущего всем аналитическим школам — заблуждения, заключающегося в том предположении, что первое проявление тенденции является ее источником. Хардинг приходит к заключению, что "было бы по меньшей мере заблуждением говорить, что ловля мышей взрослым котом "порождена" склонностью котенка гоняться и набрасываться на раздуваемые ветром листья и движущиеся клочки бумаги; в такой же степени заблуждением было бы говорить вместе со Сьюзан Айзекс, что стремление к собственности возникает из желания младенца гарантировано обладать грудью; или утверждать, что социальное стрем-

* См прим на стр 175 — Прим.ред.

ление "порождено" привязанностью, которую ребенок чувствует по отношению к матери".

Однако, если мы принимаем логику этой аргументации в качестве основательной критики слишком поверхностного предположения, становится очевидным, что альтернативная точка зрения, считающая, что нет никаких причин воздерживаться от постулирования врожденной расположенности к социальному поведению, по разному проявляющемуся в разное время, является еще менее здравой.

Исходя из этой точки зрения, доводя ее до логического завершения, нам следует предположить не только врожденную социальную расположенность, но также и врожденную расположенность к приобретению, и так далее, до тех пор, пока мы не придем в конечном итоге к теориям первородного (*original*) инстинкта, выдвинутым Мак Дугаллом и другими, от которых, согласно общепризнанной позиции, нас избавил Фрейд — а это приводит к тавтологии и к бесплодным объяснениям, которые вообще не являются объяснениями. "Почему этот человек жаждет денег?" Благодаря его инстинкту приобретения. "Но почему он жаждет их больше, чем другие люди?" Потому что его инстинкт приобретения врожденно более сильный. "Что это за инстинкт и как вы его опознаете?" Это инстинкт обладать и приобретать, и его можно наблюдать в этом человеке, жаждущем денег. Какими бы ни были их недостатки, аналитические школы избавили нас от абсурдности вопросов о том, страдают ли несовершеннолетние преступники от излишне развитого агрессивного импульса, и является ли материнское пренебрежение результатом недоразвитого материнского импульса.

Обсуждавшие до сих пор британские школы оказали в целом мало влияния как на Соединенные Штаты, так и на вряд ли насчитывающих 250 психоаналитиков, разбросанных по остальным западно-европейским странам, и поэтому стоит закончить эту главу кратким обзором труда одного британского психоаналитика, в отношении которого верно обратное. Взгляды доктора У. Р. Д. Фэрберейрна из Эдинбурга получили слабое признание в британских психоаналитических кругах, где по-прежнему царит более или менее

строгая ортодоксия, препятствующая всякому существенному расхождению с первоначальной позицией Фрейда, но снискали большое уважение у ведущих авторитетов в Соединенных Штатах. Причину этого отыскать не трудно; ибо Фэзербейрн в своей книге "Психоаналитические исследования личности", впервые опубликованной в 1952 году, в значительной степени отказывается от свойственного Фрейду превознесения биологического, с его образом в своей основе ищущего удовольствия либидо, стремящегося к удовлетворению при посредстве различных эrogenных зон (оральной, анальной, фаллической, и т.д.), которое развивается от одной стадии к другой в процессе неизбежной эволюции, также обусловленной биологически. На его место предлагается подлинно психологическая психология, основанная на понятии центрального эго, ищущего связи с объектами, в которых оно может найти поддержку, и мы видим, что такой подход созвучен современным американским теориям. Так доктор Т. С. Шац (Szasz) из Нью Йорка в своем важном исследовании "Миф психического заболевания" (издательство Секер и Варбург, 1962 год), основной тезис которого заключен в том убеждении, что психическое "заболевание" представляет собой не существо болезни, а форму коммуникации, использующую язык болезни, высказывает следующее: "Фэзербейрн был одним из наиболее преуспевших в последовательно психологической формулировке так называемых психиатрических проблем. Подчеркивая, что психоанализ имеет дело прежде всего с наблюдениями и утверждениями об объектных отношениях, он переформулировал значительную часть психоаналитической теории с позиции этого эго-психологического (и, следовательно, коммуникационного) подхода... именно Салливан и Фэзербейрн дали толчок более полной оценке коммуникативных аспектов всех типов случаев, встречающихся в психиатрической и психотерапевтической работе."

Придавая фундаментальное значение событиям двух оральных фаз, Фэзербейрн рассматривает анальную и фаллическую фазы, описанные Фрейдом и Абрахамом, в качестве артефактов, и полностью отвергает фрейдистский тезис о том, что каждый тип невроза представляет собой регрессию

к особому более раннему уровню, например, невроз навязчивого состояния (*obsessional*) к анальному уровню, а истерический — к фаллическому. В противоположность этому он пишет: "... мои собственные находки почти не оставляют сомнения в том, что *параноидальное, навязчивое и истерическое* состояния — к которым можно добавить фобическое состояние — в сущности представляют собой не продукты фиксации на особых либидозных фазах, а просто ряд техник, призванных защитить эго от воздействия конфликтов орального происхождения." Либидо, согласно этой позиции, является, в сущности, ищущим объекты (*object-seeking*), а так называемые эрогенные зоны представляют собой каналы, посредством которых эго осуществляет эти цели. тогда как развитие эго следует понимать в терминах объектных отношений, и в частности с теми объектами, которые были интернализированы на ранних этапах жизни под давлением лишения и фрустрации. Что это значит, мы вскоре увидим, но, вообще говоря, развитие рассматривается как процесс перерастания из ранней стадии инфантильной зависимости, основанной на первичной идентификации с объектом, в состояние взрослой и зрелой зависимости, основанной на дифференциации объекта от себя самого. Схематично ход нормального развития можно представить следующим образом:

- (1) Стадия инфантильной зависимости, характеризующаяся установкой присвоения (*attitude of taking*), которая подразделяется на
 - (а) раннюю оральную — инкорпорирование — сосание или отвергание (доамбивалентную)
 - (б) позднюю оральную — инкорпорирование — сосание или кусание (амбивалентную).
- (2) Стадия перехода от инфантильной зависимости к зрелой зависимости, которая характеризуется дихотомией хороших и плохих инкорпорлируемых объектов и их постепенной экстерииоризацией во внешний мир.
- (3) Стадия зрелой зависимости, для которой характерна установка давания (*attitude of giving*), тогда как принятые, так и отвергнутые объекты уже экстерииоризованы

В период ранней оральной фазы естественным объектом является материнская грудь и коль скоро она оказывается хорошей, ее содержимое инкорпорируется. Однако в условиях лишения возникает тревога за то, как бы объект вместе с его содержимым не был инкорпорирован, и таким образом, уничтожен. Поскольку на этой стадии амбивалентной ситуации любви-ненависти еще не возникло, проблема, стоящая перед фрустрированным младенцем заключается в том, что он мог непреднамеренно разрушить свой любимый объект и что, следовательно, его любовь является деструктивной и опасной. В этом заключается основание шизоидного состояния. В период поздней оральной фазы положение дел абсолютно иное; поскольку к этому времени естественный объект становится матерью с грудью и, когда он представляется плохим, он может быть покусан, а его плохой аспект инкорпорирован с целью установления над ним контроля. Амбивалентность с ее путаницей между любовью и ненавистью в этот период вызывает во фрустрированном младенце основную проблему, заключающуюся в том, как любить объект, не разрушая его ненавистью. Это основание депрессивной реакции. Далее мы увидим, что шизоидный индивид на протяжении жизни испытывает опустошающее чувство того, что его любовь плоха и деструктивна — вследствие этого он склонен избегать глубоких эмоциональных взаимоотношений; депрессивный индивид, в свою очередь, может чувствовать, что по меньшей мере его любовь хороша, и, следовательно, сохраняет способность поддерживать отношения с окружающими объектами. Обеспокоен же он тем, что хотя его агрессия была дифференцирована, ему не удалось предпринять следующий шаг, описанный выше как дихотомия объекта, то есть вместо того, чтобы располагать свободой направлять свою ненависть на отвергаемые объекты, а любовь, относительно нетронутую ненавистью, — на объекты принимаемые, его взаимоотношения всегда остаются амбивалентными. Поскольку никто не проходит без шрамов через период инфантильной зависимости или через сменяющий его переходный период, Фэрберн убежден в том, что в каждом человеке

присутствует в качестве скрытого основания либо шизоидная, либо депрессивная тенденция, в зависимости от того, на какой из оральных фаз (ранней или поздней) он преимущественно испытывал трудности в инфантильных объектных отношениях. Эти два состояния представляют собой нечто вроде основного невроза или характерологии, сравнимой с экстравертным и интровертным типами Юнга или циклотимическим и шизотимическим типами Кречмера, а разнообразные невротические реакции позднейшей жизни представляют попытки преодоления трудностей и конфликтов, касающихся объектных отношений в результате устойчивости инкорпорированных объектов, хотя действительный ход событий будет зависеть от тех обстоятельств, с которыми индивиду доведется столкнуться.

Следовательно, все психопатологические состояния возникают задолго до развития супер-эго и основаны на взаимоотношениях различных участков эго к интернализированным объектам и друг к другу в качестве объектов. Это привело Фэербейрна к его концепции психической структуры, представляющей собой структуру "множественности эго". По его собственному утверждению: "... Я был вынужден оставить в стороне традиционную классификацию психической структуры в терминах эго, ид и супер-эго, в пользу классификации, выраженной в терминах эго-структуры, расколотой на три отдельные эго — (1) центральное эго ("Я"), (2) либидное эго, и (3) агрессивное, эго преследования, которое я определяю как внутреннего диверсанта (*saboteur*)". Первое грубо соответствует эго Фрейда с тем важным отличием, что оно представляет собой первичную и динамичную структуру, которая не вырастает из ид и не зависит от исходящей из ид энергии или импульсов. Напротив, оно является первичной структурой, которой остальные обязаны своим происхождением. Либидное эго, хотя и соответствует в некоторой степени фрейдовскому ид, является производным от центрального эго и, подобно ему, представляет собой динамичную структуру, отличающую главным образом своим более инфантильным характером. Внутренний диверсант в целом также является эго-структурой, сравнимой с супер-эго Фрейда, однако дейст-

вующей на более низком уровне психической организации. Отвергая Фрейдово понятие ид, Фэрбейрн сохраняет его понятие супер-эго, без которого, по его мнению, невозможно удовлетворительное объяснение вины.

Невозможно избежать сравнения этой теории с теорией Кляйн, однако следует помнить о том, что Кляйн признавала все те основные принципы теории Фрейда, против которых Фэрбейрн наиболее сильно возражает — ее собственная теория, несомненно, была в основном дополнением к теории Фрейда. Более того, она придавала основное значение “депрессивной установке”, тогда как теория Фэрбейрна первоначально выросла из изучения шизоидной установки.

Американских аналитиков его теория привлекает тем, что она представляет собой эго-психологию, в основном не-биологическую и занимающуюся объектными отношениями — хотя в первую очередь следует заметить — с объектами интернализированными. Проведенное Шацом сравнение Фэрбейрна и Салливана (чьи теории рассматриваются ниже) вряд ли достигает тех результатов, на которые оно претендует; поскольку Салливан, допуская, что индивид может “взаимодействовать” с тем, что он описывает как “фантастические персонификации”, которые можно сравнить с интернализированными объектами, занимался главным образом межличностными взаимоотношениями с реальными людьми, имеющими место на протяжении всей жизни. Психология Фэрбейрна представляет собой глубинную психологию в наиболее полном смысле этого слова, тогда как психология Салливана является прежде всего психологией социальной.

Глава 5

ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Психосоматические расстройства, строго говоря, принадлежат к пограничной территории между психоанализом и медициной тела. Тем не менее они заслуживают упоминания здесь, во-первых, потому, что психоанализ сыграл главную роль в создании психосоматической точки зрения, а, во-вторых, потому что они оправдывают обсуждение некоторых авторов, внесших вклад в эту область. Георг Гроддек, Вильгельм Райх, Франц Александер и Дж. Л. Холлидей — все тем или иным образом применяли теорию Фрейда для решения проблем органических и социальных болезней, и, соответственно, удобно будет упомянуть о них здесь.

Вплоть до 18 и начала 19 века такие психологические факторы как потеря удачи, смерть любимого человека или разочарование в любви, вполне естественно признавались терапевтами как играющие важную роль в порождении заболевания. Но к концу 19 века растущие знания в области патологии и введение новых методов в микроскопии привели немецкого патолога Вирхова и других к предположению, что все заболевания носят органический характер, что до тех пор, пока под микроскопом не могут быть обнаружены заметные клеточные изменения, о существовании какой-либо болезни не может быть и речи. Это убеждение в психиатрии сказалось на отвлечении внимания от психологических факторов и сосредоточении его на физических, и этот подход казался полностью подтвержденным, когда в большом количестве умственных расстройств была действительно обнаружена органическая причина (например, открытие, что общий паралич сумасшедшего является формой сифилиса нервной системы). Однако, к началу нашего столетия труды Фрейда, Джэнета и Крэпелина вновь привлекли внимание психиатров к понятию психологически-производимого расстройства, хотя лишь в сравнительно недав-

нем прошлом мы пришли к осознанию того, что органические заболевания, равно как и умственные, могут иметь психологическое происхождение. Многие, слыша о том, что психологические факторы в силах влиять на течение органического заболевания, или даже инициировать его, весьма туманно представляют, что в точности при этом происходит.

Следует ли предполагать, что неощутимая сущность, описываемая как "разум", сущность, которую не в силах продемонстрировать ни один из известных научных методов, может быть причиной весьма ощутимых последствий? Один из возможных ответов на этот вопрос заключается в том, что существование разума представляет собой философскую проблему, разрешить которую ученый не в силах, хотя вполне можно допустить, что когда-нибудь в будущем он смог бы показать, что гипотеза разума была излишней для объяснения его наблюдений; однако мы не касаемся непосредственно этой проблемы, когда говорим о психологических факторах заболевания. Терапевт или психоаналитик оставляет проблему разума в стороне, поскольку вопрос о том, материализм ли, идеализм, или та или иная дуалистическая философия является истинной, имеет очень небольшое практическое значение в лечении заболевания. То, что мы в действительности имеем в виду, показано Уильямом Уайтом в его книге "Смысл заболевания" "Ответом на вопрос: в чем заключается функция желудка? является пищеварение, представляющее собой лишь маленькую часть деятельности целостного организма и лишь опосредованно, хотя, конечно, важно, относится к другим его функциям. Но если мы возьмемся ответить на вопрос: "Что делает человек?", мы ответим в терминах целостного организма, говоря, например, что он прогуливается по улице, или участвует в забеге, или идет в театр, или изучает медицину, или что бы то ни было еще... Если разум суть выражение целостной реакции, в отличие от частичной реакции, тогда любому живому организму следует приписать психические, то есть целостные типы реакции." Таким образом, психический или психологический фактор может, для практических целей, рассматриваться как относящийся к целостным (*total*) реакциям индивида, а "психосоматичес-

кое" или "психологическое" заболевание суть такое, которое невозможно вполне понять, не принимая в расчет отношений пациента как уникальной персоны к его окружению, к самому себе и к другим людям.

Хотя непосредственно сам Фрейд не внес большого вклада в изучение психосоматических заболеваний, его теории сделали возможным серьезное рассмотрение психологически-продуцируемой болезни, первоначально, как мы видели, в области невроза. Первым аналитиком, заинтересовавшимся психологическими аспектами органического заболевания, был Георг Гроддек (1866-1934) из Баден-Бадена, который в работах "Книга об Оно", "Мир человека" и "Неизвестная Самость" выдвинул несколько диковинную и в большей степени интуитивную теорию, основанную на его опыте анализа случаев заболевания сердца, нефрита, рака и других серьезных органических болезней. Индивид, согласно этой теории, не живет своей собственной жизнью и имеет мало общего со своей судьбой. Фактически, проживается "Оно", которое, по-видимому, мыслится как соединение Фрейдовского "ид" с мудростью юнговского коллективного бессознательного. Это "Оно" решает, когда будет рожден индивид, а также, когда ему предстоит умереть, преуспее ли он в своих начинаниях, когда и как его настигнет болезнь. Каждое заболевание, от бородавки до рака, суть выражение вездесущего и всемогущего "Оно". Например, одной женщине с маленькой бородавкой на внутренней стороне бедра Гроддек сказал, что она желала стать мужчиной, и поэтому произвела (или, скорее, её "Оно" произвело) миниатюрный пенис. Женщина с опухолью матки, очевидно, развила опухоль потому, что, из-за отсутствия детей, "Оно" породило этот выросший в ней смертоносный заменитель "ребенка". Человек с переломом был бы спрошен: "Зачем вы сломали себе руку?", а пациент с ларингитом — "Почему вы пожелали быть неспособным говорить?". (Альфред Адлер, по крайней мере в случае незначительных недугов, кажется, придерживается сходных взглядов по поводу того, что он описывает как жаргон органов). Следующая цитата, взятая из книги "Неизвестная Самость", иллюстрирует подход Гроддека: "[Психоанализ] обращается к са-

мому пациенту, к его психе, к его сознательному разуму, и все же еще в большей мере — к его бессознательному, с вопросом: "Почему вы инфицировали себя? Что заставило вас подтолкнуть некоторые микроорганизмы вокруг и внутри вас размножиться до такой степени, что вы смогли воспользоваться ими с тем, чтобы сделать себя больным?" А на эти вопросы тот, кто пользуется методом, предложенным нам Фрейдом, получит ответ, и, по-видимому, истинный ответ, или, по крайней мере, полезный, поскольку часто, действительно очень часто, "Оно" отказывается от болезни, как только ему задается вопрос таким образом, что оно может ответить. Казалось бы, болезнь часто является лишь средством избежать чего-то непонятного, и защитой от чего-то невыносимого. Здесь мы находим объяснение подверженности инфекции детьми, поскольку детям жизнь приносит самые невыносимые вещи. Другими словами, без Фрейда и психоанализа мы не знали бы того, что знаем теперь, — что любая болезнь имеет определенный смысл для страдающего, что она преднамеренна, осознанно или неосознанно преднамеренна, и что она может быть исцелена путем обнаружения этого намерения, этого смысла."

Легко отбросить Гроддеково объяснение манифестаций "Оно", как полностью абсурдное, и, очевидно, было бы неверным предположить, что все болезни могут быть объяснены столь просто. Однако, придерживаясь этих взглядов, Гроддек был значительно ближе к истине, чем (другая крайность) всецело механистические терапевты его времени. Кости иногда ломаются для удовлетворения бессознательных влечений, и поэтому "Почему вы позволили себе пораниться?" может оказаться безупречно разумным вопросом. Люди часто развивают дефекты голоса из-за нежелания говорить, и недавние показания заставляют предположить, что может существовать некоторая связь между стерильностью или фригидностью и раком детородных органов. Неверным в теории Гроддека было то, что она охватывала слишком многое, и то, что он никогда не утруждал себя тем, чтобы дать сколько-нибудь приемлемое объяснение того, что на самом деле происходило. Мы не слишком просвещаемся от того, что нам говорят — "Оно" порождает забо-

ление, если мы не знаем (а) чем в действительности является "Оно" и (б) каким образом оно действует.

Этот недостаток был по крайней мере отчасти устранен Францем Александером из Чикаго, в чьей книге "Психосоматическая медицина" предмет рассматривается с комбинированной физиологически-психологической и вполне научной точки зрения. Александер, директор Чикагского Института Психоанализа, является фрейдистом, разошедшимся с ортодоксальной теорией во многих, относительно незначительных, аспектах, которые могут быть упомянуты здесь лишь вкратце:

- 1) Он придерживается неортодоксальных взглядов, впервые предложенных Ференци, касательно природы сексуальности.
- 2) Он склонен уделять меньше внимания стадиям инфантильной сексуальности, как они описаны Фрейдом, и замещает их теорией трех элементарных тенденций, определяемых им как: получать или брать, сохранять и давать или уничтожать.
- 3) Он придает важное значение вытесненной агрессии.
- 4) Он более, чем ортодоксальные фрейдисты, склонен признавать важность культурных факторов, хотя и в меньшей степени, чем так называемые культурные школы Фромма, Хорни и Салливана.
- 5) Он пользуется сокращенной формой анализа.

Единственный из этих пунктов, требующий дальнейшего детального рассмотрения, — первый, касающийся природы сексуальности. Александер убежден в том, что сексуальность не является качественно отличной от других форм поведения, и что отличие здесь скорее количественное. По его собственным словам: "Избыточная энергия, оставшаяся от других форм деятельности, высвобождается в эротическом поведении". Далее он говорит о том, что любой избыточный прилив эмоций, не будучи целенаправленно интегрированным с другими реакциями, может становиться эротическим: например, враждебные чувства оборачиваются садизмом, чувства вины — мазохизмом, любопытство — скоп-

тофилией (т.е., удовольствием от подглядывания), а гордость — эксгибиционизмом. Все несексуальные эмоции имеют сексуальные эквиваленты: “Не их качество, но степень вовлеченного напряжения и способ высвобождения делает их сексуальными”.

Чтобы понять зарождение психосоматических заболеваний (строго говоря, все заболевания являются психосоматическими, но здесь мы употребляем это слово в его наиболее определенном смысле для обозначения тех органических расстройств, в отношении которых есть основания считать, что в их развитии главную роль сыграл эмоциональный стресс), необходимо кое-что сказать об анатомии и физиологии нервной системы. Как уже отмечалось, в нервной системе имеются различные уровни: от высших и наиболее сознательных до бессознательных и более или менее автоматических центров, ответственных за адаптацию положения тела, поддержание равновесия и координацию движений. Но, помимо центральной нервной системы, включающей в себя головной и спинной мозг с сенсорными и моторными нервами, осуществляющих передачу в обоих направлениях, существует и более примитивная система, известная как автономная нервная система, образованная двумя тонкими нервными цепочками с ганглиями или узлами нервных клеток, расположенными на расстоянии друг от друга по обеим сторонам позвоночного столба позади брюшной полости, таза и грудной клетки. Солнечное сплетение в верхней части брюшной полости представляет собой один из таких ганглиев, и, в точности так же, как нервы центральной нервной системы, идущие к коже и произвольным мышцам, делятся на два основных типа — моторные (связанные с движением) и сенсорные (связанные с ощущениями), так и нервы автономической нервной системы поддерживают работу наружных органов и разделены на парасимпатическую и симпатическую группы. Управляющий центр автономной нервной системы лежит у основания головного мозга в области, известной как гипоталамус. Эта система обеспечивает работу желудка, кишечника, сердца, кровеносных сосудов и других органов, включая важные эндокринные железы, и ее значение заключается в том

факте, что здесь расположено физиологическое основание эмоции.

Александр сравнивает жизнь организма с жизнью нации, в которой есть два экстремальных состояния: война и мир. Война представляет такое состояние дел, при котором организм вынужден иметь дело с непредвиденной ситуацией, а мир — такое, при котором он находится в состоянии отдыха и расслабления. «Военная экономика означает приоритет военного производства и запрет некоторых производств мирного времени. Вместо легковых автомобилей производятся танки, вместо предметов роскоши — военное снаряжение. В организме эмоциональное состояние готовности соответствует военной экономике, а расслабление — мирной экономике, поскольку некоторые системы органов, необходимые в экстремальной ситуации, стимулируются, в то время как другие подавляются» («Психосоматическая медицина»). Именно симпатическая часть автономной нервной системы готовит к экстремальной ситуации или, в биологических терминах, к борьбе или бегству, а когда симпатические нервы стимулированы, происходят определенные телесные изменения: сердце бьется быстрее, зрачки расширяются, желудочная активность (процесс мирного времени) подавляется, из печени высвобождается сахар и так далее. Эти активности сопровождаются выделением из надпочечных желез гормона адреналина, интенсифицирующего их действие. Расширенные зрачки, бледность кожи (вследствие сужения малых кровеносных сосудов) и частый пульс составляют внешне наблюдаемые признаки таких экстремальных реакций в страхе и злости, которые выполняют функцию увеличения эффективности действия (борьбы или бегства). Когда, с другой стороны, организм отдыхает — например, после сытного обеда, или после полового акта или сна — происходят обратные изменения вследствие парасимпатической стимуляции: сердце бьется медленно, желудок продолжает переваривать свое содержимое, кожа приобретает румянец, зрачки сужаются, а в печени откладывается сахар. Таким образом, симпатическая активность является процессом распада (катаболическим), тогда как парасимпатическая активность суть процесс накопления

(анаболический), и эти две фундаментальные реакции полезны животным тем, что они готовят организм к действию или к расслаблению. Но человеческие существа отличны от животных в двух очень важных отношениях. Во-первых, у животных и, до некоторой степени, в нормальном человеческом существе эти физиологические изменения длятся лишь до той поры, пока в них есть необходимость; в частности в случае животных, “с глаз долой — из сердца вон”. Животные живут в вечном настоящем, тогда как человеческий индивид, по причине его способности к визуализации прошлого и будущего, может испытывать страх или возмущение по поводу их обоих. Симпатическая стимуляция необходима, когда индивид сталкивается с реальной опасностью или нуждается в повышенной активности, но когда он разозлен или напуган вчерашними или возможными за-втрашними событиями, то, что должно было бы быть экстремальной реакцией, становится реакцией затянувшейся и хронической. Например, оправданное временное повышение кровяного давления в экстремальной ситуации может стать патологическим и постоянно повышенным кровяным давлением затянувшегося негодования или фрустрации. Другое отличие между животными и человеческими существами — способность последних рассматривать в качестве экстремальных такие ситуации, в которых опасность угрожает не жизни и здоровью, но всего лишь гордости и чувству собственного достоинства. Например, у студента перед экзаменом наблюдается учащение пульса, появляется бледность и происходят другие изменения, биологически предназначенные для ситуаций жизни-или-смерти, и даже еще более беспокойным становится невротик, например, с клаустрофобией, и его симпатическая система стимулируется в ситуациях, вообще не представляющих никакой объективной опасности, но всего лишь символическую. Животное, а при нормальных обстоятельствах и человек, чья симпатическая система подверглась стимуляции, входит в экстремальное состояние (будь то борьба, бегство, вербальное выражение своей враждебности или более конструктивное поведение), но характерной чертой невротика, конечно же, является склонность подавлять или сдерживать

эти эмоции, вместо высвобождения экстремальной реакции, в соответствующем поведении — борьбе, бегстве или конструктивной деятельности, таким образом никогда не завершая их. Он погружается в постоянное состояние готовности перед лицом угрозы, которая может быть чисто субъективной и никогда не приводит его к каким-либо действиям. В результате описанные выше физиологические изменения могут превратиться из временных экстремальных реакций в постоянные и закрепленные. Такова физиологическая основа психосоматических расстройств.

Однако, как указывает Александер, существует два крайних типа индивидов: те, кто перед лицом опасности склонны отвечать действием (т.е. симпатической стимуляцией), и те, кто в сходных условиях отвечает тем, что описывается как “вегетативное отступление” (т.е. парасимпатическая стимуляция). В первом случае невротик подавляет свои агрессивные импульсы, и, следовательно, может развить такие психосоматические заболевания, как повышенное кровяное давление, диабет, ревматоидный артрит и базедова болезнь. “При существенной гипертонии повышенное кровяное давление хронически поддерживается под влиянием сдерживаемых и никогда не высвобождаемых полностью эмоций, подобно временному состоянию у нормальных людей, вызванному влиянием свободно выражаемой ярости. Эмоциональные влияния на регуляторные механизмы углеводного метаболизма очевидно играют значительную роль при диабете. Хронически повышенное мышечное напряжение, вызванное длительными агрессивными импульсами, оказывается патогенным фактором при ревматоидном артрите. Воздействие этого типа эмоции на эндокринные функции можно наблюдать при токсикозе щитовидной железы. Реакции сосудов на эмоциональные напряжения играют важную роль в некоторых формах головных болей. Во всех этих примерах определенные фазы вегетативной подготовки к сосредоточенному действию хронически задерживаются из-за того, что лежащие в их основе мотивационные силы невротически подавляются и не высвобождаются в соответствующем действии.” Во втором состоянии, связанном с парасимпатической стимуляцией, индивид

перед лицом опасности уклоняется от действия и переходит в зависимое состояние, при котором его органы возвращаются к положению мирного времени, тогда, когда им следовало бы мобилизоваться. Такие люди, вместо того чтобы открыто встретить опасность, склонны обращаться за помощью, как беззащитные дети. Затянувшаяся повышенная парасимпатическая стимуляция приводит к таким расстройствам как дисперсия (расстройство пищеварения), язва двенадцатиперстной кишки, хронический понос, колит и запор. Желудок, к примеру, продолжает переваривать пищу, когда никакой пищи в нем нет, до тех пор, пока не переварит свою собственную стенку, образуя язву. Таким образом, многие болезни не являются, как обычно думают, "постигшими" невинного человека несчастьями, поскольку в действительности он порождает их сам — он является активным агентом их возникновения и они выражают черты его личности точно так же, как невротические симптомы. Следовательно, мы не можем плодотворно обсуждать болезнь, не учитывая того, к какому типу относится больной. Доктор Фландерс Данбар из Пресвитерианского госпиталя в Нью-Йорке был убежден в том, что некоторым болезням подвержены преимущественно люди с определенным типом личности. Желудочно язвенный тип может внешне казаться амбициозным, волевым и упорным; однако под этим скрываются зависимые и женоподобные характеристики. Индивид с повышенным кровяным давлением может внешне проявлять дружелюбность и сдержанность, но можно было бы продемонстрировать, что эти поверхностные черты являются реактивным образованием, направленным против жестко подавляемых агрессивных импульсов. Коронарный тромбоз и грудная жаба все чаще являются причинами смерти для тех одержимых навязчивыми состояниями и обостренными угрызениями совести людей, на которых возложена большая ответственность (медики, юристы и промышленные администраторы) — они, по словам Александера, являются почти что профессиональными заболеваниями. Существуют также особые типы личности в случае тех людей, которые склонны к несчастным случаям и переломам и, конечно же, особая психопатология, рассмотренная Карлом Мен-

нингером из Клиники Меннингера, применившим Фрейдову теорию инстинктов Жизни и Смерти для объяснения многих из подобных проявлений направленной вовнутрь агрессии. Он причисляет к этой категории такие частичные или целостные формы саморазрушения как самоубийство, аскетизм и мученичество, невротическую недееспособность, алкоголизм, антисоциальное поведение, самоувечье, намеренные несчастные случаи, и полихирургию (т.е. частое прибегание к хирургическим операциям). Здесь мы однако рассмотрим лишь проблему того, что он описывает как "склонность к несчастным случаям".

Более двадцати лет назад немецкий психолог К. Марбе заметил, что человек, уже однажды подвергавшийся несчастному случаю, может пострадать опять с большей вероятностью, чем тот, с кем никогда еще ничего подобного не случилось, а Теодор Рейк в работе "Неизвестный убийца" обратил внимание на то, как часто преступники выдают себя и даже осуществляют свое собственное самонаказание посредством намеренного несчастного случая. Фрейд также описывает случай отвергнутого отвергнутого любовницей мужчины, который "случайно" попал под машину, встретив эту женщину на улице, и был убит у нее на глазах (Collected Papers, Vol. 3). В 1919 году М. Гринвуд и Х. М. Вудс исследовали структуру несчастных случаев на заводе боеприпасов и пришли к общепризнанному теперь заключению о том, что большинство несчастных случаев происходит с маленькой группой индивидов — в данном примере было обнаружено, что на 4 процента женщин завода приходится 28 процентов всех несчастных случаев. Основанием такой подверженности несчастным случаям, утверждает Меннингер, является господствующая в нашей культуре убежденность в том, что страдание искупает вину, а индивид, прилагающий этот же принцип к собственной личности, действует как интернализированный судья, требующий страданий за свои дурные поступки. Страдания облегчают угрызения виноватой совести и до некоторой степени восстанавливают утраченное душевное спокойствие. Человеком, склонным к несчастным случаям, обычно является тот, кто некогда занимал мятежную позицию по отношению к

своим родителям и впоследствии перенес такое отношение на власть имущих, сочетая его с чувством вины за свое бунтарство. В случае с дорожно-транспортными происшествиями Совет Национальной Безопасности Соединенных Штатов обнаружил, что среди водителей автомобилей "людей, четырежды попадавших в аварию примерно в четырнадцать раз больше, чем их должно бы было быть исходя из теории, что неудача могла бы быть лишь чистой случайностью, тогда как людей, имевших за время исследования по семь происшествий, было в девять тысяч раз больше, чем предписывали бы законы вероятности." Более того, люди, претерпевшие множество несчастных случаев, демонстрировали явственную тенденцию повторять один и тот же тип происшествий, и Меннингер утверждает, что, исходя из его опыта, анализ тех, кто, как говорится, "ездит как самоубийца" часто убедительно показывает, что это как раз то, чего они добиваются.

Доктор Дж. Л. Холлидей из Глазго, сочетая теорию Фрейда со своим опытом работы в сфере здравоохранения, опубликовал в 1948 году работу "Психологическая медицина". Это чрезвычайно важное исследование, которое, независимо от того, согласимся ли мы с его положениями во всех деталях, или нет, указывает сравнительно новое направление в области психологической медицины. В общих чертах Холлидей занимается проблемой психологической и психосоматической болезни как общественного явления и, чтобы проиллюстрировать это положение, он разрабатывает медицинскую статистику, призванную продемонстрировать некоторые интересные черты британского здравоохранения за период 1900-1939 гг. Вне всякого сомнения, за эти годы здоровье нации значительно улучшилось, однако если индексы больных и здоровых разделить на две группы, одна из которых относится к физическим, а другая — к психологическим заболеваниям, можно обнаружить, что в то время, как первые показывают резкий спад, вторые имеют тенденцию к столь же разительному возрастанию. Так общие показатели смертности, детская смертность, доля детей с задержкой в росте и рахитом, а также количество случаев брюшного тифа, ревматической лихо-

радки, дифтерии и туберкулеза, резко упали. Но с другой стороны, индексы психических заболеваний — показатели случаев бесплодия, самоубийств, язвы желудка и двенадцатиперстной кишки, базедовой болезни, диабета и сердечно-сосудистых заболеваний — т.е. расстройств, относящихся к психосоматической категории — все без исключения возрасли. Например, за 1911-1936 годы смертность от базедовой болезни в одной только Англии выросла на 400 процентов среди мужчин и на 230 процентов у женщин. За первые пятнадцать месяцев Первой мировой войны медицинских увольнений солдат в связи с язвой желудка и двенадцатиперстной кишки насчитывалось всего лишь 709, тогда как в первые двадцать семь месяцев Второй мировой войны увольнений связанных с язвой только двенадцатиперстной кишки насчитывалось 23 574.

Затем Холлидей переходит к разработке своего понятия "больного общества", в котором, помимо описанных выше индексов психических заболеваний, он замечает следующие симптомы:

В экономической и промышленной сферах:

- (1) Растущие показатели заболеваемости.
- (2) Растущее число прогулов.
- (3) Прогрессирующее падение производительности рабочего.
- (4) Безработица.
- (5) Рост числа забастовок.

Показатели преступности:

Растущая преступность несовершеннолетних (по утверждению Холлидея возросшая за период с 1913 по 1938 год на 60 процентов).

Культурные показатели:

- (1) Усиливающееся вторжение проявлений примитивного и висцерального, включая секс.
- (2) Рост "эскапизма" — азартных игр и т.п.
- (3) Упадок религиозной веры (т.е. утрата чувства истоков, цели жизни и космической судьбы). Это напоминает о Фроммовой "структуре ориентации и преданности" (*frame of orientation and devotion*) — см. с.197.

(4) Растущий интеллектуализм и одержимость планированием.

Политические показатели:

- (1) Социальное дробление (например в классовой войне и возрождение регионального национализма).
- (2) Массовая эмиграция (рассредоточение групп) и растущая "неугомонность".
- (3) Чрезвычайные положения "руководства для разрушения".

Представляется, что на культурном уровне Холлидей объясняет эту социальную дезинтеграцию в терминах меняющейся технологии, которая вызвала упадок старых учреждений еще до того как пришло время заменить их новыми. Он пишет: "Растущее развитие и применение науки к окружающей среде со временем привело к промышленной революции восемнадцатого столетия и к введению множества новых идей и изобретений, что, в свою очередь, с неизбежностью вызвало изменения в существовавших прежде семейных, религиозных, культурных, профессиональных и экономических структурах, так что вся социальная система в целом стала с небывалым ускорением изменяться, пока не достигла того пункта (примерно около 1870 года), когда национальное равновесие нарушилось настолько серьезно, что началась дезинтеграция." На семейном и индивидуальном уровне его особенно интересуют перемены в структурах воспитания детей, произошедшие между семидесятыми годами девятнадцатого и тридцатыми годами двадцатого столетия в результате описанных процессов. На протяжении конца девятнадцатого века грудное вскармливание было всеобщим (или близким к этому), время кормления не определялось "по часам", и, поскольку за пределами состоятельных классов не знали о детской коляске, ребенок пользовался преимуществами физической и эмоциональной поддержки на руках у его матери. До второго или третьего года жизни ребенка почти не пытались учить опорожнять кишечник, и часто ребенок был завернут в пеленки; ибо дурной запах в те дни слабых санитарных условий, и в частности запах фекалий и мочи, просто игнорировался.

Обстановка была простой и скромной, и в доме не было никаких опасных аппаратов, и благодаря этому ребенку предоставлялась значительная свобода движения и возможность обследовать и манипулировать предметами. Семьи были большими, что означало для детей меньшую вероятность излишней опеки и разбалованности, а первые социальные импульсы ребенок получал в свободной игре. Короче говоря, к детям проявляли большую степень терпимости в течение первых трех лет — фактически, до тех пор, пока в их воспитании не принимал участия патриархальный отец. До достижения генитальной фазы, в своем эмоциональном развитии ребенок не испытывал никаких серьезных фрустраций, и Холлидей утверждает, что это может иметь некоторую связь со сравнительно большим количеством случаев истерии в Викторианскую эпоху (следует напомнить, что истерия, согласно теории Фрейда, представляет собой регрессию к, или фиксацию на генитальной стадии). Холлидей заключает: "С физиологической точки зрения, окружение ребенка было ужасающе плохим. Грязь, отсутствие чистого водоснабжения и надлежащих санитарных условий, перенаселенность домов, неудовлетворительное жилищное строительство, нищета, недоедание и длинный рабочий день — все это способствовало трагически высоким показателям телесных повреждений и смертности. Однако, с психологической точки зрения, окружение ребенка не было столь ужасающим, благодаря тому, что в первые годы жизни ребенку предоставлялись широкие возможности для эмоционального развития своим собственным путем и "в свое время"."

Если мы обратимся к тридцатым годам двадцатого века, картина полностью изменится. Публичные условия здесь, конечно, значительно лучше, но психологические условия менее благоприятны. Грудное вскармливание почти полностью исчезло, а кормление по часам стало общим правилом; обучение пользованию туалетом начинается зачастую с первых месяцев жизни, поскольку запах фекалий противен более образованной публике. Привычной стала изысканная и часто опасная мебель, а электрические розетки и хрупкое оборудование, такое как радиоприемники, ограничили размах детского исследования окружающего. Семьи

невелики, и в возрасте четырех — пяти лет ребенка отдают в детский сад, чтобы он не болтался под ногами и мать могла при желании ходить на работу. Младенец на руках превратился в ребенка в коляске. Отчасти из-за малочисленности семьи, а отчасти, несомненно, из-за чувства вины, мать склонна суетливо опекать своего ребенка, когда он дома. Снаружи, на улице, мчащиеся автомобили и обилие транспорта делает мир опасным местом. Эта сравнительно высокая степень фрустрации в первые два года жизни, по убеждению Холлидея, может быть причиной роста количества случаев психосоматических расстройств, предрасположенность к которым по-видимому закладывается именно в этом возрасте: “Вместо того, чтобы позволить жизни развиваться по естественным законам с сопутствующим созреванием физических характеристик, она была подвергнута навязанной системе формирования, которая преждевременно провоцировала или предрасполагала к физическим расстройствам, порождая напряженные состояния или неправильное функционирование желудочно-кишечного тракта, дыхательной системы, сердечнососудистой системы, произвольных мышц и так далее. Третья фаза детства, однако, была вероятно менее фрустрированной, чем в предыдущем столетии, благодаря более внимательному отношению к детям; фаллический отец вышел из моды, будучи замененным сначала папочкой (который был добрым), а затем папашей (который был бесполезным, и даже презираемым); и менее позитивным стало прививание чувства греха и вины перед всевидящим и всемогущим Богом.”

О Вильгельме Райхе мы упоминаем здесь потому, что хотя первоначально он и был ортодоксальным фрейдистом, он интересовался влиянием социальных факторов — в частности в политической области — на формирование характера. Его поздние биологические выводы большинство авторитетов рассматривают как причудливые и крайние, но тем не менее его ранние работы о телесных напряжениях, изложенные в книге “Анализ характера”, оказали значительное влияние на аналитическую практику. Райх предложил интересную теорию о том, что телесные напряжения часто представляют собой способ выражения привычных эмоци-

ональных состояний. Он утверждал, что некоторые позы и выражения (например, опущенный рот, подтянутый живот, гримасы, типичная манера стоять, и так далее) являются внешними признаками характерных способов реагирования. Райх считал, что эти и другие сопротивления характера следует атаковать до проведения самой аналитической процедуры и разрушить их путем повторяющегося обращения внимания на них и на производящие их эмоциональные напряжения пациента во всех возможных ситуациях. Это было описано, как "воспитание для анализа". Райх отвергал существование инстинкта Смерти и был убежден в том, что садизм и мазохизм, рассматриваемые Фрейдом как комбинации Эроса и Танатоса, являются последствиями "катастрофических социальных условий". Таким образом, его позиция была по преимуществу социо-политической, в некоторой степени напоминающей поздние работы Фромма, Кардинера и других. Она была следующим образом выражена в "Анализе характера": "...всякий социальный порядок порождает те формы характера, в которых он нуждается для своего сохранения. В классовом обществе руководящий класс закрепляет свое положение при помощи образования и института семьи, делая свои идеологии господствующими идеологиями всех членов общества. Но речь не идет только лишь о навязывании членам общества идеологий, позиций и понятий. Скорее следует говорить о глубоко проникающем процессе в каждом новом поколении, об образовании психической структуры, соответствующей существующему социальному строю во всех слоях населения". В другой книге, "Психология масс и фашизм", Райх стремился понять психологические факторы, ведущие к тоталитаризму и причину отказа членов общества от инициативы и самоуправления в пользу диктаторского режима. Поскольку первое столкновение индивида с властью происходит в сфере сексуальности, то именно здесь, согласно Райху, следует искать постижения структуры поздней покорности. С сексуальной игрой ребенка обращаются, применяя наказание путем лишения любви, и угрожая до тех пор пока, в конце концов, не вынудят его подавить какие бы то ни было открытые проявления сексуальности. Но, однажды достигну-

тое, это вытеснение распространяется значительно дальше своей первоначальной цели; ибо сдерживающие структуры пронизывают личность, обуздывая многие другие импульсы и переполняют разум конфликтами. Такое калечение спонтанного выражения сексуальности приводит к калечению личности в целом, дух ребенка сломан, и с этого момента впредь его воля склонна к покорному поведению по отношению ко всем наделенным властью особам. Если такой индивид попытается разорвать узы своего рабства, он с неизбежностью потерпит неудачу, поскольку всякое восстание, предпринятое им против власти, обнажит свои истоки во фрустрации. Однажды вкусив сексуальной свободы, он становится патологически озабоченным сексом: попробуй он бунт и неповиновение, они оборачиваются преступностью, гангстеризмом и тиранией над другими. Диктатор, свергнувший старый порядок — всего лишь преуспевший преступник, а мировая политика суть преступность мирового масштаба. Гипотеза Райха заключается в том, что рабство представляет собой удар по индивиду посредством вмешательства в здоровое сексуальное развитие, а из этого следует, что решение проблемы следует искать в сексуальной свободе. А. С. Нейл, педагог-теоретик, принимающий тезис Райха, в своей работе “Трудная семья” говорит, что “ребенок, которому позволяют трогать свои гениталии, имеет все шансы вырасти с искренне счастливым отношением к сексу”. Конечно, для обоснования этой теории следовало бы показать, что общества со сдерживающей сексуальной моралью в большей степени склонны к развитию авторитарных форм правления, и, хотя представляется возможным, и даже вероятным, что общества, в которых детей воспитывают, многое им позволяя, не часто допускают к власти диктаторов, вполне определенно можно сказать и то, что многие общества со строгой сексуальной моралью также не становятся диктаторскими. Утверждение Нейла, по-видимому предлагающее считать, что счастье локализовано в гениталиях, абсурдно; в развитии ребенка играет важную роль не только родительское отношение к одному этому вопросу, но целостная их позиция во всех сферах. Родитель, которого не шокирует сексуальная игра его ре-

бенка, обыкновенно мягок и толерантен во всех отношениях, и в этом смысле точка зрения Нейла могла бы быть оправдана. Но она определенно неоправданна, если понимается буквально, в том смысле, что один лишь факт позволения свободной сексуальной игры является ключом к счастливой жизни, поскольку очевидно, что множество родителей “предоставляют” ребенку свободу в этом отношении просто из безразличия, а то, что счастливый и уравновешенный взрослый может вырасти на почве родительского пренебрежения представляется маловероятным. Сексуальная свобода неотделима от свободы вообще.

Поздние труды Райха вышли далеко за рамки фрейдовой теории, когда он стал придерживаться той крайней точки зрения, которая придает сексуальности, выраженной в оргазме, фундаментальное значение для понимания проблем индивида и общества. В своих последних книгах он занимается сущностями, описываемыми как “бионы” и “оргоны”, которые по-видимому следует рассматривать как физиологические по природе (хотя и неизвестные физиологам), и в работе “Биопатия рака” он предлагает психосоматическую теорию касательно происхождения рака. Ни одно из этих убеждений не было принято никем за пределами собственной школы Райха, и в 1933 году он оставил ортодоксальное движение. Однако Райха будут помнить скорее всего как пионера в области анализа характера, ибо именно он заметил, что реактивные черты характера представляют собой броню, используемую эго для того, чтобы защитить его как от инстинктов, так и от противостоящего окружения. Такие черты характера как амбициозное поведение, прикрывающее неадекватность, или высокомерие, скрывающее глубокие чувства неадекватности, действительно защищают эго, однако они имеют серьезный недостаток, заключающийся в том, что они сохраняются без различий независимо от их уместности в данной ситуации, и по причине того, что они изолируют индивида от внешних стимулов, он становится менее восприимчивым к повторному образованию. Будучи существенно амбивалентными, такие характеристики происходят в основном из догенитальных источников. Райх указал на два важных момента, а именно (1) что

расстройства характера представляют собой специфическую форму невроза, несмотря на то, что они могут не сопровождаться "симптомами" в формальном смысле, и часто причиняют больше беспокойства окружающим индивидам, чем ему самому, и (2) что все неврозы имеют свой корень в характере, то есть в осуществленных эго приспособлениях к инстинктам, а также к окружающему миру. Его метод обращения внимания пациента на его характерные установки по отношению к окружающим доказал свою эффективность в работе со сложными проблемами характера и был использован и развит Хорни и Салливаном.

Существуют две основные категории психосоматических расстройств: те, при которых бессознательные инстинктивные отношения оказывают влияние на органические функции физиологическим образом, без каких бы то ни было изменений специфически психического характера, и конверсии (*conversions*) истерии, выражающие фантазию в "языке тела" при отсутствии каких-либо структурных изменений. Именно первой категории была главным образом посвящена настоящая глава, и только лишь случаи этого типа вызывают разногласия между психоаналитиком и врачом, который может требовать ответа на такие вопросы, как: Если допустить, что определенное ментальное состояние сосуществует с определенным физическим состоянием, как вы можете доказать, что последнее вызвано первым? Предположим, что некто усомнился в их сосуществовании во *всех* случаях болезни, как тогда на основании небольшого числа случаев, с которыми вы имеете дело, вы сможете доказать неверность этого предположения, и как бы вы объяснили другие случаи? Каково терапевтическое значение ваших утверждений, если сам Фрейд говорил, что "неврозы органов" не могут быть излечены при помощи психоанализа? Далее, строго говоря, психоаналитик не рассматривает болезнь и психическое состояние сосуществующими обособленно, ибо для него они оба являются аспектами одного и того же, биологически понятого индивида, однако для ультраконсервативного врача, чья концепция "психологических факторов" суть положение дел, обнаруживаемое в необычном случае, который с очевидностью замедляет

развитие, в значительной степени причиняя беспокойство (к примеру, банкротство, сгоревший при пожаре дом, обвинение чьего-то сына в убийстве, пребывание на грани самоубийства), трудно понять, как нематериальный разум, парящий где-то в области черепа, может реально порождать в человеческой машине серьезные хронические болезни, которые во многих случаях демонстрировали свое происхождение от нераспознанных ранее физических расстройств. Недостаток подвижности и чрезмерное потребление содержащей холестерин пищи, заметит он, связано с высокой заболеваемостью коронарным тромбозом, и поэтому, представляется значительно более приемлемым предположить, что широкое распространение этой болезни среди представителей высших деловых кругов обусловлено их сибаритским образом жизни и физической ленью, чем объяснять это затяжным психическим стрессом. Но даже врач с необычайно широким кругозором может не согласиться, когда ему скажут, что приступ астмы является "эквивалентом тревоги, мольбой о помощи, обращенной к матери, которую пациент пытается интроецировать дыханием, чтобы обрести постоянную защиту", как это определяет Феникель. В подобных случаях статистика в целом не слишком удовлетворительна, и в приведенном выше примере мы хотели бы знать, почему астматики обращаются в первую очередь к психоаналитику, если они не озабочены своим психическим состоянием в большей степени, чем астматическим, или не направлены к психоаналитику врачами, признавшими их состояние нетипичным для общего потока страдающих этим заболеванием. Мы хотели бы знать, сколько людей со сходными личностными проблемами не страдали астмой, а так же сколько астматиков не имели никаких достойных упоминания личностных проблем, или имели проблемы абсолютно иного характера.

Не нужно долгих критических размышлений, чтобы увидеть (как показал Фландерс Данбар, сравнивая истории болезни пострадавших от несчастных случаев в больнице скорой помощи с историей несчастных случаев с пациентами палаты хронических или серьезных сердечных заболеваний, которые служили контрольными сериями и продемонстриро-

вали значительно большую частоту несчастных случаев в первой группе), что для людей, страдающих длительными и серьезными болезнями любого типа подверженность многим несчастным случаям маловероятна. Даже с точки зрения тезиса о том, что несчастные случаи порождаются направленной вовнутрь агрессией, приведенный отчет не является удовлетворительно объяснимым, ибо хроническая болезнь уже сама по себе является достаточным наказанием даже для самых одержимых чувством вины, и, в самом деле, безмятежность и относительная бодрость таких пациентов была отнесена на счет факта успокоения вины страданием. Несчастные случаи не только менее вероятны физически, но и психологически излишни. Сходным образом можно согласиться с психосоциальной теорией доктора Холлидея, как с весьма осуществимой попыткой объяснить замечаемые всеми социальные тенденции, не упуская одновременно из виду того, что его построения должны приниматься с долей сомнения.

Начнем с того, что они, по-видимому, основаны на статистике, собранной из наиболее подверженного ошибкам источника — заключения врача. Мы имеем в виду не способность терапевтов к диагностике, а их отношение к медицинскому заключению, и к тому, что они считают своей обязанностью по отношению к пациенту. Когда нам говорят, что определенные инфекционные заболевания становятся все более распространенными, мы имеем все основания принять утверждение доктора в качестве доказательства, поскольку он отдает себе отчет в том, что знание о положении дел — в интересах как общества в целом, так и его пациента. Однако во всех ли случаях он сочтет своей обязанностью известить официальные органы о том, что его пациент болен сифилисом или гонореей? Разумеется нет, поскольку такой поступок пациент счел бы нарушением профессиональной тайны, которая, будучи преданной огласке, может привести к утаиванию другими своего заболевания. Не станет он, по понятным причинам, и вписывать “рак” в заключение, которое будет вручено самому пациенту, и хотя представляется вероятным, что заболеваемость язвой двенадцатиперстной кишки на самом деле рас-

тет, данные об увольнении из армии в связи с этой болезнью в годы первой и второй мировых войн мало о чем говорят и не доказывают ничего, кроме того, что общественное отношение к этому заболеванию изменилось, и соответственно изменилась и армейская политика касательно того, в каких случаях необходимо увольнение. В то время, когда рентгеновская диагностика была редкостью и дисперсия воспринималась как нечто обычно излечиваемое в домашних условиях и не усугубляемое непременно изменениями в окружающей среде, как нечто такое, что “было” у человека и что можно было лишь незначительно улучшить с помощью медикаментов, многие пациенты вообще никогда не обращались к доктору, а остальные никогда не консультировались со специалистом и не делали рентгеновского снимка, если только не возникало крайней необходимости. Снова таки, значительная часть рассматриваемого периода (1900-1939) была тем временем, когда высоким был уровень безработицы, а в такие периоды доктора склонны к снисходительности при выдаче заключений по таким трудноопределимым категориям, как “фиброз” или “бронхиальный катар”, поскольку пациент предпочитает быть “здоровым”, чем быть “нетрудоспособным”. То что делало человека негодным к воинской службе во второй войне, могло по всем признакам быть значительно более тривиальным, чем в первой, по той причине, что прошлый опыт убедительно показал, какой тип солдата можно считать надежным; подобным образом понятие “преступность несовершеннолетних” было расширено и включило в себя поведение, ранее не подпадавшее под эту категорию. Статистические данные в области медицины в не меньшей степени подверглись влиянию меняющихся воззрений докторов и меняющейся возрастной структуры населения, чем влиянию реальных изменений заболеваемости, и, конечно, на исследователей какой бы то ни было группы оказывает влияние тип пациентов, с которыми им приходится сталкиваться. Для общего числа больных эти пациенты могут быть нетипичными.

Фактом является то, что понятие психосоматического заболевания или невроза органов первоначально возникло не

потому, что психоаналитики стали интересоваться органическими болезнями, а потому (это осознал и сам Фрейд), что оно соответствовало его монистическому и биологическому мировоззрению. В равной степени, понятие это не было воспринято из этого источника врачами в целом, поскольку оно не было свойственно их дуалистическим и в основном механистическим взглядам. Но другой причиной их неприятия (ибо это было скорее неприятием, чем полным отвержением) была приверженность психоаналитика жаргону, который был каким угодно, но только не понятным, даже для тех, кто обладал некоторым поверхностным знанием теории Фрейда. Скажите рядовому врачу, что его пациент с астмой в высшей степени напряжен и его приступы часто вызваны эмоциональными стимулами, или даже условными рефlekсами, как в случае, когда пациент с аллергической реакцией на розы испытывает приступ, увидев искусственный букет, и он с вами согласится. Скажите ему: что астматик часто является представителем определенного типа характера, склонен к чрезмерной чувствительности, и выражает потребность в подчиненном положении, и с этим он тоже согласится, равно как вероятно согласился бы и с тем, что его пациенты с мигренью являются типами интеллигентными, с обостренным чувством совести и увлеченными (*driving*). Является болезнь обусловленной характером или наоборот, он не стал бы доискиваться, как не стал бы рассматривать характер как особым образом соотношенный с состоянием больного, которое в любом случае требует физического подхода. Не будет он возражать и против того взгляда, что стресс некоторым необъяснимым образом может обострить физическое заболевание, а возможно даже является его причиной у тех, кто к нему предрасположен, поскольку он сам долгое время использовал успокоительные средства в лечении язвы желудка и двенадцатиперстной кишки и гипертонии. Но скажите ему, что приступ астмы порожден тревогой отделения и означает, что пациент пытается вдохнуть свою мать, так чтобы он мог держать ее в безопасности внутри своей груди, с тем чтобы быть постоянно защищенным, что порой в своих фантазиях он видит, что она уже внутри и это вызывает борьбу его эго

с дыхательной системой, "содержащей" ее, и врач подумает, что вы либо шутите, либо сошли с ума. Таким образом, главными влияниями в порождении современной психосоматической медицины — по крайней мере в Европе — были не влияния Фрейда, а те, что происходили из личных наблюдений врачей над социальным климатом, в котором инфекционные заболевания становились менее серьезной проблемой, чем расстройства, прежде классифицируемые как наследственные или дегенеративные, а военный опыт делал все более ясными взаимоотношения между стрессом, личностью и болезнью. В конце концов эта точка зрения, основанная на том, что считалось всего лишь интересными наблюдениями без каких бы то ни было отчетливых научных оснований, такое основание получила. И оно было предоставлено не психиатром, а врачом и физиологом. Работа Ханса Селье из Монреаля показала физиологические тропы, как неврологические, так и биохимические, при помощи которых стресс мог бы породить органическое заболевание, и, более того, лабораторно продемонстрировала, что длительная подверженность вызывающим страх стимулам приводит к таким результатам или даже к смерти экспериментальных животных. "Синдром стресса" Селье с большей вероятностью, чем психоанализ Фрейда, может образовать обоснование современной психосоматической медицины, но в конце концов именно к психоанализу должен обратиться врач, чтобы открыть природу и значение стресса для индивида, со всеми его психологическими вариациями, которые без его помощи физиология объяснить бессильна

Глава 6

ПСИХОАНАЛИЗ И ОБЩЕСТВО

Первая книга Фрейда, в которой психоаналитическое знание применено к антропологическим проблемам — “Тотем и табу” — была опубликована в 1913 г., а за ней последовала серия других: “Психология масс и анализ человеческого “Я”” (1922), “Будущее одной иллюзии” (1930), “Недовольство культурой” (1930) и, наконец, “Моисей и монотеизм” в 1939 г. Прежде чем заняться в следующих главах культурно-ориентированными школами Фромма, Хорни, Салливана и других, здесь мы кратко обсудим фрейдовские воззрения относительно истоков общества, природы групп и лидерства, культуры в целом, а также взгляды других аналитических школ и антропологов, испытавших на себе его влияние.

Фрейд разделял с Юнгом веру в коллективное бессознательное, архаическое наследие, появляющееся без всякого обучения у каждого индивида, вмещающего “...не только предрасположенности, но также и воображаемые содержания, находящиеся в памяти следы опыта предыдущих поколений”. Он предполагал, что существует своего рода массовая душа или групповое сознание, являющееся источником этих следов, так что чувство вины за события, свершившиеся много тысячелетий назад, может все еще жить и влиять на индивидов, живущих сегодня. Коренное различие между ними в том, что Фрейд не занимался непосредственным использованием группового сознания и архаического наследия в психотерапии, в то время как для юнговской системы и психотерапевтического метода это основа; в том, что хотя оба представляют себе коллективные символы определенным путем унаследованными вместе с физическими структурами мозга, Фрейд настаивает на этом в большей степени, нежели Юнг; а также в том, что фрейдовское понятие является достаточно узким, оно состоит главным образом из определенных форм символизма и, воз-

можно, опыта первобытной орды, в отличие от безбрежного юнговского коллективного бессознательного, на поверхности которого крошечное эго — лишь просто нарост. Современные фрейдисты редко пользуются этим понятием, а некоторые активно его отвергают, но стоит упомянуть, что английская школа Мелани Кляйн особо подчеркивает первобытный символизм, проявляющийся в очень раннем возрасте, и, видимо, делает вывод, что младенец имеет внутреннее осознание родительской связи и других событий или предметов, связанных с процессами рождения и сексом. В любом случае обе эти теории вызывают громадные научные затруднения, хотя, конечно же, это никогда не оказывало влияния на тех, кто их поддерживает. Например, оба воззрения делают необходимым признание приобретенных признаков, что практически полностью отвергается биологами в каких бы то ни было формах и совершенно отрицается в изначальной форме — даже Эрнст Джонс обратил внимание на то, что фрейдовские “биологические нововведения были омрачены его привязанностью к необычайно примитивной форме давно забытых взглядов Ламарка относительно наследственности”. Но еще больше абсурдности в предположении, что любая теория эволюции, независимо от того, каков ее механизм, может быть использована для объяснения наследования в памяти следов опыта предыдущих поколений.

Вот некоторые из юнговских взглядов относительно коллективного бессознательного (из “Интеграции личности”): “Эта психическая жизнь суть разум наших древних предков, тот способ, которым они мыслили и чувствовали, которым они представляли себе жизнь и мир, богов и людей. . . как тело является своего рода музеем своей филогенетической истории, точно так же и разум. Нет основания для веры в то, что психе с ее специфической структурой является единственной вещью в мире, у которой помимо ее индивидуальных проявлений не имеется никакой истории. Даже сознанию не может быть отказано в истории, простирающейся по крайней мере на пять тысяч лет. Но бессознательная психе не только чрезвычайно стара, она также способна ко все большему росту в масштабах столь же отдаленного

будущего" Нам говорится, что психика "возрастает с каждым столетием на бесконечно малую величину". Безусловно. Юнг становится на ложную стезю, разделяя тело и разум, а затем доказывая, что раз тело эволюционирует и демонстрирует следы своего эволюционного прошлого в своей современной структуре, то и разум должен быть таким же и демонстрировать следы своей психической эволюции, хотя на самом деле нет никаких оснований предполагать, что с тех пор как появился *homo sapiens*, человеческая телесная структура претерпела хотя бы незначительнейшее изменение. Понятие о том, что психика "возрастает с каждым столетием на бесконечно малую величину" смешивает психологические наблюдения не с физиологическими, как в первом случае, а с социологическими; ибо хотя и верно, что человеческий опыт, знание растет очень быстро век от века, это не имеет никакого отношения к психическим изменениям, а скорее связано с социальным фактом, что каждый индивид, родившийся сегодня, имеет более полезную информацию, полученную им от предыдущих поколений. Всякий, кто предполагает, что разумный и здоровый младенец, взятый из китайской или эскимосской деревни и воспитанный как английский ребенок, психологически не будет во всех отношениях таким же, как остальные английские дети, расовое ли это бессознательное или нет, может быть и прав, но ему будет трудно найти хотя бы одного психолога или биолога, который окажется готовым поверить ему. Эволюция идет медленно — в течении миллионов, а не тысяч лет; она происходит посредством естественного отбора, основанного на случайных изменениях и мутациях, а действие цивилизации, если таковое имеется, в том, чтобы снизить влияние отбора посредством ослабления соревнования; насколько мы в состоянии обнаружить, мозг не содержит никаких врожденных идей, а тем более архетипов в том детально разработанном виде, в котором они описаны у Юнга, однако при определении термина разум говорится, что он "эволюционировал" на протяжении того периода, о котором мы имеем знание, посредством накопления прошлого опыта. В случае с расовым бессознательным Юнга не поддерживает ни один ученый

так как нет никаких свидетельств того, что биологическое устройство какой-либо одной расы принципиально отлично от такового у какой-то другой. Но самое странное в этой проблеме это то, что невозможно понять, когда это стало рассматриваться как заслуживающее обсуждения, тогда как очевидное объяснение всех фактов у нас прямо в руках и не требуется глубокого ума для понимания, что ребенок или первобытный человек склонен объяснять универсум в терминах знакомой семейной ситуации, или же что он является наследником способов мысли и опыта, идущих из прошлого. Безусловно, некоторые типы реакций являются врожденными, ибо они суть защитные механизмы: ребенка не нужно учить быть агрессивным или выражать гнев, когда расстраиваются его желания, или слышать сильный шум, но это не более таинственно, чем его потребность сделать нечто, испытывая голод или жажду.

Очевидно, некоторые формы символического мышления, отличные от тех, которые основываются на непосредственном опыте, не только не таинственны, но даже неизбежны, и может возникнуть чувство, что психоаналитик или аналитический психолог только отдаляется от них, усложняя то, что является абсолютно простым. Почему, например, Ранк и другие должны настаивать на том, что чаши и сосуды выражают чрево, неужели нет других понятных средств для содержания или хранения, почему детский аналитик предполагает, что ребенок, проталкивающий поезд через туннель, симулирует родительское сношение, когда, помимо важного вопроса о том, почему поезда и туннели предлагаются в первую очередь (ну разве только, если они представляют архетип или навязчивую идею в сознании аналитика), кажется очевидным, если абстрагироваться от целого, что есть лишь две вещи, которые ребенок может делать с поездом и туннелем — подтолкнуть поезд в туннель или же их разбить. Предположение, что дети должны обладать врожденными понятиями подобного рода оставляет нам право сделать логический вывод, что обезьяны, тыкающие соломинкой в отверстия в своих клетках, или даже птицы и грызуны, совершающие такие или подобные действия, должны иметь такие или сходные проблемы и желания, как и

ребенок. Это демонстрирует специфическую черту аналитических школ, которая отнюдь не способствует пробуждению любви к ним со стороны ученых в целом — привычку продолжать свои исследования и делать утверждения в научном вакууме, не вступая в конфликт с другими воззрениями, а просто продолжая действовать так, будто таковых не существует. Например, нам достаточно будет их использования группового сознания или наблюдений, время от времени делаемых психоаналитиками по поводу таких предметов, как мышление, память, детское развитие или же антропология, для того, чтобы понять, что они редко ссылаются на другие взгляды (поддерживающие или оспаривающие их притязания), идущие от тех, кто годами занимался этими проблемами в рамках давно утвердившихся научных дисциплин; они полностью их игнорируют. В то время как большинство ученых наших дней, чувствующих потребность использовать такие понятия, как групповое сознание или наследование приобретенных признаков, делали бы это с тщательной аргументацией своей позиции и даже с вызовом — ввиду осознания ими ее общей непривлекательности, кто-то может усомниться в возможности восприятия аналитиками противоположного взгляда или понимают ли они, что над этим вопросом уже задумывался кто-то до них.

Фрейд, безусловно, был широко начитан, и в ту пору, когда формировались его главные теории, был отлично знаком с психологией и антропологией конца девятнадцатого века; но если Юнг и постиг какую-то современную науку, то это совсем не заметно по его работам, в которых от пациентов, будь то хронические шизофреники или испорченные пожилые господа, происходит перепрыгивание прямо в объятия индийского и китайского мистицизма, через сумеречные леса тевтонских событий. Таким образом менее странным, чем могло показаться поначалу, становится практическое отсутствие внимания Юнга к таким областям социальной психологии и антропологии, к которым, как можно было бы ожидать, должен был привести его интерес, хотя и Фрейд, уделявший им весьма значительное внимание, вне области его собственных интересов не кажется стоящим на уровне современного знания в социальных на-

уках. Да, он с одобрением упоминает “Инстинкты толпы во время мира и войны” Троттера, но Троттер был близким родственником Эрнста Джонса.

Психоаналитики, являющиеся одновременно антропологами, такие как Авраам Кардинер и Геза Рохейм, широко используют фрейдовские теории, но существенно то, что те аспекты, которые они находят наиболее полезными, не являются специфически антропологическими, а скорее связаны с индивидуальным развитием. Кардинер, который по сути своей является кабинетным теоретиком, почерпнул вдохновение во фрейдовском подчеркивании важности инфантильного опыта и иррациональной природе бессознательного, мало пользуясь при этом стадиями развития либидо, а Рохейм, более ортодоксальный и имеющий значительный практический опыт, уделяет еще большее внимание инфантильному опыту, занимая позицию Кляйн. Но никто из них не извлек большой пользы из фрейдовских культурных и социальных теорий в целом, оба они отвергают теорию группового сознания или коллективного бессознательного, которая, как мы увидели, играет небольшую (или вообще никакую) роль в общей фрейдовской теории. Возможно, единственным исключением из этого является его теория снов, использующая коллективное бессознательное с его архаическим наследием с целью объяснить появление устойчивых символов. Фрейд рассматривал “Толкование сновидений” как свою важнейшую работу, а значение снов как “королевский путь к бессознательному” принимается в качестве главного аспекта психоанализа; символ — это одно из средств, при помощи которых запрещенным желаниям из бессознательного “ид” позволено выразиться в замаскированной форме в сознании, тогда как в иных случаях они зажаты моральными требованиями супер-эго. Функцией сновидения является охрана сна посредством разрешения выражения желаний в такой форме, которая не шокировала бы эго и таким образом разбудила бы сновидца, и поэтому случается, что явное содержание сновидения (т.е. сон, в том виде, в котором он пересказан после пробуждения) значительно отличается от его скрытого содержания (т.е. его бессознательного значения). Однако, с по-

мощью процесса свободных ассоциаций скрытое содержание может быть обнаружено, не взирая на то, что оно было тщательно замаскировано с помощью процессов сгущения, замещения, пластического изображения и устойчивого символизма. Сгущение означает, что некоторые части скрытого содержания упускаются, а элементы, обладающие общими чертами, сплавляются воедино, так что фигура, появляющаяся в сновидении, может быть сложным образом нескольких людей из реальной жизни.

При замещении элементы, в которые вкладывалось огромное эмоциональное значение, могут быть представлены незначительными (и наоборот) с целью скрыть их важность от сновидца. Пластическое изображение описано Фрейдом как "пластический, конкретный фрагмент образа, берущий начало в звуке слова". Например, представление сновидца о том, что он взбирается на высокую гору, откуда он имеет широкий обзор окружающей местности, посредством свободных ассоциаций связывается с воспоминанием о друге, публикующем *Обзор* по вопросам международных отношений. Сновидец идентифицирует себя с "обозревателем", так как при анализе он занимается обзором собственной жизни. В случае с устойчивым символизмом привлекла внимание вера Фрейда в то, что определенные способы символического выражения в сновидениях имеют устойчивое значение и их невозможно анализировать дальше, поскольку они являются не индивидуальными, а общими для всего человечества. Примеры подобного устойчивого символизма были приведены в главе 3, и во фрейдовском смысле их значения обычно являются сексуальными. Словно этих маскировок было бы недостаточно, имеется заключительный процесс, затрудняющий анализ: вторичная обработка. Просыпаясь, сновидец восстанавливает в памяти явное содержание сновидения, но вскоре его разум принимается за работу по приданию тому, что он помнит лишь смутно, определенной видимости порядка и согласованности, первоначально отсутствующих, так что в рассказанном виде сновидение оказывается значительно более упорядоченной и рациональной сущностью, нежели оно первоначально представлялось во время сна. Таким образом, скрытое содержа-

ние маскируется в форму выраженного содержания, а последнее подвергается дальнейшему искажению со стороны вторичной обработки.

Проблема символизма приводит нас к фрейдовскому понятию человеческого архаического наследия. Дело в том, что согласно этой теории устойчивые символы никогда не приобретались индивидуально каким-либо человеком. И они не ограничиваются снами, а могут быть найдены и в мифологии, сказках, искусстве, религии и во многих других областях. Другими словами, цензура сновидения использует архаический язык, лежащий под руками и служащий для того, чтобы делать запрещенные желания бессознательно-го как можно более непонятными для сознания индивида. Фрейд предполагает, что в ходе развития цивилизации возникла необходимость подавления первобытных влечений и желаний, которые, тем не менее, продолжали требовать удовлетворения и осуществления. Эти желания — агрессивные, сексуальные и инцестуозные — должны были маскироваться в зависимости от уровня развития цивилизации, и в их замаскированной форме они обнаруживаются в мифологии. Однако ранние мифы переполнены такими темами, как отцеубийство, кастрация, кровожадные чудовища или инцестуозные связи, тогда как более поздние скрывают свое первобытное содержание более тщательно. Безусловно, в прошлом было сделано множество попыток объяснения истоков мифов и народных сказаний, хотя в большинстве случаев они были скорее описательными, нежели причинными, т.е. объясняющими, какова была вера, вызвавшая мифы к жизни (но не объясняющими, почему они вообще должны существовать), и значительно меньше говорящими о том, почему их содержание должно быть столь экстраординарным и вдобавок столь стереотипным.

Историческая теория утверждает, что описанные события основываются на действительной истории, которая была сильно искажена в процессе передачи, так что когда говорится, что Даная была оплодотворена в своем тереме Зевсом с помощью золотого града, нам предлагают верить, что это деньги, с помощью которых были подкуплены ее охранники. Другие предположили, что мифы и сказания яв-

ляются *иносказаниями*, имеющими моральное назначение как в случае с баснями Эзопа, или же *аллегориями*, выражающими значительные природные события. В таком случае божественный инцест может выражать ежедневную слитность Солнца с его матерью — Утренней Зарей, сказания о смерти и возрождении — похороны семени и его восхождение весной и т.д. Модификация этой теории принадлежит филологу Максу Мюллеру, предположившему, что то, что было повседневным словами, трансформировалось в собственные имена: когда-то именем солнца было “аполло”, а зари — “дафна”, и потому утверждение, что за зарей следует солнце, могло породить миф о том, что Аполлон преследует Дафну. Эндрю Лэнг интерпретировал их на другой манер — как истории, основанные на уподоблении (*just-so*), благодаря которым человек в состоянии первобытного анимизма пытался объяснить мир; они оказывали эффект *ранних научных теорий*. Наконец, согласно Лорду Рэглану, мифы, относительно которых другие предполагали, что они порождают ритуал, на самом деле являются плодом ритуала — в реальности они служили сценарием для ритуальной драмы. Например, Рэглан выводит миф об Эдипе из ритуального отцеубийства и инцеста, первоначально выполнявшихся для магического омоложения природы. Не нужно предполагать, что все эти теории просто неправильны, ибо очевидно, что мифы, будучи однажды созданными, затем могут быть модифицированы в моральные истории, использованы в качестве первобытной науки или смешаны с историческими элементами и описаниями реальных лиц. Мифы, которые изначально были связаны с сексуальными феноменами, могут быть соединены с сельскохозяйственными ритуалами и магическими попытками повысить богатство урожая. Но Фрейд отказывался считать эти объяснения хоть в каком-либо смысле фундаментальными и утверждал, что мифы являются “тонко замаскированными выражениями определенных фундаментальных бессознательных фантазий, общих всему человечеству”.

Классическая мифология, основанные на ней пьесы греческих драматургов и более примитивные мифы и народные сказания менее искушенных народов — все они де-

монстрируют замечательное содержательное сходство: описания отцеубийства и инцеста с матерью, кастрации, кары и возмещения, убийства матери, каннибализма, расчленения составляют часть мифологии всех народов. Тогда подлинной задачей с позиции психоаналитика является объяснить, каким образом возникает это сходство. Но для того, чтобы сделать это, нам не нужно далеко идти; ибо, как уже указывалось, такие фантазии универсальны в течение ранних лет жизни. Маленький ребенок на протяжении фазы эдипова комплекса желает убить своего отца и совершить инцест со своей матерью, он страшится кастрации со стороны отца, а на более поздней стадии, ввиду того, что он не только ненавидит, но и любит своего отца, у ребенка начинают возникать мысли о возмещении и самонаказании. Самоослепление Эдипа выражает глубоко сидящее побуждение совершить возмещение. Теории Мелани Кляйн помогают в деталях объяснить истории с каннибализмом и расчленением, убийством матери и первичной агрессией, так как в ее теории агрессивные чувства по отношению к матери возникают задолго до того, как на эдиповой стадии появилось чувство ненависти по отношению к отцу, и эта агрессия, будучи спроецированной на мать, отражается назад на ребенка в виде образов поедающей маленьких детей злобной прожорливой ведьмы с длинными клыками. Но первоначально именно ребенок, на протяжении оральной фазы, желал сожрать свою мать.

Фрейд верил, что в отдаленный период истории человечества люди жили в состоянии "беспорядочных сексуальных и примитивных эгоистических мотивов" и, естественно, в течение этого времени они не имели ни возможности, ни потребности создавать мифы, ибо вытеснение было излишним. В "Тотеме и табу", используя те антропологические материалы, которые имелись в наличии в первой декаде этого столетия ("Золотая ветвь" и другие работы сэра Джорджа Фрэзера; теория тотемизма Робертсона-Смита; а также некоторые воззрения Дарвина), он продолжил исследование происхождения социальных институтов, тотемизма и экзогамии, запрещения инцеста в свете следующей теории: он предполагает, что наиболее ранним типом челове-

ческого общества должна быть описанная Чарлзом Дарвином “первобытная орда” во главе с могучим самцом, отцом орды, являвшимся абсолютным правителем. Отец подчинял более молодых самцов своей абсолютной власти и оставлял всех женщин для себя. Будучи подчиненными, сыновья были вынуждены жить в полном воздержании и почтении до тех пор, пока в один прекрасный день они не восстали и, объединившись, убили отца и съели его тело. Как хорошо известно, многие примитивные народы живут группами, представляемыми “тотемом”, священным животным или растением, которое запрещено есть или убивать; однако в условиях церемониала происходит пиршество, в ходе которого обычно запрещенное животное убивается и его мясо ритуально поедается. Согласно Фрейду, этот ритуал является символическим выражением совместного воспоминания о первоначальном убийстве отца. За ненавистью к старшему мужчине орды лежало амбивалентное чувство аффектации, и вскоре после совершения преступления сыновья почувствовали потребность в искуплении и возмещении. Эта потребность привела к запрещению ими убийства выражающего отца: тотемного животного, его обожествлению в качестве вождя племени и учреждению церемониального пиршества, на котором преступление ре-актуализировалось в ритуальной форме. Но поскольку первоначальной причиной убийства были женщины племени, существовала опасность, что соперничество между сыновьями могло бы привести к повторению преступления. Поэтому они запретили брак с освобожденными женщинами и наложили табу на убийство внутри племени. Впредь полагалось жениться вне группы (экзогамия, запрет инцеста) и новые законы запрещали убийство единокровного брата.

Таким образом, соперничества между братьями за женщин, как серьезной угрозы для социальной организации племени — большой патриархальной семейной группы — больше не существовало. На основании этого, фрейдовская теория предполагает, что общество возникло из необходимости обуздать непокорные сексуальные и агрессивные влечения человека, и что его функция является в первую очередь подавляющей. Простой гипотезой объясняет про-

исхождение общества, религии и права, тотемизма, табу на инцест, экзогамии, ритуала и мифов. Закон обуздывает сексуальные и агрессивные влечения, религия, миф и ритуал служат напоминанием о преступлении и смягчают вину, а общество является наиболее общим механизмом контроля. С течением времени мифы, связанные с ритуалом (церемониальным выражением первоначального действия), ведут к драмам Софокла и Эсхилла, которые по-прежнему используют материал, поставляемый мифами, а еще позднее — к современному театру. Несомненно, нет и не было ни одной теории, которая объяснила бы или попыталась бы объяснить столь многое.

Религия выражает выход вовне человеческих бессознательных конфликтов и их поднятие до космического уровня. В одном из своих аспектов она обеспечивает суррогатное удовлетворение первобытных влечений, в ином — служит в качестве силы, подавляющей их. Религия — это “универсальный невроз навязчивости человечества”, в котором увековечивается иллюзия любящего небесного Отца, обещающего счастье в будущем в обмен на отречение от инстинктивных желаний на земле. Это тезис “Будущего одной иллюзии”, а в “Недовольстве культурой” Фрейд утверждает, что цивилизация, подавление и невроз неизменно взаимосвязаны таким образом, что чем больше цивилизация, тем больший невроз, и наоборот, чем меньше подавление, тем меньше невроз и тем меньше цивилизация. Общество, посредством все возрастающей тенденции к подавлению, делает человека все более и более несчастным и он ищет утешения в суррогатных удовлетворениях: питье, курении или употреблении наркотиков, религии и любви, а сублимация — это ответ, возможный лишь для избранных. Однако, когда сдерживающие силы цивилизации удаляются, мы видим людей в их истинном свете — в качестве “диких животных, которым чужда мысль пощадить себе подобных”.

Отто Ранк следовал за Фрейдом в своих спекуляциях относительно социальных и религиозных истоков, но основывался на гипотезе о “травме рождения”. Согласно Ранку, функция отца в первобытной орде заключалась в препятствии желаниям сыновей возвратиться к матери, ибо сущес-

твует "постоянная неумная тенденция всецело направлять свой путь в мать" и таким способом аннулировать травму рождения. Поскольку им препятствовали сделать это, сыновья убили отца и после этого отреклись от желанной матери. Нам говорится, что лишь самому младшему сыну разрешено возвратиться к матери, ибо он был последним, кто занимал чрево. Он является "Героем" мифологии и его превосходство заключается в том факте, что "...он приходит последним и, так сказать, прогоняет остальных. В этом он похож на отца, с которым, по тем же самым мотивам, он один может себя идентифицировать". Именно младший сын после убийства первобытного отца и следующего за ним периода правления матери или женщин семьи (матриархат) становится вождем. При матриархате право и правосудие проистекают с одной стороны из охранительных аспектов матери (ее чрева), а с другой — из страха перед ее устрашающими аспектами, относящимися к травме рождения. При патриархате правителем является тот, кто предотвращает возвращение к матери, и первичная тревога, связанная с матерью, трансформируется в почитание царя или правителя. Возрастающее мужское господство является результатом желания исключить женщин с целью сохранения вытесненным воспоминания о травме рождения, но периодически желание возвратиться к матери заявляет о себе и происходят восстания против мужского господства. С этой точки зрения религия "в конечном счете имеет тенденцию к созданию оказывающего помощь и защищающего высшего Существа, в лоне которого можно избежать всех бед и опасностей и к которому в конце-концов возвращаешься в будущей жизни, являющейся верным, хотя и сублимированным образом некогда утраченного Рая" (мать и ее защищающее чрево). В христианстве Сын становится Богом а первичной Матерью — Марией, тогда как первичный отец является Повелителем Ада. Распятие — наказание за восстание против Отца, затем следует воскресение, то есть рождение. Это символическое выражение процесса рождения, а догмат о Непорочном Зачатии утверждает, что Христос был рожден необычным способом, что фактически он "Герой", преодолевший травму рождения. Искусства берут

начало в “имитации своего собственного произростания и происхождения из материнского сосуда”. Вместилища были впервые созданы в подражание материнскому чреву, а на более поздней стадии — ребенку и его голове: ваза имеет “живот, уши, носик и т.д.”. Каждое открытие суть перераскрытие чего-то скрытого, так что жилище имитирует защищающее чрево, а мечи, ружья и т.д. — мужской половой орган. В целом, Ранк видит в культурном развитии постепенный отход от первоначальной травмы рождения в сторону сублимированных форм, служащих замещением первоначального состояния.

На протяжении 1920-х и 1930-х годов антропологи начали все больше интересоваться настоящими полевыми исследованиями в примитивных культурах: Малиновский на Тробрианских островах, Фирс (*Firth*) вместе с Тикопланом (*Tikopians*), Деконом (*Deacon*) и Лаярдом (*Layard*) в Молекуле, Маргарет Мид, Батесон (*Bateson*), Риверс, Рэдклифф-Браун и Боас — все они открыли новые данные относительно примитивных культур, которые не всегда соответствуют фрейдовским антропологическим теориям, несмотря на определенные субъективные влияния. Бронислав Малиновский обнаружил на Тробрианских островах, что не отец, а брат по материнской линии был стражем детей, и на основании этого предположил, что эдипов комплекс не был универсальным. За это его критиковали Джонс и Рохейм — последний сам осуществлял полевые исследования в примитивных культурах; если, спрашивает Рохейм, Малиновский не знал фрейдовских методов и сам не подвергся анализу, как он мог проверять эдиповскую теорию? Риверс принимает фрейдовские изыскания осторожно, но с интересом — так же как поступал Селигман и многие другие в то время. Рохейм и сам принимает фрейдовскую теорию Первобытной Орды, но отрицает гипотезу расового бессознательного, основывая свои предположения на тезисе “задержавшегося человеческого младенчества”. Его теория резюмируется в следующем параграфе, взятом из эссе “Психоанализ и антропология”, представленная на лорановском симпозиуме *Психоанализ сегодня*: “Специфические цели примитивных обществ отнюдь не обусловлены их окруже-

нием или практическими соображениями. Они являются серией решений, предложенных разнообразными человеческими группами в связи с до-эдиповскими и эдиповскими конфликтами, являющимися неотъемлемой частью инфантильной ситуации. С точки зрения бессознательного взросление является попыткой восстановить "утраченный рай" младенчества. Наши специфические способы адаптации к реальности основываются на изобретениях? И эти изобретения являются сублимациями инфантильных конфликтных ситуаций. Сама культура является созданием объекта-заместителя; последний имеет как нарциссические качества, так и качества эротического объекта, выражает и мать, и ребенка. В этом плане он идентичен с механизмом игры: защита против беспокойства быть отделенным, основанная на переходе из пассивной позиции в активную. Человечество — лишь животное, *производящее пищу* (механизмы восстановления с помощью пищи как символ ребенка) и живущее главным образом посредством кооперации (==симбиоз == ситуация "мать-ребенок"). Здесь, как мог бы заметить читатель, мы видим следы идей Кляйн и Ранка, а также подтверждение тезиса Сатти о том, что культура связана с игрой и что кооперация вырастает из ситуации "мать-ребенок". Но следует объяснить, что теории Рохейма, Фрейда и Ранка практически полностью отрицаются непсихоаналитическими антропологами, редко пользующимися теорией первобытной орды или какими-то иными фрейдовскими конструкциями, имеющими непосредственное отношение к антропологии. С другой стороны, многие антропологи используют фрейдовское понятие важности ранних лет жизни в развитии личности и применяют его теории, связанные с мифологией. В числе представителей этой последней группы американцы Эдвард Сэпир и Абрахам Кардинер. Итак, грубо говоря, антропологов можно разделить на три группы: те, которые полностью идут фрейдовским путем, такие как Рохейм и многие другие; те, которые широко пользуются фрейдовскими понятиями, но по большей части отвергают его антропологические формулировки (такие как Кардинер, Клюкгорн и Сэпир); и те, кто практически вообще не пользуются теорией Фрейда. Последняя

группа, возможно, по-прежнему является наибольшей, по крайней мере в Британии и остальной Европе.

Сейчас считается, что культура или образ жизни каждого общества имеет тенденцию продуцировать различные типы личности, и в своей книге "Индивид и его общество" Кардинер разрабатывает свое понятие "базовой структуры личности", в которой он комбинирует психоаналитический подход с осознанием того, что факторы культуры и окружения также могут играть значительную роль в детерминации психологических феноменов. Кардинер и его коллега Линтон определяют базовую структуру личности как "конstellляцию личностных черт, которые могут оказаться конгениальными целому ряду институций, представленных в данной культуре". Она включает способы мышления и конstellляции идей, образование супер-эго, отношения к сверхъестественным существам и, следовательно, выражает те аспекты личности, которые отличают друг от друга членов разных культурных сообществ. С другой стороны, характер "у каждого индивида является вариацией данной культурной нормы". Другими словами, особые условия, признаваемые в каждой культуре, имеют тенденцию продуцировать особый тип индивида с психологическими чертами, соответствующими этой культуре. Для данной культуры "нормальной личностью" является базовая структура личности, а вариации на эту общую тему, устанавливающие в рамках той же самой культуры отличие одного индивида от другого и конституирующие его индивидуальность, описываются как характер. Клайд Клюкгорн, Ральф Линтон и другие пытаются согласовать фрейдовскую доктрину постоянно-устойчивой личности, определившейся в течение первых пяти лет жизни, с тем фактом, что в определенных аспектах личность может изменяться. Они говорят о "ядерных" и "периферийных" областях личности. "Изменения в ядерной области, которые сами по себе могут быть и не очень значительными, всегда изменяют линию поведения личности и обязательно являются качественными. Изменения в периферийной области могут быть чисто количественными и могут происходить без изменения других черт личности. Основные стадии (оральная, анальная, генитальная) предпола-

ют изменения в ядре, но наряду с такими изменениями существуют и изменения другого типа — являющиеся более специфическими приспособлениями к статусу и роли, ожидаемых каждой культурой от лиц определенного возраста, пола и должности. В большинстве случаев периферия находится там, где имеется относительная свобода приспособления (Клюкгорн, “Зеркало для человека”). Культуры имеют такие же свойства, как и отдельная личность: они обладают ядерными и периферийными зонами организации, и мы могли бы изобразить каждую культуру (культура является для общества тем, чем личность является для индивида) в качестве громадной машинной пилы-ножовки *puzzle* с центром, состоящим из тесно пригнанных частей, тогда как ближе к периферии лежат части, расположенные более свободно и даже части, которые не имеют сцепления вообще. Подобно базовой личности индивида, ядерная или центральная зона культуры сопротивляется изменению — развивая метафору, мы могли бы сказать, что если убрать какую-то часть *puzzle*, то заменить ее можно лишь частью, имеющей сходную форму. Таким образом, если попытка прекратить практику охоты за головами в первобытном обществе осуществляется путем чисто запретительным, все общество может начать распадаться; ибо прежде всего мы должны рассматривать, какую функцию выполняет охота за головами в обществе как таковом. (В Новой Гвинее практика охоты за головами была с успехом заменена убийством дикого кабана.) Короче говоря, центральные или ядерные части культуры или личности невозможно заменить частично или силой, не рискуя при этом, что она полностью разрушится как функционирующая сущность.

Для фрейдовского предположения об устойчивости человеческой природы настали тяжелые времена в 1930-х годах, когда Рут Бенедикт и Маргарет Мид провели серию исследований, продемонстрировавших, сколь гибкой является человеческая природа, если наблюдать за ней на фоне различных культур. Американский антрополог Маргарет Мид обнаружила, например, что волнение и стресс, считающиеся в западной цивилизации само собой разумеющимися как типичные для юной девушки, отсутствуют среди

девушек на Самоа, где обычаем допускается ранний сексуальный опыт. Аналогично, о половых различиях между мужчиной и женщиной не скажешь, что ими мы обязаны, как считал Фрейд, врожденным биологическим факторам, если, как обнаружила Мид в Новой Гвинее, соседствующие племена с различными культурами демонстрируют вариации мужских и женских черт, доходящие в некоторых случаях порой даже до отмены привычных для нас ролей. "Идеал Арапеш это мягкий, отзывчивый мужчина, женившийся на мягкой, отзывчивой женщине; идеал Мандугумор это сильный и агрессивный мужчина, женившийся на сильной и агрессивной женщине. В третьем племени, Чамбули, мы обнаружили сексуальные установки, полностью противоположные установкам нашей культуры: женщина — господствующий, бесстрастный, правящий партнер, мужчина — менее отзывчивый и зависимый партнер". Эти культурные различия распространяются на все аспекты личности; Арапеш — охотно сотрудничающие, неагрессивные, нежные по отношению к своим детям, Мандугумор — не склонные к сотрудничеству, агрессивные и жестокие. Агрессия настолько противна Арапеш, что, похоже, они занимают позицию, которая равноценна отношению к сексу в викторианском обществе, а инициатива, самоутверждение, состязательность или гнев сильно порицаются, да так, что один лишь вид раздраженного человека глубоко их шокирует. Дети никогда не наказываются и в течение первых лет жизни ребенку непрерывно внушается, что все является "добрым" — добрый *sago*, добрый дом, добрый дядюшка и так далее. У Мандугумор, напротив, "социальная организация базируется на теории естественной враждебности, существующей между всеми представителями одного и того же пола, и предполагается, что связи между представителями одного пола возможны лишь через представителей противоположного пола". Другой американский антрополог — покойная Рут Бенедикт — обнаружила, что индейцы Зуны в Нью-Мексико похожи на Арапеш из Новой Гвинее своим отсутствием напористости и инициативы — Зуны *пытаются* избавиться от соревнования и *настаивают* на том, что не следует занимать важное положение, так что вожди должны ставиться в по-

ложение авторитета принудительно и если таковые уже имеются, то на них обращается слабое внимание. В то время как мы в Европе и Америке стремимся собирать деньги, Квакиутл из залива Пьюджет-Саунд предпочитают их жечь и рвать на части на своих церемониях "закрытого горшка" ("potlatch" ceremonies), а добу живут в таком состоянии навязчивого подозрения, что европейский психиатр должен был бы без всяких колебаний диагностировать каждого добуанца за пределами его собственного общества как параноика, нуждающегося в психиатрическом лечении. Эскимосам неведома война, а самоубийство — многим другим племенным сообществам. Бали, говорит Рохейм, это "...немыслимо; это шизофреническая культура".

Без соответствующего опыта трудно оценить эти новые формулировки в антропологии и читателю придется вывести свои собственные заключения из "Паттернов культуры" Рут Бенедикт и "Достижения возраста на Самоа (секс и темперамент в трёх примитивных обществах)" Мид, а также других книг. Но если описанные наблюдения верны хотя бы приблизительно, то очевидно, что они предлагают намного более оптимистический взгляд на возможности человеческой расы, чем тот, который идет от Фрейда и Мелани Кляйн. Неофрейдистские школы также отрицают фрейдовский биологический подход и более сосредоточены на влиянии общества и культуры в построении личности, нежели на инстинктивных основаниях последней, среди психологов же сегодня на одном полюсе можно обнаружить ортодоксальных фрейдистов с их биологической теорией относительно устойчивой личности, зависимой от инстинктивных влечений и формирующейся в ранние годы жизни, а на другом: — прямолинейные социологические школы (которых мы здесь не касаемся), утверждающие, что личные черты, являющиеся просто согласованными способами поведения, формирующимися на основании ролей, играемых индивидом в обществе, не следует рассматривать как "внутренне" присутствующие индивиду. (См., например: Линдсмит и Строс, "Социальная психология".) Маргарет Мид при создании базовой личностной структуры культуры придает первичное значение образцу воспитания детей, в то время как Рут Бене-

дикт по-видимому считает более важной общую культурную ситуацию — например в исследовании современной японской личностной структуры ("Хризантема и меч"), она наряду с образцами воспитания детей рассматривает японскую историю. Книга Джоффри Жоре "Американцы и Великороссы" исследует в ключе, заданном Мид, американские и русские личностные образцы. Но по мнению четко аналитически-ориентированного Рохейма любой разговор о создающей личность культуре (в форме ли технологии, окружающей среды, экономических факторов или воспитания детей) приводит к старой проблеме: то ли курица (культура) выходит из яйца (детской ситуации), то ли яйцо из курицы? "Люди развиваются определенным образом вследствие того, что случилось с ними в детстве (психоаналитическая точка зрения) или же родители ведут себя по отношению к своим детям определенным образом ввиду того, что "общество" или "культура" заставляет их поступать именно так (социологическая точка зрения)?" По его мнению, предложенное Кардинером решение, согласно которому оба ответа корректны, равносильно высказыванию, что половина курицы накрывает яйцо и из этого же яйца мы берем другую половину этой же курицы. Согласно Рохейму нет влияния *окружения*, которые, например, заставило бы мать из племени Бали поступать жестоко по отношению к своим детям, следовательно, социологический тезис не может отстаиваться обоснованно.

Но независимо от того, прав Рохейм или нет, не может быть сомнений, что современные тенденции в психологии имеют все более сильный социологический уклон, и будет интересно увидеть до какой степени это дает нам возможность искать ответы на вопросы, не решаемые с помощью подхода, основанного на индивидуе, ибо принятие социологической точки зрения имеет чрезвычайно важные следствия не только в психотерапии но также и в психологии, медицине и многих других областях. В медицине это должно отвлечь внимание от больного пациента в сторону, как выражается Холидей, "больного общества", и как предложил Л.К.Франк: "Вместо того, чтобы мыслить в терминах разнообразия так называемых социальных проблем, каждая из

которых требует специального внимания и отличных от других лечебных средств, мы можем рассматривать их как различные результаты одного и того же заболевания. Если, к примеру, мы могли бы рассматривать злодеяние, психические расстройства, распад семьи, подростковую преступность, проституцию и сексуальную агрессию, а также многое, что ныне оценивается как результат патологических процессов (например, язвы желудка), не как свидетельство человеческой безнравственности, некомпетентности, извращенности или патологии, а как реакции на культурный распад, то тем самым мы бы сделали шаг вперед". Бесспорно, у того, кто делает обобщения относительно современной психологической мысли есть склонность игнорировать тот факт, что очень большое число психологов, может быть даже большинство, ни обществом, ни личностью особо не интересуются, и было бы точнее сказать, что теория личности в наши дни уделяет меньше внимания изолированному индивиду и, соответственно, больше внимания уделяет социальным детерминантам, а также, что социальная психология использует в качестве своей единицы в первую очередь группу, а не индивида.

Современный социальный психолог считает большую часть фрейдовской работы не столько фактически ошибочной, сколько практически не имеющей отношения к его собственной цели; он, в частности, не интересуется фундаментальными влечениями индивида, проблемой, является ли агрессия врожденной или нет, а также природой эмоциональных связей, привязывающих отдельных членов группы к ее лидеру и к остальным членам, поскольку этот способ рассмотрения группового поведения чужд подходу, являющемуся в первую очередь бихевиористским. Группа изучается просто *как группа*, определенного рода социальный импульс считается само собой разумеющимся просто потому, что он может наблюдаться в действии, а его сила или слабость, позитивное или негативное качество в случае каждого отдельного члена дедуцируется из его поведения. Очевидно, что между индивидами могут возникать конфликты и таким образом подрывается групповое единство, но социальный психолог, вероятно, будет интерпретиро-

вать это растерянностью в связи с задачами, стоящими перед группой или же, если говорить более фундаментально, дефекты в ее социальной организации. Эта установка возникает не потому, что социальный психолог расходится во взглядах с любой конкретной теорией личности, но из-за того, что он рассматривает группу как усредненный образ многих людей, поведение которых не может быть объяснено с помощью ссылки на психопатологию отдельных членов; например, параноидальный индивид обычно будет чувствовать себя изолированным в группе, функционирующей в нормальных условиях, а достигать власти он будет лишь если группа как таковая столкнулась с "параноидальной" ситуацией, в которой она ощущает себя несправедливо ободенной в терминах реальности. Такого рода феномены и вызвали к жизни теорию группового сознания, поскольку группа в данном случае ведет себя совершенно не так, как того можно было бы ожидать исходя из бесед с преимущественно непараноидальными членами в иных ситуациях, но сегодня мы можем видеть, что это лучше всего объясняется в терминах реальной ситуации или способа организации группы. Если лидер оказывается сильно параноидальным в психиатрическом смысле, социальный психолог не предполагает, что тот был в силах сопрягать свою личность с группой благодаря своей способности доминировать, а задается вопросом, почему группа ощутила себя достаточно обиженной и подозрительной, чтобы поставить его у себя во главе. Заблуждение группового разума или разума индивида в дуалистической философии вырастает из ошибки, заключающейся в игнорировании естественных феноменов, которые должны рассматриваться в терминах их собственного уровня организации. Если мы начнем с предположения, что тело является машиной, то рано или поздно нам придется привлечь понятие отдельного разума ("дух в машине") для того, чтобы объяснить, почему в определенных аспектах организм не ведет себя как механизм; если мы предполагаем, что группа является собранием индивидов, которое может быть понято лишь в терминах индивидуальной психологии, нам придется ввести понятие группового разума для объяснения, почему, независимо от

способа подсчета результатов, мы не можем объяснить ее коллективные реакции. На самом деле проще с самого начала осознать, что организм не демонстрирует такие реакции, какие демонстрирует машина, а группа — такие, как ряд несвязанных между собой индивидов, рассматриваемых в качестве изолированных личностей. Фрейд, бесспорно, рассматривал группу в совершенно ином свете и его собственная теория группового поведения проистекает из его образа семьи и первобытной орды, сосредоточенного на эмоциональных отношениях с патриархальным вождем. Потребность в вожде и специфика отношения к вождю идет от инфантильных отношений с родителем, влияющих на отношение индивида к последующим родительским фигурам, подобно тому как братская ревность влияет на его отношение к членам группы, становящихся конкурентами в соревновании за одобрение отца-вождя.

Первичная группа описана Фрейдом как "ряд индивидов, поставивших на место своего эго-идеала один и тот же объект и соответственно идентифицировавших себя друг с другом в своем эго"; членами являются братья, которые вместо того, чтобы убить друг друга, направляют свою любовь и ненависть на вождя как на фокус групповых эмоций, оставляя для себя возможность объединиться в братской любви. Это интересный тезис, но естественной реакцией будет чувство, что он имеет очень далекое отношение к группам, которые реально известны в Британии или Америке, где формальное и неформальное лидерство не обязательно синонимичны, где отец может быть в законном смысле "главой семьи", не обязательно будучи или даже часто не будучи ее эмоциональным фокусом, где рабочие группы имеют формального лидера, чьим основным *raison d'être** является его реальное или предполагаемое техническое знание, в то время как в эмоциональной динамике группы он играет сравнительно незначительную роль, и, самое главное, где неформальная группа с целостной социальной функцией часто имеет сильное чувство неприязни по отношению к любой форме авторитаризма или хотя бы

* Ритуал входа (фр.) — Прим. ред.

предполагаемого верховенства со стороны отдельной личности. В этих культурах в рамках тесно спаянных групп каждый член может в определенных ситуациях демонстрировать превосходство (напр., лучший повар, лучший боец, лучший артист, лучший мошенник за пределами группы, а не внутри нее), но немногие будут стараться утвердить глобальное превосходство, и формальный лидер, желающий общественного одобрения, будет постоянно занижать свой авторитет, приписывая его не столько своей внутренней способности, сколько поступлениям извне. С другой стороны, фрейдовская теория может иметь большее отношение к тому, что наблюдается в германских общественных группировках, где спонтанная дифференциация на лидеров и ведомых встречается чаще и более четко очерчена. Тем не менее, имеется четкое различие между фрейдовским взглядом, в основе которого лежит семейный паттерн, имеющий определенное биологическое единство, и взглядом социальных психологов, основывающемся обычно на изучении рабочих групп или во всяком случае групп, делающих что-либо, и рассматривающем лидерство как функцию группы и задачи, которую она должна выполнить; первый рассматривает лидерство как нечто статичное, а последний — как динамичное и способное измениться вместе с изменением задачи. Согласно первому взгляду, лидер является реципиентом амбивалентных эмоций группы и занимает место супер-эго, делая возможным братство между членами, а согласно второму — лидер является инструментом, используемым группой для выполнения частной задачи, а соседство членов может быть рассмотрено, по крайней мере отчасти, как вызванное сведением агрессивной энергии в работу или стремление к цели.

Форма, которую принимает научное утверждение, зависит от того, что с ним хотят делать. Не будет противоречием сказать, что эпидемии, распространяющиеся благодаря антисанитарным условиям, лечатся с помощью антибиотиков и сульфонамидов, заметив в то же время, что исторически они перестали быть эпидемиями в Англии во многом благодаря "столовой воде" Чедвика или популяризации дешевого мыла Лордом Леверхельмом. Первое высказывание принадлежит частному врачу, второе является общепризнан-

ной санитарно-гигиенической нормой, причем с обоими высказываниями можно согласиться. Разве будет некорректным описание молока как “однородного” со стороны человека, который его пьет, и, наоборот, “неоднородного” — со стороны химика? Но было бы абсурдно, если бы отдельный врач критиковал общепринятые санитарно-гигиенические нормы на основании того, что чистая вода и мыло не смогли бы излечить случай брюшного тифа или дизентерии, или же заявлял, что ауреомицин был бесполезен; если бы пьющий молоко человек и химик разошлись из-за утверждения первого, что его молоко было однородным *в качестве молока*, тогда как второй точно так же буквально утверждал, что *в качестве эмульсии* оно не было химически однородным. Такого рода спор постоянно идет между психологом (в данном случае — социальным психологом) и психоаналитиком, хотя сделав хотя бы шаг за пределы собственной системы с целью применить свои исследования, каждый из них склонен говорить бессмыслицу. Фрейдисты усвоили в целом почти что враждебную установку по отношению к любой форме социальной терапии при неврозе, и мы знаем заранее, что если бы, например, [общества] анонимных алкоголиков претендовали на высокие результаты в предотвращении самоубийств у пьющих людей, нам было бы сказано, что это не “подлинное” излечение, ибо инфантильные оральные истоки заболевания преодолены не были и фиксация продолжает проявляться в других формах. Очевидно, что можно ответить так: симптом, требовавший лечения, устранен, а предполагать, что пациента можно сделать совершенным, значит требовать очень многого, потому что социальное лечение и аналитические критерии лечения — не одно и то же. Если лидеры должны быть отождествлены с отцом, а каждая палка с пенисом — очень хорошо; однако, если этот символизм имеет практическое значение, то трудно объяснить, почему мы рассматриваем разных лидеров и разные палки по-разному и почему в каждом отдельном случае обычно имеется явное согласие относительно их качеств. Фрейдовский анализ мифов и жизни группы великолепен, но нам остается только удивляться, зачем нужно постулировать расовое или групповое бессознательное или

доктрину врожденных идей, когда сам Фрейд был тем, кто сделал их ненужными; ибо если миф является коллективным сном, корнящимся в семейном опыте каждого индивида, связанном с неизбежными фактами эмоционального напряжения, то вообще нет нужды вводить в имеющуюся картину наследственность. Его объяснение группы применимо к семейной и другим группам до тех пор пока они имеют черты, объединяющие их с патриархальной семьей, но на самом деле отнюдь не все группы и семьи таковы, а четкая поляризация на лидеров и последователей очень далека от типичного. Однако, основная причина, по которой социальная психология пошла не теми путями, первооткрывателями которых были Фрейд и МакДугалл, это та, которая уже указывалась: социальные психологи занимались с группами как таковыми, а Фрейд занимался индивидом внутри группы. За некоторыми исключениями, социальная психология и психоанализ не противоречат друг другу — просто они больше не говорят на одном языке.

Глава 7

ТЕОРИИ КАРЕН ХОРНИ

В психоанализе как отклик на биологические предположения Фрейда, возникли два основных движения, стимулировавшие “справа” более глубокое проникновение в инфантильный опыт (кляйнианская школа), а “слева” — большее внимание к индивидуальным, социальным и культурным предпосылкам (Хорни, Фромм и Салливан). Правый подход был смутно выражен в работах самого Фрейда, поскольку он был в большой мере заполнением пробелов, которые сам Фрейд частично предвидел, и неудивительно, что Джонс, бывший для Фрейда тем, кем был Гексли для Дарвина, живший на двадцать лет дольше своего учителя, относился к работе кляйнианцев благосклонно. Но “левые” социально ориентированные движения вызвали значительно большую враждебность среди ортодоксов, так как в их желании подчеркнуть возможность изменения человеческой природы, что всегда выражено в социально-ориентированной теории, было признано стремление в конечном счете атаковать сами основы ортодоксии. Неизбежность анатомии в определении психологических различий между полами, неизбежность развития стадий либидо и эдипов комплекс были отвергнуты, и была подчеркнута важность межличностных отношений и культурной основы, а в психотерапии всегда делается попытка заменить короткие и активные методы более длительными и пассивными. Трудно сказать, когда обнаружилась эта “левая” тенденция, так как те, кто позже стал ее приверженцами, в начальной стадии, казалось, не представляли, источники происхождения своих идей, и очевидно, что Адлер, имевший самые большие претензии на порождение этой тенденции, был совсем таким же индивидуалистичным и биологистичным, как и Фрейд в своих ранних работах. Однако три личных характеристики самого Адлера могли сыграть позднее свою роль в развитии его школы: его чувство собственной неполно-

ценности, непонимание научного метода и его социализм. Первая вела к настойчивости в отстаивании своего права предстать коллегой Фрейда, а не его последователем, и к бесконечным лекциям перед непрофессионалами, а не перед специалистами; вторая — к его заниженному научному детерминизму, который обнаруживался в нередком пренебрежении к деталям и логическим аргументам в большинстве его поздних работ; а третья — к абсолютно искреннему сочувствию побежденному и к усилению необходимости расширить преимущества психоанализа за пределы маленькой группы состоятельных буржуа. Но в конце он собрал пеструю толпу учеников, примыкающих к нему на всем его пути, от ранее сбитых с толку школьных учителей и воспитателей, которые, найдя истину, стали расхваливать и страстно проповедывать, хватая за пуговицу каждого, кто мог слушать, до социалистов, сильно политически убежденных, но плохо образованных, которые ощущали, что это есть окончательный ответ на осторожную попытку Фрейда затемнить психологические разногласия и запутать рабочих. Неизбежно появились и врачи общей практики, радостно обнаружившие, что пациентов можно понять так легко, а некоторые психиатры с удовольствием нашли, что пол действительно необходим, пока сохранялся динамический подход, который они ценили у Фрейда. Блестящие адлеровские интуитивные прозрения истощались среди посредственности, так как он слишком широко распространял свои религиозные убеждения и грубо упрощал разногласия и теории, что не давало возможности дальнейшего развития и не привлекало ученых или даже неученых средней степени софистики. Адлерианцы стремились стать “крепкими парнями” с сильным разбрызгиванием здоровых прихотей, а также членами организации пожилых женщин, связанных с социальными проблемами; но ни здесь, ни в Америке, где одно время адлерианство было широко распространено, адлерианское движение не привлекло глубоких мыслителей или так называемых “великих” людей. Может показаться разумным включить Юнга и Ранка в психоаналитические “левые” группы, но эти два выдающихся человека принадлежат к своей собственной категории ввиду того, что хотя

Юнг и имел отношение к мифам, которые обычно рассматриваются как особые продукты, но его мистические теории многими были отвергнуты; а Ранк, чье мнение о взаимоотношениях между индивидом и обществом все еще привлекает американских социальных работников, в равной степени неясен в отношении деталей. Основы межличностной теории в психоанализе появляются у Ференци, но в своей современной форме межличностная теория происходит от Хорни, Фромма и Райха, которые объединились в Германии, прежде чем приняли американское гражданство, и, конечно, от целого ряда американских социальных психологов.

Хорни, Фромм и Райх практиковали как психоаналитики в Берлине, где Хорни более пятнадцати лет обучалась ортодоксальному фрейдизму в Берлинском психоаналитическом институте. В Соединенных Штатах она стала заместителем директора Чикагского института и преподавателем в Новой школе социальных исследований, но именно как штатный член Нью-Йоркского психоаналитического института она стала подчеркивать роль социальных факторов в неврозах и подвергать сомнению биологические предположения ортодоксальных фрейдистов. В конце концов ее взгляды зашли так далеко в социальном направлении, что она покинула основное течение и ко времени ее смерти в 1952 г. она была деканом Нового Американского института психоанализа. Как можно было ожидать, этот раскол сопровождался напряжением как во время него так и после; в частности, Хорни и ее коллеги продолжали практиковать психоанализ без учета идей теории инстинктов и полового развития, определенных Фрейдом и интерпретированных вопреки основам американской индустриальной цивилизации, что описано в одной из наиболее значительных ее работ *Невротическая личность нашего времени*. На создание внушительного авторитета в Соединенных Штатах ее книги, в самом деле, могли помочь даже больше, чем ее терапевтическая практика и прямое влияние как учителя. Ибо, подобно Адлеру в его поздних работах, но в отличие от предшествующих ей психоаналитиков в целом, она обращалась к широкой публике едва ли не поверх голов своих коллег. Образованные читатели во всем мире ждали такие

книги как *Новые пути в психоанализе*, *Наши внутренние конфликты*, *Самоанализ* и *Невроз и человеческое развитие*, но кажется справедливым сказать, что те, кто читали, очень редко пользовались влиянием, а те кто им все же пользовался, вряд ли были под впечатлением [от прочитанного], разве что и до того у них уже существовала неудовлетворенность ортодоксальной теории, которая таким путем искала себе оправдания. Да и многочисленные пациенты, которые появлялись на психоаналитических сеансах с экземпляром книг Хорни под мышкой, во время негативной фазы в переносе, вряд ли стимулировали в своих психоаналитиках сочувствующий интерес к “новым путям” Хорни в лечении неврозов “нашего времени”. Кстати за пределами Соединенных Штатов ее влияние среди психоаналитиков фактически не ощущалось, хотя оно не было таким уж незначительным среди психологов в их более спекулятивных интересах.

Самовлияния Хорни не надо далеко искать. Во-первых, ее давнишнее отвращение к фрейдовскому антифеминистскому уклону, что обнаружилось почти во всех ее ранних работах: *К возникновению комплекса кастрации у женщин*, *Бегство от Женщины*, *Страх женщины*, *Отречение от влагалища* (Международный психоаналитический журнал, 5, 1924; 7, 1926; 13, 1932; 14, 1933) являются типичными заглавиями ее работ, относящих сексуальные различия скорее к социальным, чем к биологическим факторам. Во-вторых, это мог быть хотя и непризнанный, марксизм, который в 1920-х годах она разделяла с Фроммом, Райхом и, конечно же, обширным большинством социалистов и прогрессивных мыслителей Центральной Европы на протяжении всего этого десятилетия, даже если он не пережил конца Народного Фронта. В-третьих, это был долг Адлеру, который заставил адлерианцев обвинить ее в плагиате (нет никакого абсурда в универсальности науки среди психоаналитических школ, чей критицизм имеет тенденцию регрессировать к более обыденному уровню с мучительными визгами: “Проваливай из моего песочника!” и “Я знаю, что делал твой отец до того, как пришел сюда”) и вызвать у Хорни такое же искреннее отражение их претензий. Кажет-

ся, истина такова: хотя ее способ рассмотрения проблем, бесспорно, является адлерианским, техника Хорни в значительной степени фрейдистская; как говорит Гарднер Мерфи: "... психоаналитические инструменты и фундаментальные психодинамические предположения сохраняются так долго, как кто-либо может удержать их, не получая какого-либо стресса, будь то неотъемлемые биологические влечения или инстинкты" (*Историческое введение в современную психологию*). Наконец, что больше всего подчеркивала сама Хорни, ощутимым было влияние Америки, где, как она описывала в *Новых путях в психоанализе*, она нашла, судя по ее прибытию, в начале 1930-х годов, что "... большая свобода от догматических верований... облегчение обязательств при выдвижении психоаналитических теорий и дало мне смелость продолжать в том же направлении, которое я считала правильным. Более того, знакомство с культурой, которая во многом отличается от европейской, научило меня, что многие невротические конфликты в конечном счете определяются культурными условиями".

Хорни критиковала теории Фрейда во множестве пунктов и, кажется, стоит привести здесь основные ее критические замечания, так как они дают очень четкую картину основных причин разногласия между ортодоксальной точкой зрения и точкой зрения неопрейдистов. Огромный вклад Фрейда в современную психологию, с ее точки зрения, был фундаментальной триадой таких концепций: что психические процессы можно точно определить, что действия и чувства могут быть подсознательно мотивированы и что мотивации по своей природе эмоциональны. Но становится ясно, что способ видения Хорни этих концепций отличается от фрейдовского; так как хотя она и признавала психический детерминизм, в то же время она считала, что концепция подсознательной мотивации часто чересчур формалистична. "Осознание установки включает не только знание о ее существовании, но также и знание о ее силе и влечении, и знание о ее последствиях и о функции, которую она выполняет. Если это знание отсутствует, значит установка является подсознательной, даже если временами проблески знания и достигают сознания". *Новые пути в пси-*

хоанализе. В этом свете концепция *скотомизации* Штекеля и адлеровские фиктивные цели являются бессознательными ментальными процессами, поскольку любой ментальный процесс может быть описан как "бессознательный", когда индивид ничего не знает о его полном значении, возможностях и результатах.

Фрейдовская концепция бессознательных мотиваций не является уникальной, так как он показал, что бессознательные ментальные процессы существуют (кстати, как мы уже видели, Фрейд никогда не претендовал на это открытие); что здесь важно, так это, во-первых, изгнание стремлений (*strivings*) из сознания или запрет на их доступ к сознанию не помешает им существовать и эффективно действовать, и во-вторых, открытие того, что бессознательные мотивации остаются бессознательными, поскольку мы заинтересованы не осознавать их (из-за подавления). Третьим грандиозным вкладом Фрейда в психологию было осознание того, что эти бессознательные мотивации эмоциональны по своей природе, а это привело к созданию современной концепции динамической личности в противоположность старой статической и механистической картине разума, созданной ассоциативистами (*associationist*) и гербартовской школой в начале девятнадцатого века. Если говорить более определенно, то динамическая теория личности считает постулатом то, что мотивации наших действий и установок лежат в эмоциональной сфере и для того, чтобы понять человеческую личность, необходимо принимать в рассмотрение эмоциональные побуждения, которые часто находятся в конфликте. В дополнение к этим трем основным постулатам, которые Фрейд привнес в науку психологию, существуют, говорит Хорни, три основных вклада, которые он привнес в практику психотерапии. Это касается переноса сопротивления и метода свободных ассоциаций. Она не принимала во внимание фрейдовскую теорию, что перенос по существу является повторением инфантильных установок для психоаналитика, который олицетворяет первоначальную отцовскую личность; а лежащее в основе предположение, что наблюдение за эмоциональными реакциями пациента для психоаналитической ситуации указывает более

прямой путь достижения понимания структуры его характера и, таким образом, его проблем, является, по ее мнению, исключительно важным. "Я верю, — писала она, — что не говоря о его ценности для терапии, почти все будущее психоанализа зависит от более точного и глубокого наблюдения и понимания реакций пациента. Это убеждение основано на предположении, что сущность всей человеческой психологии содержится в понимании процессов, происходящих в человеческих взаимоотношениях" (цитируемое произведение). Концепция сопротивления основана на предположении, что пациент имеет все причины не желать осознания определенных инстинктов и, таким образом, отсюда следует, что чем лучше мы способны распознать пути, которыми пациент защищает свои позиции (эго-защита), тем более эффективной станет психотерапия. Свободные ассоциации являются "специфическим фактором в психоанализе, который делает возможным точное наблюдение" и основываются на принципе, что преемственность мыслей и чувств существует даже ли она не очевидна. "Идея свободных ассоциаций, как она используется в терапии, относится к тем аналитическим концепциям, чья потенциальная ценность еще далеко не исчерпана" (цитируемое произведение).

Но, осознавая гений Фрейда, Карен Хорни считала, что некоторые его базовые предположения находились под влиянием представлений его времени, будучи ограничены философскими убеждениями, господствовавшими в девятнадцатом веке. Первым из этих базовых предположений является *биологическая ориентация*, которая обнаруживается в его теориях инстинкта, в его акценте на факторах наследственности и конституции и в его стремлении объяснять психологические различия между полами на основе анатомических различий. Фрейд постоянно отмечал, что инстинкты находятся на границе органических и психических процессов, и полагал, что оральные, анальные, фаллические и генитальные стадии и, по-видимому, эдипов комплекс определены с рождения и, таким образом, почти не поддаются влиянию окружающей среды или культурных факторов. Его концепция о различиях между полами основана на предположении, что желание женщины быть муж-

чиной осуществляется в ее желании обладать пенисом, тогда как максимальным ужасом мужчины является кастрация.

Незнание Фрейдом современных знаний антропологии и социологии представляет второе, на сей раз негативное влияние, берущее истоки в XIX веке. "Понятие культуры", которое подразумевает что человеческие общества могут очень радикально и поразительно отличаться друг от друга, имеет недавнее происхождение, а господствующей тенденцией в более ранний период было приписывать особенности какой-либо культуры человеческой природе в целом. Фрейд, по-видимому, предполагал что "человеческая природа такова же, как и весь мир вокруг", и в его теориях культурные феномены рассматриваются в их развитии от по существу биологических и инстинктивных начал.

Все же еще одной характерной чертой психологии Фрейда является его *тенденция к дуалистическому мышлению* — то есть он склонялся к рассмотрению психических факторов как пар противоположностей: Эго и Ид, инстинкты жизни и смерти, мужчины и женщины — это не просто пары, но жестко противоположные группы, которые находятся в оппозиции друг к другу. Его теоретические модели механистичны и задуманы на аналогии физических систем — например, он допускал по аналогии с физическими силами, что энергии, израсходованные в одной системе, автоматически тратятся для другой системы, так что отдавая любовь другим, уменьшаешь самолюбие. Такой вид дуализма, который делит сущности на жесткие противоположные категории, типичен для мысли девятнадцатого века, также как и фрейдовское *умышленное воздержание от моральных суждений*. Карен Хорни объясняет последние черты его психологии тем, что они основаны на примере физических наук и в действительности оправданы лишь при записи и интерпретации наблюдений. Вне этой сферы психолог не может и не должен претендовать на нейтральность.

Наконец, она описала фрейдовское мышление как *механистически-эволюционистское* в своей перспективе. Дарвиновская теория эволюции подразумевает, что вещи, существующие сегодня, не всегда будут существовать в том же виде, а будут развиваться из предыдущих стадий. Механис-

тически-эволюционистское мышление является особой формой этой точки зрения, которая подразумевает, что теперешние проявления не только обусловлены прошлым (вполне приемлемое предположение), но что они не содержат в себе *ничего*, кроме прошлого. Так, в случае воды, превращающейся в пар, подчеркивается тот факт, что пар просто является водой в другом виде, тогда как немеханистическое мышление укажет, что, хотя пар и образован из воды, при том своем превращении он принял совершенно новые качества, регулируемые различными законами и порождающие различные эффекты. (Это наблюдение в марксистской философии Фридриха Энгельса описано как "переход количества в качество"). В отношении психологии фрейдовские механистические воззрения проявились в его предположении, что установки взрослых людей являются *только* повторением тех же установок в детстве, что ничего больше не случится в нашем развитии после пяти лет и что более поздние реакции рассматриваются как повторение прошлых; другим примером может послужить его утверждение, что поскольку рождение есть первое проявление тревоги, позднейшие формы тревоги считаются повторением первоначальной тревоги рождения. Очевидно, говорит Хорни, можно сказать одно, что опыт рождения является первоначальной ситуацией, порождающей тревогу и другое, что позднейшая тревога является той же снова и снова.

Такие философские убеждения, кажется, привели Фрейда к совершенно излишнему пессимизму по поводу человеческой природы. Карен Хорни указывает что теория либидо Фрейда, по-видимому, утверждает, что "... не только стремление к власти, но любой вид самоутверждения интерпретируется (должен интерпретироваться) в качестве испытывавшего "торможение перед целью"* проявления садизма. Любой вид привязанности становится испытывавшим

* Торможение перед целью (*aim-inhibited* (англ.) — понятие, описывающее поведение влечения, которое под воздействием внешних или внутренних препятствий не способно достичь удовлетворения непосредственно, но лишь в обход, через другие виды деятельности или отношения, отдаленно приближающиеся к первоначальной цели и дающие ослабленные удовлетворение. — Прим. перев.)

“торможение перед целью” выражением либидозных желаний. Любой вид пассивной установки по отношению к другим выдвигает подозрение существования скрытого пассивного гомосексуализма”. Инфантильная любовь ребенка к матери полагается основанной на его потребности в существе, которое бы удовлетворяло желания его либидо и, что еще хуже, теория инстинкта Смерти утверждает, что мы разрушаем других, чтобы не разрушить себя. То, что это неприятное убеждение, вполне очевидно, но есть достаточные основания считать, что оно нелогично; ибо если в процессе естественного отбора устраняются черты, опасные для процесса выживания, то кажется странной столь сильная врожденная человеческая агрессия, разрешимая лишь универсальным психоанализом. И если человек по своей природе эгоцентричен и агрессивен, а его общительность всего лишь проявление испытывавшего “торможение перед целью” секса, как он вообще приходит к созданию социальных групп? Или взять к примеру основания культурной антропологии, если агрессивность является врожденной, как мы объясним отсутствие ее в таких социальных группах, как Арапеш в Новой Гвинее, описанных Маргарет Мид в ее книге *Секс и темперамент в трех примитивных обществах*. Тяжело понять, почему мы должны принять убеждение, что агрессивность на всех уровнях является первичной и врожденной, а дружелюбие является в некотором смысле второстепенным и просто выражением испытывавшей “торможение перед целью” сексуальностью. Хорни отказывается принять это убеждение Фрейда и объясняет это так: “То, что сверхдоброта может быть реактивным образованием против садистских наклонностей, не устраняет возможности искренней доброты, проистекающей из хороших в своей основе отношений с другими. То, что великодушие может быть реактивным образованием против жадности, не опровергает существование искренней щедрости”

По мнению Хорни, недостатком теории либидо Фрейда является то, что она является инстинктивной теорией, хотя и дающей нам возможность видеть разнообразные пути, которыми отдельный человек, стремясь проявить себя в личности все же делает ошибку, допуская, что либидо яв-

ляется основным источником всех стремлений. Интерпретация психоаналитика может быть охарактеризована как глубокая, когда она достигает подавленных стремлений, чувств и тревог, но предположение, что только те интерпретации являются глубокими, которые могут быть связаны с инфантильными инстинктами, является опасной иллюзией по трем основным причинам:

- 1) оно искажает наши взгляды на человеческие взаимоотношения, природу невротических конфликтов и на роль культурных факторов;
- 2) оно ведет к искушению понять весь механизм без одного колеса вместо того, чтобы попытаться понять, как взаимоотношение всех частей вызывает определенный эффект;
- 3) оно ведет к принятию на себя психоаналитиком окончательных ограничений в психотерапии (основанных на биологических фактах), когда их не существует.

Аргумент Фрейда, касающийся эдипова комплекса, основан на типичном психоаналитическом виде рассуждений "орел — я выиграл, решка — ты проиграл". Как уже давно отметил Мак-Дугалл, маленький мальчик, демонстрирующий сильную привязанность к своей матери, якобы демонстрирует все признаки эдипова комплекса; если, однако, таких признаков не замечено, предполагается, что комплекс был успешно подавлен. Подобный аргумент вряд ли убедит тех, кто не разделяет веры Фрейда в биологическую природу комплекса. Точка зрения Карен Хорни на этот комплекс очень близка ко взглядам Жана Сатти и Адлера. Она не считает, что комплекс является универсальным или что он вызывается врожденными факторами, а скорее возникает из двух возможных окружающих человека ситуаций: во-первых, сознательное или бессознательное сексуальное возбуждение ребенка фрустрированными отцом или матерью, и, во-вторых, страх ребенка по поводу компенсации враждебных тенденций во фрустрированной домашней обстановке. "Если ребенок, в дополнение к зависимости от родителей, грубо или утонченно ими запуган, и, следова-

тельно, чувствует, что любое выражение к ним враждебных импульсов подвергает его опасности, то существование таких враждебных импульсов затем обеспечивает возникновение тревоги. Ослабить эту тревогу можно держась одного из родителей, и ребенок будет делать так, если есть какой-то шанс получить таким образом уверенную привязанность". Получившаяся в результате картина может близко совпадать с фрейдовским комплексом, ибо в ней будет страстная привязанность к одному из родителей и ревность к другому или, в самом деле, к любому, кто вмешивается с претензией на исключительную собственность, что, будучи биологическим по происхождению, является ранним проявлением невротического конфликта.

Желание саморасширения, которое Фрейд приписывает себялюбию или нарциссизму, а Адлер — желанию превосходства и власти над другими, трактуется Хорни во многом в том же направлении, что и Сатти. Индивид чувствует, что "если другие не любят и не уважают его за то, каким он есть, они все равно в конце концов обратят на него внимание и станут им восхищаться. Достижение восхищения является заменой любви — логически вытекающий шаг". Таким образом, желание саморасширения, будучи выражением себялюбия, является скорее выражением неудачи в достижении любви. "Это правда, — говорит Эрих Фромм в его *Человеке для себя*, — что эгоистичные люди не способны любить других, но они также неспособны любить и себя". Подобным образом фрейдовская интерпретация того, что женщины часто желают быть мужчинами вследствие женской внутренней биологической подчиненности, критиковалась Хорни с адлеровских позиций. "Необходимо не принимать на веру женское стремление тем или иным путем основывать свою неполноценность исходя из того факта, что она женщина, скорее нужно обратить ее внимание на то, что каждый человек, принадлежащий меньшинству или к менее привилегированной группе, стремится использовать этот статус для разного рода внушений неполноценности и, что очень важно, стремиться обнаружить истоки этих ощущений". Эта точка зрения является полной противоположностью мнению таких фрейдистских авторов, как

Хелен Дойче, которая предположила, что женщины в своей основе мазохистки, желающие насилия и оскорбления в половых отношениях и унижения в психической жизни.

Взгляды Фрейда на человеческую природу уже обсуждались; они состоят в том, что "ненависть является причиной всех отношений привязанности и любви между человеческими существами; ненависть по отношению к объекту древнее любви" (Фрейд, "Triebe und Triebschicksale" *Internationale Zeitschrift fuer Psychoanalyse*, 1915). Но, как снова отмечает Хорни, спорным вопросом является не тот несомненный факт, что человек может быть враждебным, разрушительным и жестоким, а то, являются ли такие проявления агрессивности инстинктивными по своей природе. "Степень и частота деструктивности не доказывают ее инстинктивности"; ибо если импульс врожденный, почему случается так, что в процессе психоанализа избавление пациента от страха сопровождается возрастающей способностью к привязанности и искренней терпимостью к себе и к другим? если человек врожденный разрушитель, бесполезно стремиться к лучшему будущему для него, и с антропологической точки зрения принятие такой теории должно привести антропологов к "предположению, что всякий раз, когда они находят в какой-либо культуре людей дружелюбных и миролюбивых, это означает, что у последних враждебные реакции подавлены".

В своей собственной теории Карен Хорни начала с категорического утверждения, что не существует такой вещи, как универсальная нормальная психология; так как поведение, рассматриваемое как невротическое в одной культуре, может быть вполне нормальным в какой-либо другой, и наоборот. Что составляет нормальность или ненормальность можно решить только при рассмотрении той культуры, в пределах которой функционирует индивид. Однако, есть две черты, которые, как она считает, присутствуют у всех невротиков: ригидность реакции и расхождение между возможностями и их осуществлением. Под "ригидностью реакции" она подразумевает то, что в то время как нормальные индивиды ведут себя свободно и в соответствии с требованиями объективной ситуации, невротики привносят в

свои человеческие взаимоотношения тенденцию действовать определенным образом. Другими словами, нормальный человек соотносится с каждой ситуацией, исходя из ее специфики, тогда как невротик привносит в нее свои собственные навязчивые идеи. Таким образом, первый становится подозрительным только тогда, когда неискренность людей, противостоящих ему, вынуждает его к этому, а последний носит свои подозрения с собой (если подозрительность является одной из его невротических черт). Конечно, эта ригидность может считаться "невротической" только если она отклоняется от культурных моделей той социальной группы, которой принадлежит индивид (например, влечение современного индустриального исполнителя много работать и накапливать богатство было бы странным в Средние века, но сегодня несмотря на то, что порой это проявление невротической навязчивости, его следует рассматривать в контексте индустриального общества). Подобным образом расхождение между осуществлением и потенциалом может быть вызвано внешними факторами и индивид может быть фрустрирован грубой действительностью, которая заставила его потерпеть неудачу помимо его воли, а невротик сам становится причиной своей собственной неудачи. Первый фрустрирован внешними событиями, последний — противоречивыми тенденциями в нем самом. Невроз, как определила Хорни, есть "психическое нарушение, вызванное тревогами и защитой от этих тревог и попыткой найти компромиссное разрешение этих противоречивых тенденций", *Невротическая личность нашего времени*. Тогда как Фрейд видел основание всех неврозов в эдиповом комплексе, Карен Хорни объясняет неврозы "базовой тревогой".

У нормального человека может развиваться то, что Хорни описывает как "ситуационный невроз", когда его относительно нормальный разум поставлен перед внешней ситуацией, полной конфликтов. Таким образом, индивид, вынужденный столкнуться с ужасами и страхами войны, от имени группы, к которой он чувствует слабую привязанность, и к чьим взглядам он относится лишь с презрением или безразличием, вероятно развивает "невроз боя", кото-

рый в основном ситуационный по происхождению. Настоящим неврозом, однако, является "невроз характера", и в этом случае, хотя внешние факторы могут акцентировать или выявлять определенные личные недостатки, мы можем легко обнаружить, что возможно, они были латентными задолго до данной ситуации. Все настоящие неврозы основаны на нарушениях характера, существующих с детства, и, следовательно, простое устранение симптомов, которое можно осуществить с помощью любого гипноза или внушения, не будет иметь перманентного значения. Но психические конфликты невротиков не являются, как полагал Фрейд, фундаментальными конфликтами человеческой природы, возникающими из биологических оснований, а наоборот, основаны на движущих силах и конфликтах общества, в котором живет индивид. Неврозы современного индустриального человека, таким образом, основаны на конфликтах, присущих нашей собственной культуре, хотя эти конфликты и берут энергию из источника, который Хорни описала, как детская "базовая тревога".

Базовая тревога описана как ощущение себя "маленьким, незначительным, беспомощным, подвергнутым опасности в мире, который всеми силами стремится оскорбить, обмануть, напасть, унижить, предать, завидовать", *Невротическая личность нашего времени*. Такие ощущения возникают в детстве в случае с детьми, чьи родители не могут дать им искреннее тепло и привязанность (часто из-за своих собственных неврозов), и которые, таким образом, теряют или никогда не испытывают блаженной уверенности в том, что они желанны. Безоговорочная любовь является неотъемлемой частью нормального развития ребенка, и когда ему в этом отказано, окружающая среда становится ужасной, потому что "она ощущается как ненадежная, лживая, примитивная, пристрастная, несправедливая, завистливая и немилосердная. Согласно этой концепции ребенок не только боится быть оставленным и наказанным из-за запрещенных инстинктов, но он воспринимает окружение как угрозу его целостному развитию и его наиболее законным желаниям и стремлениям. Он ощущает угрозу уничтожения своей индивидуальности, опасность быть лишенным

своей свободы, опасность преграды его счастью. В противоположность страху кастрации, этот страх не является фантазией, а целиком основан на реальности. В окружении, где развивается базовая тревога, свободное использование ребенком энергий встречает препятствия, его чувство собственного достоинства и уверенность в своих силах подорваны, страх вселяется исподволь посредством запугивания и изоляции, его экспансивность извращается посредством грубости или чересчур ограждающей 'любви'", *Новые пути в психоанализе*.

Вот причины того, что этот потенциально невротический ребенок подавляет свою враждебность (его страх быть покинутым всеми, его беспомощность, его потребность быть любимым и его чувство вины вместе приводят к такому результату) и он взращивает в себе чувство, что мир — страшное и опасное место, что он не сможет защищать себя, что он "плохой" и что одиночество является его настоящей судьбой. Из-за своей природной слабости он хочет, чтобы его защищали и заботились о нем, хочет возложить всю ответственность на плечи других, однако, с другой стороны, его подозрения о намерениях других людей делают невозможным доверие к нему. Поскольку ему нужно как-то избавиться от своей тревоги, он склонен развивать направленную против нее определенную невротическую личность. Это было описано в ранних книгах Хорни как привязанность, покорность, отказ и власть.

1. *Невротическое стремление к привязанности*. Тогда как в нормальной любви основной потребностью является привязанность, невротическое стремление к привязанности основано на потребности в уверенности: "Если ты любишь меня, ты не причинишь мне вреда. Следовательно, здесь возникает чрезмерная потребность в привязанности или в одобрении, которая никогда не может быть удовлетворена. Опасаясь неприязни или неодобрения, невротическая личность, обладающая такими чертами, сделает все возможное, чтобы избежать их. Такой человек любит быть в одиночестве и в своих сексуальных взаимоотношениях (в любом из их проявлений) показывает себя навязчивым и неразборчивым. Секс для него является средством купить при-

вязанность и, таким образом, уверенность. Но из-за своеобразной ситуации в детстве, описанной выше, он в самом деле не может доверять людям и чувствует себя недостойным быть любимым. Эта ситуация вызывает конфликт заключающейся в том, что несмотря на постоянные поиски "любви", он никогда не может ответить на нее из-за страха эмоциональной зависимости. Близкие или длительные отношения невозможны, он влюбляется и разлюбляет, и может стать сексуально неразборчивым. Невротик требует безоговорочной любви и, из-за потребности в обретении уверенности, рассчитывает на любовь, не обращая внимания на недостаток любви в ответ на его провокации.

2. *Невротическое стремление к власти.* Эта черта, которую Адлер считал фундаментальной, рассматривалась Хорни как одна из нескольких невротических черт. Тогда как желание обладать властью само по себе не является неизбежно невротическим и может возникать из отождествления с каким-либо делом или из обладания неодинаковыми способностями, невротическое влечение к власти является результатом страха, тревоги и чувства неполноценности. Невротик, стремящийся обладать властью, хочет все время быть правым, всех контролировать и иметь свой собственный путь, следовательно, его три характеристики: а) он во всем хочет быть начальником и конкурировать даже с теми, чьи цели отличаются от его целей — он будет негодовать на овощевода за его знание овощей; б) его влечение к власти основано на враждебности к другим людям и поэтому он хочет унижать их, расстраивать и наносить им поражения; в) он боится возмездия от других, и поскольку он также хочет, чтобы они его любили, то оказывается перед неотвратимой дилеммой. Его девиз: "Если я сильнее тебя, ты не можешь мне навредить".

3. *Невротический уход.* Невротический уход основан на вере невротика в то, что если он один раз проявил независимость, то будет в безопасности. Таким образом он хочет быть эмоционально независимым от людей: "Если я избегаю людей, они не могут причинить мне вреда".

4. *Невротическая покорность.* Со своим постоянным чувством беспомощности невротик стремится придерживаться

традиционных взглядов и общепринятых мнений, или идей могущественных и имеющих значение. Он может подавить все собственные требования, позволить оскорблять себя, избегать критиковать других и стать “полезным” всем без разбора. Чувство, лежащее в основе этой личностной тенденции: “Если только я подчиняюсь воле других или помогаю им, мне не причинят вреда”.

Позже в *Невротической личности нашего времени* Хорни описала несколько дополнительных невротических тенденций, всего десять, но у нас нет здесь необходимости знакомиться с ними. “В то время, — говорила она, — я рассматривала (структуру невротического характера) как вид макрокосма, образованного множеством микрокосмов, взаимодействующих друг с другом. В центре каждого микрокосма есть невротическая тенденция”, *Наши внутренние конфликты*. Но как она позже убедилась, этот простой перечень так называемых невротических тенденций вызвал их появление в слишком изолированной форме и при дальнейшем рассмотрении стало очевидным, что все эти черты скрывали всего три основных установки: движение к людям, движение против людей и движение от людей. Теория неврозов, представленная Хорни, была следующей: первоначальная причина, или, по крайней мере, предрасполагающая причина обнаруживается в “базовой тревоге” детства и, имея дело с такими беспокойными условиями, ребенок ищет пути сохранения жизни, чтобы совладать с окружающим миром. Он развивает стратегии *ad hoc**, сохраняя черты характера, которые становятся частью его личности. Хотя вначале представляется довольно хаотичная картина, со временем выкристаллизовываются три основные линии стратегии: индивид может двигаться к людям, против них или от них.

В первой стратегии он может принять свою собственную беспомощность и, несмотря на свои страхи, пытаться завоевать привязанность других и положиться на них; во второй стратегии он принимает и считает само собой разумеющейся их враждебность и решает бороться; в третьей —

* Для данного случая (лат.) — Прим. ред.

он не хочет ни принадлежать их числу, ни бороться с ними, а держаться остронь. В каждой из этих трех установок один аспект базовой тревоги особо выделен — прежде всего беспомощность, во-вторых враждебность и в третьих, изоляция. Если бы было возможным постоянно придерживаться одной установки, индивид мог бы прожить жизнь достаточно безопасно. Но человек, страдающий базовой тревогой, не может искренне принимать какую-либо одну тенденцию, так как при обстоятельствах, в которых они развиваются, все три установки обязательно присутствуют. Хотя одна установка может преобладать и влиять на фактическое поведение сильнее других, остальные тенденции не прекращают действовать и они неизбежно сталкиваются друг с другом. К тому же, поскольку невротик нелегко приспосабливается, он демонстрирует эти черты не взирая на их необходимость в каждой конкретной ситуации. Карен Хорни принадлежит утверждение, что конфликт между этими тремя тенденциями составляет суть любого невроза, и поэтому он был описан как “базовый конфликт”. Но базовый конфликт является лишь началом невроза; ибо индивид, даже если он достигает какого-то равновесия на короткий период, вскоре разрывается новыми конфликтами, порожаемыми его установками. Новые конфликты требуют новых лекарств, и индивид вскоре теряется в путанице самопорождающихся проблем.

Хорни описывает свою теорию невроза в форме аллегории, которую, поскольку она дает более ясное понимание комплексной картины, будет очень кстати изложить здесь: “Предположим, что человек с сомнительным прошлым попадает в общество обманным путем. Он будет, конечно, жить в страхе, что его прошлое будет раскрыто. Со временем его ситуация улучшается: он заводит друзей, получает работу, создает семью. Лелея свое новое положение, он теперь охвачен страхом потерять эти преимущества. Его гордость своей респектабельностью отвращает его от непривлекательного прошлого. Он жертвует большие деньги на благотворительность и дает деньги даже своим старым коллегам, чтобы смыть свою прошлую жизнь. Тем не менее перемены, происходящие в его личности, продолжают впу-

тивать его в новые конфликты с тем результатом, что его начинания в настоящей жизни, основанные на ложных предпосылках, становятся в конце просто скрытой тенденцией в его беспокойствах”, *Наши внутренние конфликты*. Индивид начинает со своего “сомнительного” прошлого (его базовой тревоги); он продолжает тщательно скрывать свой страх под респектабельностью и сложной серией решений (базовый конфликт); но, делая это, он втягивается в новые конфликты и новые решения (защитные механизмы), пока первоначальный конфликт становится относительно незначительным по сравнению с обширной суперструктурой, надстроенной над ним.

Хорни описывает следующие защитные механизмы, используемые индивидом в качестве “дополнительной защиты” для решения проблем, созданных базовым конфликтом: во-первых, часть конфликта может быть “затемненной”, а противоположная тенденция — выпирающей (реактивное образование) или индивид может *изолировать* себя от людей (движение от людей, оказывается, может быть защитным механизмом так же как и аспектом базового конфликта). К тому же, он может создать собственный *идеализированный образ* (“Я не есть в действительности то несчастное создание, которым вы меня считаете — посмотрите на мои высокие идеи великодушия, независимости, честности и непорочности — вот личность, которой я являюсь”). Наконец, невротик может *экстериоризировать* (придать материальную форму) своим конфликтам, видя их не в себе, а скорее во внешнем мире. Чувствуя угнетенность своими собственными проблемами, он может продемонстрировать негодование по поводу малых наций; гнев, направленный на других, в действительности, может символизировать его недовольство собой; или он может ощущать источник отчаяния в других, но не в себе. То, что Хорни описывает как “идеализированный образ” и рассматривает как невротический защитный механизм, можно приравнять к фрейдовскому супер-эго и адлеровским фиктивными целям, а существование супер-эго, которое с этой точки зрения, далеко от естественности, является невротическим. Идеалы, говорит она, в сущности все очень хороши, но они должны быть

динамичными и должны порождать попытку приблизиться к ним. “Супер-эго” и “идеализированный образ” являются препятствием для роста, поскольку они либо отрицают недостатки, либо просто порицают их. “Истинные идеалы способствуют смирению, идеализированный образ — надменности”.

Следует упомянуть здесь о трех основных пунктах различия между Хорни и Фрейдом. Во-первых, она переворачивает фрейдовскую концепцию развития либидо так, что вместо объяснения определенных граней характера их происхождением из физических проявлений оральной или анальной стадий, она допускает, что эти физические проявления возникают из черт характера, которые в свою очередь являются ответом на общую сумму детского опыта. Сдерживание в отношении контроля кишечника является, таким образом, единственным выражением характера, не разрешающим ничего отдавать, и оральная жадность является единственным выражением общей тенденции к жадности. Во-вторых, Фрейд сделал попытку, по мнению Хорни довольно неуспешную, объяснить, почему невротические инстинкты являются такими навязчивыми и актуальными, какими нормальные инстинкты не являются. Он приписал это двум фактам — невротиком управляет принцип удовольствия и, таким образом, он не может переносить фрустрацию, и он также инфантилен в своем кругозоре. Хорни видела навязчивую природу невротических инстинктов в совершенно ином свете: поскольку, как проясняет ее теория, неприкрытый невротический инстинкт к “любви”, “власти” или “уходу” в действительности не является инстинктом к этим явлениям в целом, а в своей основе является поиском безопасности и свободы от тревоги. Он не хочет привязанности, а нуждается в уверенности, что ему не причинят вреда, он не хочет власти как ее хочет обычный человек, а для того, чтобы избежать тревоги порождаемого чувством неполноценности. Таким образом, обретение этой уверенности является в его глазах вопросом жизни и смерти; невротические инстинкты являются навязчивыми, потому что они мотивированы тревогой.

Последний пункт представляет особенный интерес, он не зависит от согласия или несогласия с общей теорией Хорни; ибо он вступает в спор с позицией Фрейда, что индивид проявляет сопротивление только относительно примитивных содержаний ид. Многие психоаналитики различных школ разделяют мнение, что фрейдисты весьма преувеличивают “ужасающую” и “отвратительную” природу бессознательных инстинктов; ибо как несколько лет назад отмечал юнгианец Байнес (U.G.Baynes): “Только утонченный ум потрясает его собственная инстинктивная природа и только утонченная установка может допускать, что вполне действительные возражения против фрейдистской догмы неизменно базируются на нежелании принимать “ужасную” правду”, *Аналитическая психология и английский ум*. Это важный вопрос, потому что фрейдисты постоянно настаивали на том, что основное противодействие принятию их теорий оказывала именно ужасающая природа инстинктов ид. Без сомнения, так было на ранних этапах развития психоанализа, когда людей намного легче было шокировать, чем сейчас; но многие психиатры встретили пациентов, которые, ничуть не демонстрируя сопротивления против этих “шокирующих” фактов, были рады принять их как оправдание своим собственным “дурным” мыслям и действиям. Напомним, что согласно Сатти, многие люди более стеснены в обнаружении своих нежных чувств, нежели их часто более значительных последствий. Александер, сам будучи фрейдистом, описал подобные наблюдения в очерке “Развитие эго-психологии”, содержащемся в *Психоанализе сегодня* Сандора Лоранда. Он писал: “Пациенты часто принимают без большого сопротивления, что предосудительные тенденции, которые психоаналитик показывает им, лежат в бессознательном и вне их актуального эго. Именно потому, что эти осужденные и вытесненные тенденции лежат вне актуальной личности, они могут быть восприняты и пациент может успокаивать себя говоря: ‘Эти странные вещи происходят в моем бессознательном, но не во мне, то есть в той части моей личности, которую я ощущаю как мое эго’”. Отсюда явствует, что в методе психоанализа Хорни, как и в связанном с ним методе Адлера примитивный или инфан-

тильный материал используется лишь поскольку он обнаруживает современные тенденции; это скорее анализ существующих недостатков в межличностных отношениях, обнаруженных в установках пациента по отношению к психоаналитику. В ее собственном опыте, как и в опыте многих других психотерапевтов обнаружилось, что то, что вызывает тревогу и сопротивление у пациента, не всегда является тенденцией осознания порочности и кровосмешения, а является тем (о чем уже упоминалось), что считается искренней привязанностью к психоаналитику и основывается на невротической и навязчивой потребности в привязанности для отражения тревоги. Мало сомнений в том, что фрейдисты преувеличивали сопротивление, ощущаемое людьми, при восприятии своей примитивной природы как таковой. Только тогда, когда примитивные инстинкты интегрируются в эго, когда пациент соглашается что "это действительно *мой* желания", начинается возникать конфликт, и даже многие люди находят в равной степени трудным принимать определенные тенденции, которые не содержат в себе ничего особенно шокирующего или непристойного.

Хотя Хорни не упоминает об антропологических теориях, которые обсуждались в главе 6, все же она проясняет, что рассматривает неврозы как социальное проявление в том смысле, что если симптом или механизм является принятым способом поведения в пределах определенной культуры, он может считаться "нормальным" для индивида в пределах этой культуры, но если он используется для решения внутрифизических конфликтов, тогда, даже если это "нормальная" форма поведения в других обществах, она является "невротической" для индивида. В *Невротической личности нашего времени* она считает неврозы виновными в противоречиях современной американской жизни: конфликты подготавливаются "американским способом жизни" и, конечно, другими "способами жизни". Существует противоречие между конкуренцией и успехом с одной стороны ("Никогда не давай сосунку поблажки") и братской любовью с другой ("Люби своего ближнего как себя самого), между возбуждением потребностей с помощью рекламы ("Не отставай от американцев") и неспособностью индивида удов-

летворить их; между утверждением, что человек свободен, и его все увеличивающимся ограничением окружающей средой. Все эти факторы психологически приводят чувства индивида к результату, что он изолированный и беспомощный.

К сожалению, как отмечает Патрик Мэллахи, Карен Хорни никогда достаточно не проясняла свои базовые концепции, и хотя она и приняла доктрину Фрейда о психическом детерминизме, сама она придавала очень неадекватное значение актуальным деталям психической структуры. Например, мы говорили о различных невротических чертах, но не дали понимания того, почему эти определенные комбинации черт возникают скорее, чем какие-либо другие. Мы были поражены количеством наблюдений, которые ее теория не объясняет — символизм снов, значение симптомов, причины, почему развивается один вид невроза, а не другой, мифология и так далее. В этом отношении Хорни напоминает Адлера, несмотря на недостаток адлеровской ясности и простоты. Ее теория является по существу эмпирической оценкой структуры неврозов с точки зрения анализа эго, и представляет больший интерес для психотерапевтов, чем для ученых. Как система рекомендаций для научного описания личности, она кажется почти бесполезной, но наблюдения и критицизм Хорни всегда блестящи и в будущем и в других руках могут принести свои плоды.

Глава 8

ТЕОРИИ ЭРИХА ФРОММА

Если теории Карен Хорни находились под сильным влиянием работ Фрейда и Адлера, то теории Эриха Фромма демонстрируют со стороны психологии влияния Фрейда и Ранка, а со стороны социологии влияние Маркса. Практикуя одновременно и как социальный психолог и как фрейдистский психоаналитик, Фромм особенно интересовался проблемой взаимоотношения между индивидом и его обществом — направлением, которое соответствует американской тенденции рассматривать индивидуальную психологию в большей или меньшей мере как ответвление социальной психологии, так же как и Хорни, он родился в Германии, и мы видим, что оба они изменили свои идеи перед приездом в Соединенные Штаты. Там они встретили Салливана, и найдя, что у них много общих интересов, все трое несколько лет работали в тесном сотрудничестве. В 1941 г. в Америке была издана книга Фромма *Бегство от свободы*, которая через год появилась в Великобритании под названием *Страх свободы*. *Страх свободы*, является изучением психологии авторитаризма, но от этой проблемы Фромм значительно отклонился и, таким образом, развил теорию личности, которая, хотя и основана на тех же постулатах, что и фрейдовская теория, во многом отличается от ортодоксальной психоаналитической теории. Как указывает Фромм, Фрейд разделял традиционные мнения, что, во-первых, существует основная дихотомия между человеком и обществом, и во-вторых, что человеческая природа в своей основе злая. Человек “по своей природе” антисоциальный, и в функцию общества входит приручить его. Некоторые проявления биологических инстинктов могут быть позволены, но обычно инстинкты должны быть сдержаны или облагорожены, и посредством установления препятствий для секс-импульса и его отклонению к символическим целям, запускает процесс, описанный Фрейдом как “сублимация”, известный

нам как цивилизация. Если мы соглашаемся с этим допущением, то отсюда следует, как мы уже отмечали, что в любом обществе должно существовать обратное взаимодействие между удовлетворением человеческих инстинктов и уровнем его культурного развития, такое что, чем больше вытеснение, тем выше развита культура и тем шире сфера действий невротозов, и чем меньше вытеснение, тем меньше невротозов, но также ниже и уровень цивилизации. Невротики это, фактически, те кто пал на обочине по пути к цивилизованному обществу. Фрейдовская картина общества является статичной, и под человеческой природой он подразумевал ту человеческую природу, которую он знал благодаря своему собственному социальному происхождению: "[В теории Фрейда] те чувства и тревоги, которые являются характерными для человека современного общества, считаются вечными силами, корнящимися в биологической конституции человека". Фромм критикует фрейдовскую биологическую ориентацию, приводя примеры, подобные тем, которые мы уже обсуждали в последней главе (Эдипов комплекс, комплекс кастрации и т.д.), но в отличие от Хорни, он продолжает анализировать теорию Фрейда более или менее в марксистских терминах: "[Человеческие] отношения, как их видит Фрейд, подобны экономическим отношениям к другим людям, характерны для индивида в капиталистическом обществе. Каждый человек работает для себя, индивидуалистически, на свой собственный страх и риск и, главным образом, не в кооперации с другими. Но он не Робинзон Крузо; он нуждается в других как в клиентах, как в служащих или как в работодателях. Он должен покупать и продавать, брать и отдавать. Рынок, товарный или трудовой, регулирует эти отношения, таким образом индивид сперва одинокий и самодостаточный, входит в экономические отношения с другими, что ведет к одной цели: продавать и покупать. Фрейдовская концепция человеческих отношений по существу является следующей: индивид предстает полностью оснащенным биологически данными инстинктами, требующими удовлетворения. Для того, чтобы удовлетворить их, индивид вступает в отношения с другими "объектами". Другие индивиды всегда являются средства-

ми достижения цели, удовлетворения стремлений, возникающих у индивида перед тем, как он вступает в соглашение с другими. Поле человеческих отношений, во фрейдовском смысле, подобно рынку — это обмен удовлетворения биологически данных потребностей, в котором отношение с другим индивидом всегда является средством к цели, но никогда самой целью".

Фромм не соглашается с этим подтекстом фрейдовской теории и основывает свою собственную теорию на двух допущениях: а) фундаментальная проблема психологии не имеет ничего общего с удовлетворением или фрустрацией каких-либо инстинктов *per se*, а скорее касается специфического вида отношений индивида к своему миру, и б) взаимоотношение человека и общества постоянно изменяется и не является, как предполагал Фрейд статичным. Точка зрения Фрейда, что мы, с одной стороны, имеем дело человеческим индивидом, с рождения оснащенным особыми биологическими влечениями, и с другой стороны, человеческое общество, способное как удовлетворять, так и фрустрировать его базовые инстинкты, является неправильным. Наоборот, хотя есть определенные органические инстинкты (голод, жажда, секс и т.д.) *общие* для всех людей, очевидны факты, что черты, способствующие *различиям* между индивидами (чувственность, пуританство, любовь, ненависть, стремление к власти или желание подчиняться), порождаются социальными процессами. Общество не только подавляет — оно также создает, и то, что мы знаем как человеческую природу, является культурным продуктом, который может быть ограничен, но никогда не может быть полностью объяснен в терминах его биологической природы.

Человек фактически создает "человеческую природу" и если мы желаем понять этот процесс создания, мы должны обратиться к истории. Почему случилось так, спрашивает Фромм, что определенные довольно различные изменения в человеческой личности имели место в определенные исторические эпохи? Почему, к примеру мировоззрение Ренессанса отличается от мировоззрения Средних веков? Некоторые пытались описать все социологические проблемы в терминах индивидуальной психологии (как в случае Фрей-

да, Кляйна и Рохейма и, с другой стороны, были те, кто пытался объяснить индивидуальное поведение в основном в социологических терминах (Дюркгейм, Маркс и многие современные социальные психологи). Оба эти подхода были отброшены Фроммом, который не только отказывался принять фрейдовский биологический и индивидуальный подход, но также не имел никакого отношения к тем теориям с социологическим уклоном, которые “снижали психологический фактор до уровня тени культурных паттернов”. Он хотел показать “...не только как чувства, желания, тревоги изменяются и развиваются как *результат* социального прогресса, но также как человеческие энергии таким образом принимают специфическую форму, становясь *продуктивными силами, формирующими социальный процесс*”. “Человек не только создается историей — история создается человеком”.

Фрейдовская концепция “инстинкта” требует, по мнению Фромма, дальнейшего прояснения, ибо это слово может быть использовано по крайней мере в двух различных значениях: 1) оно может относиться к особой схеме действия, определяемой психической структурой нервной системы (сложное поведение, демонстрируемое муравьями, пчелами и осами, рыбами и птицами относится к этой категории; 2) оно может быть использовано для обозначения того, что сейчас в общем описано как “биологические потребности” или “влечения”. Когда мы говорим, что привычка птиц строить гнезда, цикл миграции лосося или социальное поведение муравьев являются “инстинктивными”, мы используем это слово в первом смысле, подразумевая, что поведение, о котором идет речь, является унаследованным, более или менее автоматичным и имеет немного или ничего общего с разумом. В этом смысле слова человек не имеет “инстинктов”, если вместе с бихевиористами мы не включим рефлекс в эту категорию, и многие биологи соглашаются, что такое поведение исчезает у человека и у высших животных, поскольку разум и гибкое, заученное поведение замещается врожденным, негибким и незаученным поведением. Во втором варианте использования слова мы обсуждали *потребности*, такие как секс, голод, жажда и т.д., и факт, что

человек обладает инстинктами в этом смысле слова (то есть биологическими влечениями — в самом деле объясняет почему он хочет есть, пить или получать сексуальное удовлетворение), но это никак не объясняет *как, когда* или даже *если бы* он делал это. Человек разделяет свои биологические потребности с другими животными, но способ, которым эти потребности удовлетворяются, культурно или социально детерминирован. То, что человек обладает определенными потребностями, есть биологический факт; как он удовлетворяет их, относится к сфере культуры. Резюме: основной проблемой психологии является рассмотрение способа, которым индивид относит себя к обществу, миру и к себе самому, но его определенный образ действий не является врожденным, он приобретается в процессе обучения или окультурирования. Человеческое поведение не может быть понято целиком с точки зрения удовлетворения или фрустрации биологических инстинктов, поскольку социальный процесс порождает новые потребности, которые могут быть такими же значительными или даже более значительными чем первоначальные биологические потребности. Что люди отдают свой последний кусок хлеба, позволяют скорее уничтожить себя, чем отказаться от своих убеждений, патриотических, религиозных и других — эти формы поведения не могут быть объяснены биологически, а только в терминах общества и культуры.

Эволюция включает не просто переустройство того, что уже было, а и порождение совершенно новых качеств, и в человеке возникают определенные черты, которые увеличивают бездну между ним и другими животными. Человек, в отличие от других созданий, осознает себя отдельным существом, способен запасать знания прошлого в символической форме и визуализировать возможности будущего, и с помощью своего воображения он может выйти далеко за пределы своего разума. Вместо относительно неизменных схем действия, с помощью которых животные адаптируются к окружающей среде, человек не имеет готовых решений и нуждается в сознательной адаптации посредством использования своего разума. Он является аномалией, "капризом вселенной", "... частью природы, подвластной ее

физическим законам, но неспособной изменить их, хотя и превосходящей другие организмы. Он отделяется, в то же время являясь частью; он бесприютный, хотя и привязан к дому, который он разделяет со всеми созданиями. Брошенный в этот мир в случайное место и время, он был вытеснен из него, опять-таки случайно, осознавая себя, он понимает свое бессилие и ограниченность своего существования. Он отчетливо представляет себе свой конец: смерть. Он никогда не свободен от дихотомии своего существования: он не может освободить себя от своего разума, даже если он этого хочет; он не может освободить себя от своего тела, пока он жив — и его тело заставляет его хотеть жить”.

Эти фундаментальные факты существования — что мы рождены без выбора и должны в конце концов умереть, что мы здесь всего лишь на короткий период всего исторического процесса, что наши способности никогда не могут выйти за пределы, установленные уровнем культуры, достигнутым на сегодняшний день, описаны Фроммом как “экзистенциальные дихотомии”, в противоположность “историческим дихотомиям”, которые, давая время и желание решать их, возможно, могут быть преодолены (например, проблема войны, голода среди изобилия, болезни и т.д.). Согласно Фромму, те члены или классы общества, которые извлекают выгоду из исторических дихотомий, пытаются убедить других, что они являются неминуемой и неизбежной частью человеческой жизни — что они, фактически, являются экзистенциальными дихотомиями.

Есть одно из свойств человеческого разума, что он не может оставаться пассивным перед лицом противоречий, загадок, аномалий и несовместимостей. Он неизбежно желает решить их. Отсюда следует, что если людям мешают восставать против противоречий и аномалий социальной жизни (исторических дихотомий), существование противоречий должно отрицаться. В социальной жизни идеология, которая для общества является тем же, чем является “рационализация” для индивида, должна служить этой цели. Таким образом, в Средние века теория статического общества, predetermined Богом, с установленными классами, служила рационализацией для объяснения, почему положе-

ние дел “богатый в своем дворце, бедный в воротах” считалось естественным. В раннем капиталистическом обществе рационализацией служило то, что в свободном рынке лучший неизбежно достигает вершины, и следовательно, бедный был ленивой особью, потому не брался за тяжелую работу, чтобы улучшить условия своего существования. Как указывал Моска и другие политические мыслители, идеологии различных обществ не принимаются как научные гипотезы или законы, а “отвечают действительной потребности социальной природы человека... знать, что им управляют не на основе простой интеллектуальной или материальной силы, а на основе моральных принципов”. Бессознательной функцией идеологии является удовлетворение этой потребности.

Поскольку существование подобных дихотомий порождает такие комплексные потребности, как потребность восстановить чувство равновесия между человеком и природой, и потребность понять глубинные причины и смысл Вселенной, то становится необходимой ориентация или система отношений. Такая система отношений, описанная как “система ориентации и привязанности” (*frame of orientation and devotion*) может принять форму своего рода сверхъестественной религии или, как в случае с коммунистической идеологией, гражданской религии. Все религии, метафизические системы и всеобъемлющие идеологии служат той же фундаментальной потребности: связать человека со вселенной, с самим собой и со своими собратьями. Это наблюдение привело Фромма к изменению мнения Фрейда, что религия является формой универсального невроза — наоборот, говорит он, невроз является формой личной религии. Тогда как религия является широко принятой системой ориентации и привязанности, невроз является личным паттерном, не имеющим социальной аналогии, придуманным самим индивидом для того чтобы объяснить его отношение к “жизни”. По мнению Фромма, также как и Юнга, потребность в структуре такого рода является наиболее фундаментальным и всеобъемлющим желанием человека. Ему нужно, как указывал Уильям Джеймс, “чувствовать во вселенной как у себя дома”.

Индивид рождается в мире, где место для него уже установлено. Нуждаясь в еде и питье, он вынужден работать, а условия и методы работы уже определены для него типом общества, в котором он родился. Таким образом, его потребность жить и та социальная система, в которой он вынужден жить, для него, как для индивида, в принципе, безальтернативны. Хотя существуют факторы, определяющие его социальные черты и тип личности который он может развить: "... образ жизни, определенный для индивида особенностями экономической системы становится важнейшим фактором в определении всей структуры его характера, ибо настоятельная потребность самосохранения вынуждает его принять условия, в которых он живет. Это не означает, что он не может пытаться, вместе с остальными, произвести определенные экономические и политические изменения; но первоначально его личность формируется определенным стилем жизни, перед которым он был поставлен еще ребенком через посредство семьи, которая представляет все черты, типичные для определенного общества или класса". (Фромм аккуратно относился к различию между "экономическими условиями", которые, как указывала предыдущая цитата, он полагает, влияют на развитие личности, и "субъективными экономическими побуждениями", такими как желание материального богатства. Таким образом, все общества; какими примитивными бы они не были, имеют какую-то экономическую структуру и, следовательно, "экономические условия", но отнюдь не все общества характеризуются наличием "субъективных экономических побуждений" — имеются например, общества, которые ненавидят материальное богатство или безразличны к нему).

Убеждение, что существенные изменения происходят в человеческой личности в определенные исторические эпохи, тщательно разработано в деталях в *Страхе свободы*. Вкратце Фромм видит исторический процесс как проявление прогрессивного роста индивидуальности у человеческих существ. История человека начинается с его выхода из состояния единства с остальной природой, состояния примитивного анимизма, описанного некоторыми антропологами, во время которого он лишь смутно осознает свое су-

ществование в качестве отдельного существа. В этом состоянии примитивного анимизма он существует в условиях “космического единства” не только со своими собратьями-людьми, но также и с физическим миром вокруг него — землей, солнцем и звездами, деревьями и животными. Тот факт, что он ощущает полную тождественность, защищает его от одиночества, но с другой стороны, у него есть недостаток, — он привязан к природе и к своей социальной группе, что и задерживает его развитие как свободную, независимую, продуктивную личность. При таких обстоятельствах человек может испытывать многочисленные страдания, но, говорит Фромм, “он не страдает от худшего — полного одиночества и сомнения”. Если социальное развитие было гармоничным, обе стороны процесса, всевозрастающая сила и контроль над природой и рост индивидуации будут идти бок о бок друг с другом. Но этого не случается, и любое развитие индивидуации ведет к новым конфликтам и опасности. В Средние века человек в значительной степени утратил чувство общности с природой, но он все же приобрел свою социальную солидарность. В этот период, как отмечал Якоб Буркхардт: “Человек создавал себя только как член расы, народа, партии, семьи или корпорации — только через какую-то общую категорию” (*Цивилизация Ренессанса в Италии*). Социальный порядок был статичным и каждый индивид был привязан к роли и статусу, в которых он родился; ибо пока расцветал торговый класс, было почти невозможно передвинуться с одного социального уровня на другой. Географическая мобильность, обязанная примитивным транспортным методам, была ограничена, и большинство людей жили всю свою жизнь в городках или деревнях, в которых они родились. Одежда в значительной степени определялась социальным статусом и родом занятий, личная, экономическая и социальная жизнь контролировалась правилами и обязательствами, устанавливаемыми католической церковью. В сфере экономики, например, правило “справедливой цены” превалировало (это означало, на практике, что цена предмета определялась его красотой, а не колебаниями свободного рынка), а ростовщичество было запрещено. Сфера экономики, как и другие

сферы, находилась под контролем религии. Несмотря на грязь, болезнь и нищету в физическом окружении, страдание и боль терпелись с помощью системы ориентации и привязанности, поддержанной церковными доктринами, которые, пока они, несомненно, воспитывали чувство вины, также убеждали индивида в ее (церкви) безусловной любви ко всем своим детям и предлагали путь приобретения уверенности в прощении и любви Бога, вселенная в это время также казалась ограниченной и легкой для понимания: земля и человек были ее центром, рай или ад были в будущем и "все действия от рождения до смерти были очевидны в своей причинной взаимосвязи".

В этих обстоятельствах человеческая индивидуальность, как можно было бы предположить, могла бы жить в рабстве, но это было не так. "Средневековое общество не лишало индивида его свободы, поскольку "индивид" не существовал, все еще будучи связанным с обществом первичными узами, а полное осознание себя и других как отдельных существ еще не развилось. Во времена позднего Средневековья однако, структура общества и вместе с ней личность индивида начали изменяться. Возвышение нового торгового класса, основанного на частном капитале, конкуренции и индивидуальной предприимчивости, подорвало статическое единство феодализма, а растущий индивидуализм начал проявляться и в других сферах. Этот процесс достиг своего пика ко времени Ренессанса, когда "растущий индивидуализм был замечен во всех социальных классах и затрагивал все сферы человеческой деятельности, вкус, моду, искусство, философию и теологию". Тогда как строители готических соборов по большей части согласны были остаться анонимными, архитекторы новой эры желали быть известными обществу; одежда перестала быть условным знаком принадлежности к какому-либо классу или профессии, а стала эгоцентричной, богато украшенной и искусно сделанной; искусство стало находить новое удовольствие в изображении оголенного человеческого тела и языческие философы Греции и Рима опять стали изучаться, лишь только их книги стали доступными. Старое статическое общество с закрепленными классами стало обществом

с подвижным статусом, в котором человек мог передвигаться более или менее легко вверх — и, конечно же, вниз — по социальной лестнице. Рождение и происхождение стали менее важными, чем богатство. По географическим и другим причинам такое развитие вначале произошло в Италии, цитируя Буркхардта: “В Италии эта завеса (веры, иллюзии и ребяческих предубеждений) вначале растворилась в воздухе; стало возможным *объективное состояние дел* всех вещей в этом мире. В это же время *субъективная* сторона отстаивала свои права на соответственное значение; человек стал духовным *индивидом* и осознал себя таким”

Но новому индивидуализму соответствовал новый деспотизм, и при достижении свободы и самосознания эмоциональная безопасность была утеряна. С этого времени и далее социальная жизнь стала во все возрастающей степени борьбой не на жизнь, а на смерть за верховенство и к тем, кто пал в борьбе, относились скорее с презрением, чем с состраданием. Экономическая жизнь, свободная от морального контроля церкви, развивалась, не контролируемая более этическими соображениями, а только границами, дозволенными законами этой земли. Индивид мог больше не зависеть от охраны его традиционного статуса и стал остро сознавать, что все зависит от его собственных усилий. Свободный от зависимости традиций, определенных статусов и ролей, он также был свободен от уз, которые давали ему безопасность и чувство принадлежности. С Реформацией подобные установки появились в сфере религии; а протестантизм и капитализм оказались тесно связанными. Если капитализм подразумевал индивидуальную инициативу в экономической сфере, протестантизм был индивидуальной инициативой в религиозной сфере. Теперь человек стоял нагим перед Богом, один, без церкви, готовый вступить за него; он был бесильным инструментом в руках Бога, если он вообще и мог быть спасен, то никак не в результате какого-то условленного процесса, а (по теории Кальвина) с помощью простого каприза божества. Индивида убеждали принять свое бессилие и свою по существу злую природу, чтобы рассматривать свою жизнь как искупление своих грехов

и полностью подчиняться воле Бога; и если в Средние века объектами божественной любви считались особенно бедные, сейчас царило убеждение, что богатство есть знак божественного одобрения, а бедность — немилости. Фромм прослеживает дальнейшее развитие капитализма до наших дней, и описывает современный тоталитаризм как реакцию против одиночества человека, отрезанного от своих первоначальных семейных, профессиональных и религиозных уз. В тоталитарной структуре искусственно созданные второстепенные связи замещают основные в самосознающей попытке затопить индивидуальность, которая так ужасает человека. Современное индустриальное общество испытывает недостаток любой универсальной системы ориентации и привязанности, следовательно, индивид неспособен навязать вселенной какой-либо рациональный порядок, чтобы объяснить свою позицию в отношении к себе, своим братьям и миру в целом.

Поставленный перед лицом этих патологических условий в своем социальном мире, индивид пытается избежать своих невыносимых ощущений беспомощности и одиночества. Фромм описывает определенные “психические механизмы” аналогично “невротическим чертам характера” Карен Хорни, с помощью которых человек пытается отнестись к обществу и решить эту проблему. Ими являются моральный мазохизм, садизм, деструктивность и автоматический конформизм.

1. Моральный мазохизм соответствует категории *невротической потребности в привязанности* Карен Хорни, такие индивиды могут жаловаться на чувство неполноценности и неадекватности, но эти черты являются выражением *потребности* быть зависимыми и полагаться на других с помощью слабости и беспомощности, мазохистские чувства такого типа всегда маскируются индивидом под “любовь”, “преданности” или “верность”, но они основаны на невротической навязчивости и не имеют никакого отношения к искренней привязанности.

2. Садизм, который может казаться противоположностью мазохизму, почти всегда его сопровождает; он является “обратной стороной медали”, его можно сравнить с *невро-*

тическим стремлением к власти Хорни. Садизм как невротическая черта проявляет себя многочисленными способами: в желании поставить других в зависимость от себя, эксплуатировать их или заставить их страдать физически или морально.

3. Деструктивность не является полностью отдельной от садомазохизма категорией, но деструктивная личность описана как такая, которая во избежание своих невыносимых ощущений бессилия и изоляции, пытается уничтожить любую возможную угрозу или основание для сравнения. Его установкой является: "Я могу избежать ощущения своего собственного бессилия по сравнению с окружающим меня миром лишь уничтожив его" (*Страх свободы*).

4 Автоматический конформизм, соответствующий *невротической покорности* Хорни, есть механизм, с помощью которого индивид пытается уничтожить посредством конформизма различие, существующее между ним и другими и, таким образом, избежать чувства беспомощности. Экстатическая покорность некоторых индивидов тоталитарным режимам часто мотивирована потребностью конформизма: "Я точно такой как ты, и буду таким, каким ты хочешь меня видеть". Таким образом псевдо-я заменяет реальное я.

Исторически человек развивался от состояния "космического единства" через промежуточное состояние, в котором он был отделен от природы, но оставался интегрированным в общество, к теперешнему состоянию, когда он стал изолирован и от общества, и от природы. Как представлялось Ранку, сейчас он имеет полный и добровольный выбор приспосабливаться к стандартам общества (обычное решение), тайно протестовать, при внешнем подчинении (невротическое решение), или реализовать себя как личность (творческое решение). Его потеря "единства" с обществом вызвана в значительной степени экономическими причинами и преимущественно развитием капитализма, который противопоставляет людей как конкурирующих единиц и превращает статическое средневековое общество в динамическое. Следует отметить, что интерпретация истории Фроммом не является его собственным созданием, поскольку она прослеживается в работах Буркхардта, в *Ре-*

лигии и подъеме капитализма Тонея (Tawney), у социологов Макса Вебера и Брентано и совсем недавно в *Социологии Ренессанса* Альфреда фон Мартина и *Положении человека* Льюиса Мамфорда. Льюис Мамфорд, очевидно не читавший Фромма, выдвинул следующее утверждение, касающееся Реформации: "Экономность, предусмотрительность, бережливость, порядок, пунктуальность, настойчивость, жертвенность: из этих суровых протестантских добродетелей был создан новый тип экономики, и в ней продолжал функционировать новый тип личности" (*Положение человека*). Взгляды Фромма на человеческую историю наилучшим образом изложены Гарднером Мерфи в его книге: *Личность: биосоциальный подход*: "Фромм и Хорни доказывали, что с потерей безопасности в средневековом обществе основной проблемой стала борьба за статус, борьба за то, чтобы быть кем-то... [Они] оба внушали, что мы платим ужасную цену за свободу приходить и уходить, подниматься и падать. Не то, чтобы мы хотим отказаться от этого. Но мы живем в жесточайшей конкуренции; и в периоды тяжелых стрессов многих из нас стремятся "убежать от свободы", обращаясь к помощи паттерна авторитета".

В процессе жизни человек соотносит себя с миром двумя способами: 1) овладением и усвоением вещей, 2) связыванием себя с другими людьми и с самим собой. "Человек может овладевать вещами, получая или беря их из внешних источников или создавая их своими собственными силами. Но чтобы удовлетворить свои потребности, он должен овладевать ими или усваивать их определенным образом... Человек может соотносить себя с другими различными способами: он может любить или ненавидеть, он может конкурировать или сотрудничать; он может строить социальную систему, основанную на равенстве или власти, свободе или угнетении, но он должен быть определенным образом связанным и эта форма связи является выражением его характера. "Мы уже видели что существует пять способов соотнесения себя с другими, мазохизм, садизм, деструктивность и автоматический конформизм и, как мы не так давно вспоминали, нормальный подход, которым является любовь. В соответствии с этими методами социализации существуют

пять методов ассимиляции, пять основных типов характера: восприимчивый, эксплуататорский, накопительский, рыночный и продуктивный. Различные типы характера являются идеальными конструкциями, которые не существуют в чистом виде, ибо каждый является смесью нескольких типов, хотя один из них может преобладать.

Фромм определял характер как "относительно непрерывную форму, в которую канализируется человеческая энергия в процессе ассимиляции и социализации". На него влияет унаследованный фактор темперамента (классифицируемого Фроммом в терминологии Гиппократов, как холерик, сангвиник, флегматик и меланхолик), который конечно же, не определяет, какой метод ассимиляции или социализации использует индивид, но определяет как он реагирует — является ли он быстрым или медленным, интровертом или экстравертом, легко возбуждающимся или флегматичным, характер формируется семьей, которая описывается как "психический агент общества". Семья является фабрикой, производящей характеры, но она производит их в соответствии с определенными спецификациями, поставляемыми обществом, в котором она функционирует. Пока что в формировании характера допускается определенная степень свободы, и в целом дело обстоит так, что если общество функционирует нормально, его члены должны приобрести тот тип характера, который заставит их хотеть действовать соответственно как члены общества или особого класса в нем. "Им необходимо *хотеть* делать именно то, что им объективно следует делать. *Внешняя сила* замещается *внутренним принуждением* и определенным видом человеческой энергии, которая проявляется в чертах характера" (Фромм, "Индивидуальные и социальные истоки неврозов", *Американский социологический обзор*, 50, 1944). Другой психоаналитик, Эрик Эриксон, отмечал, что в примитивных обществах "... системы воспитания детей... являли собой бессознательную попытку создать из сырого человеческого материала такую конфигурацию установок, которая бы была оптимальной в их естественных племенных условиях и экономико-исторических потребностях" (цит. по Дэвид Райзман *Одинокая*

толпа). Таким образом, каждое общество развивает у своих членов "социальный характер", общий для всех и проистекающий из их превалирующих социальных и культурных схем, и на этом основываются различия индивидуальных характеров, дозволенных в данном обществе.

1. *Восприимчивый характер.* Восприимчивый характер верит, что все что он захочет, будь то вещи, знания, удовольствия или любовь должны прийти из внешнего источника, лишь пассивно воспринимаемого. Он зависим и хочет, чтобы кто-то заботился о нем, испытывает большую любовь к еде и питью и относится к другим с точки зрения "морального мазохизма", таким образом соответствуя индивиду с *невротической потребностью к привязанности* Хорни. Также очевидна взаимосвязь между этим типом и фрейдовским "орально-восприимчивым" характером.

2. *Эксплуататорский характер.* Эксплуататорский характер пытается удовлетворить свои желания с помощью хитрости, он агрессивен, эксплуатирует других и предпочитает то, что он может взять или украсть тому, что он может сделать своими силами. Его метод отношения к другим сравним с садизмом, и он соответствует индивиду Хорни с *невротической потребностью к власти* или фрейдовскому "оральному агрессивному" характеру.

3. *Накопительский характер.* Безопасность этого типа характера основана на экономии и запасливости или хранении того, что он имеет; он никогда не использует то, что сам не производит, аккуратен, пунктуален и педантичен и стремится изолировать себя от окружающего мира. Этот тип характера имеет сходство с типом *невротического отказа* Хорни и фрейдовским "анально-эротическим" характером.

4. *Рыночный характер.* Он основан на подходе к социализации, основанном на автоматическом конформизме, который представляет тенденцию к существованию с помощью "приспосабливания себя" или "продажи себя другим". Люди этого типа чувствуют, что их личность является товаром для покупки и продажи подобно кипе сена (Мэллахи). Возможно, этот тип сравним с *невротической покорностью* Хорни или фрейдовским "фаллическим" характером.

5. *Продуктивный характер.* Это нормальная личность, способная на искреннюю любовь-привязанность к другим, и которая демонстрирует "человеческую способность использовать свои силы и реализовать присущие ему потенции". Он соответствует фрейдовскому "генитальному" характеру.

В отношении любви Фромм выражает точку зрения, уже упомянутую, что себялюбие и любовь к другим, будучи полярными противоположностями, как предполагал Фрейд, неизбежно взаимодействуют. Для Фрейда любовь к другим означает в той же степени потерю любви к себе, но для Фромма они не являются взаимоисключающими или несовместимыми — наоборот, они в своей основе связаны. "Любовь, в принципе, является неразделимой, что касается связи между "объектами" и нашим собственным Я. Искренняя любовь есть выражение плодотворности и включает в себе заботу, уважение, ответственность и знание, это не "аффект" в смысле быть аффектированным кем-то, а активное стремление к росту и счастью любимого человека, коренящееся в нашей собственной способности к любви." В общем, в современной культуре тревожно не то, что люди слишком беспокоятся о своих собственных интересах, а "...что они не заботятся достаточно об интересах своего истинного Я, не потому, что они слишком эгоистичны, а потому, что они не любят себя".

Эдипов комплекс интерпретировался Фроммом аналогично Ранку, что было описано в гл.5. Миф о царе Эдипе представляет собой не кровосмесительную связь между матерью и сыном, а восстание сына против авторитета отца в патриархальной семье. То, что Эдип позже женился на Иокасте является второстепенным развитием, символизирующим победу сына, когда он принял положение и привилегии отца. Вся Эдипова трилогия (*Эдип царь*, *Эдип в Колоне* и *Антигона*) в целом относится к борьбе между матриархальной и патриархальной формами общества. Эта теория, основанная на баховеновской концепции "матриархата" визуализирует период, когда матриархат был естественной формой управления, прежде чем мужчины стали препятствовать и расстраивать планы женщин, для того,

чтобы самим стать правителями социальной иерархии. У индивида эдипов комплекс является симптомом патриархального общества, он не универсален, и соперничество между отцом и сыном не возникает в обществах, где не существует патриархальной власти. В непатриархальных обществах инфантильная сексуальность не направлена к матери, а является обычно аутоэротичной или направленной к другим детям. Патологическая зависимость от матери возникает от ее компенсирующей доминирующей установки, которая делает ребенка еще более беспомощным и нуждающимся в ее защите. Эдипов комплекс и неврозы взаимосвязаны, как четко показал Фрейд, но не в терминах причины и следствия; скорее оба возникают от фрустрации человеческих желаний быть свободным и независимым от патриархальных или авторитарных социальных устройств, которые фрустрируют его стремление к самореализации, независимости и счастью. Фрустрация, вызванная определенным типом социальной организации, создает в человеке инстинкт разрушения, который в свою очередь сдерживается другими силами, порождая еще большую фрустрацию и агрессивность.

Как только человек оставил своих животных предков позади, он начал обнаруживать проблемы и противоречия и включился в нескончаемый поиск новых решений, нескончаемый потому, что каждое новое решение порождало новые противоречия. Но подобное состояние дел Фромма не смущало, он верил, что поскольку мы способны признавать индивидуацию и осознавать природу наших проблем, мы можем быть счастливы в продуктивном труде и подлинно любовных отношениях "Неопределенность является необходимым условием, вынуждающим человека к дальнейшему развитию, и если он будет воспринимать истину без паники, он поймет, что в жизни нет иного смысла, помимо того, который он ей придает посредством раскрытия своих собственных сил" (*Человек для себя*). Не существует врожденных черт, то есть нет ни врожденного социального или врожденного антисоциального чувства, нет ни Эроса ни Танатоса, а единственным преимуществом человека является гибкость его не-

рвной системы. Более того, фрейдовская противоположность между индивидуальными и социальными влечениями нереальна именно потому, что нет фундаментального противоречия между любовью к себе, когда она является подлинной любовью, а не невротической защитой, и альтруизмом. Эти взгляды, безусловно, интересны, однако общая обоснованность неопрейдистской позиции будет обсуждаться ниже

Глава 9

ГАРРИ СТЭК САЛЛИВАН И ДРУГИЕ

Последняя теория личности, которую нам предстоит рассмотреть, это теория Гарри Стэка Салливана, бывшего коллеги Карен Хорни и Эриха Фромма, умершего в Париже в 1948 году. Подобно большинству других авторов, рассматриваемых в этой книге, Салливан представил самодостаточную теорию, которая при всех ее расхождениях с фрейдовской системой, несет на себе отчетливое влияние гипотез Фрейда. Здесь также будут упомянуты некоторые другие авторы, критиковавшие различные аспекты теории Фрейда, но не основавшие своих собственных школ. Среди них Теодор Рейк, бывший коллега Фрейда; Дж. Ф. Браун, психолог из клиники Меннингера и социолог Дэвид Райзман.

Гарри Стэк Салливан был психиатром американского происхождения впервые обрел известность благодаря своим успехам в работе с молодыми пациентами-шизофрениками. Сложность состоит в том, что, к сожалению, его система исключительно трудна для краткого изложения и описания; прежде всего потому, что им было относительно немного написано (помимо статей в психиатрических журналах, его взгляды представлены в единственной книге под названием *Концепции современной психиатрии*, опубликованной в 1947 году), а во-вторых, потому, что он был склонен даже при объяснении не слишком сложных проблем пользоваться неологизмами и техническим жаргоном. Теории Салливана изначально являются психотерапевтическими и следовательно, по определению Мэллахи, сохраняют нечто от духа клиники. Принимая мы эту точку зрения или нет, не может быть сомнения в том, что они представляют наиболее полное изложение психиатром взглядов современной школы социальной психологии, рассматривающей самость как состоящую из отраженных оценок окружающих лиц и ролей, которые ей приходится играть в данном обществе. Итальянский романист Карло Леви сжато выражает

эту точку зрения, описывая личность как *il luogo di tutti rapporti* — место пересечения всех взаимоотношений. Однако это утверждение не призвано убедить нас в том, что самость всего лишь содержит или подвергается влиянию установок, выработанных в личных взаимоотношениях — нам предлагают признать, что в весьма реальном смысле самость сама *является* личными взаимоотношениями человека. В прошлом мы были склонны считать себя самодостаточными индивидами, выглядывающими из башни своего собственного частного замка, из которого мы отправляемся на периодические экскурсии с целью удовлетворения физических, эмоциональных и психических потребностей и желаний. Мы полагали, что наши контакты с миром оставляют нас относительно нетронутыми — той же персоной, что и прежде. По мнению Салливана, это полное заблуждение: мы не просто имеем некий опыт — мы сами *являемся* этим нашим опытом.

Все виды человеческой деятельности, считает Салливан, могут быть разделены на две категории: стремление к удовлетворению и стремление к безопасности. Удовлетворениями являются влечения или физические потребности в сне, пище и питье и осуществлении сексуальных желаний. Одиночество классифицируется как “промежуточный случай” поскольку, наряду с чувством одиночества, по-видимому, существует, более ранняя потребность касаться друг друга, ощутить физическую близость. С другой стороны, стремления, связанные с безопасностью имеют культурную природу. Они включают “...все те движения, действия, речи, мысли, мечты и т.д., относящиеся скорее к внедренной в определенного человека культуре, чем к устройству его тканей и желез”.

С первых дней своей жизни, вначале посредством процесса “вчувствования” (который мы обсудим ниже), а затем путем целенаправленного обучения, ребенка вводят в контакт с его культурой. Под угрозой наказания или лишения одобряющей поддержки его учат делать и думать то, что в данной культуре считается правильным и “хорошим”, и избегать того, что считается неправильным и “плохим”. Таким образом оказывается, что достижение удовлетворения в

соответствии с одобренными образцами становится связанным с ощущением себя как “хорошего” и чувствами благополучия и безопасности. Когда, с другой стороны, биологические потребности не могут быть удовлетворены в соответствии с одобренными культурой образцами, внушенными индивиду на ранних этапах его жизни, появляется ощущение себя как “плохого”, а также чувства опасности и дискомфорта. Это состояние обычно описывается как “тревога”. Эти две категории безопасности и удовлетворения могут быть успешно использованы в целях описания, однако из вышеизложенного должно быть понятно, что на практике они неразрывно связаны друг с другом.

Рассматривая тревогу, Салливан пользуется психосоматическими понятиями. Он указывает на то, что удовлетворение биологических потребностей обычно сопровождается снижением напряжения, в особенности в произвольных мышцах внутренних органов, но также и в произвольных скелетных мышцах тела. Этот процесс, как мы видели в предыдущей главе, осуществляется изнутри действием парасимпатического отдела периферической нервной системы, и поскольку удовлетворение снижает потребность в дальнейшей деятельности, скелетные мышцы, находящиеся под контролем центральной нервной системы, также тяготеют к расслаблению. “Достижение удовлетворения [производит] расслабляющее воздействие на тонус [непроизвольных мышц *involuntary*] с тенденцией к ослаблению внимания, настороженности и бдительности, а также сонливости”. Тревога и чувство незащитности или стремление к удовлетворениям производят противоположный эффект, и симпатическая стимуляция приводит к повышению тонуса непроизвольных мышц, сопровождающемуся напряжением скелетных мышц под воздействием центральной нервной системы. У очень маленького младенца природный цикл следующий: сон — голод (сопровожающийся сокращением мышц желудка или “голодными болями”) — плач — удовлетворение — сон. Скелетные мышцы играют на этой стадии относительно несущественную роль, поскольку младенческого плача достаточно для обеспечения материнского внимания и удовлетворения его потребностей. Другими

словами, в этот период жизни аппарат, используемый для достижения удовлетворения основных потребностей отличен от того, который используется на более поздней стадии. Это не мышечная система, а скорее то, что Салливан описывает как “оральный динамизм”, в который вовлечен дыхательный аппарат и аппарат приема пищи, откуда эволюционирует аппарат речи.

Это канал для деятельности, необходимой для утоления голода, боли и других неудобств. Однако вскоре наступает такая стадия, на которой мать уже не может удовлетворить все потребности ребенка, и начинает открыто проявлять одобрение и неодобрение того или иного его поведения — вот тогда и начинается его обучение. Оральный динамизм плача в значительной степени утрачивает эффективность и пропорционально большее значение приобретает скелетная мускулатура, поскольку ребенок не пребывает уже в пассивном состоянии. Напротив, от него ожидают действий. Схема плача постепенно подавляется; однако, хотя плач как таковой больше не проявляется, все еще может происходить повышение тонуса соответствующих мышц при тревожных ситуациях, которое, как утверждается, в определенной степени придает этим мышцам характерный чувствительный тонус (ср. фрейдовское объяснение астмы).

В течение ранних месяцев жизни младенец обладает специфическими эмоциональными взаимоотношениями с теми, кто о нем заботится. Особенно между шестым и двадцать седьмым месяцами, как полагают, ребенок узнает отношение его матери или няни при помощи некоего “эмоционального влияния или общения” (*emotional contagion or communion*), которое Салливан описал как “вчувствование” (эмпатия). Например, если мать во время кормления находится в состоянии злости или расстройства, у младенца могут возникнуть большие сложности с потреблением пищи; а так как настроения матери в большей степени определены социально, Салливан считает, что этот процесс имеет огромную важность в понимании раннего окультуривания. Считается, что вчувствование (эмпатия) возникает у определенных животных, является биологическим по природе и не обеспечивается обычными сенсорными каналами. Инте-

ресно отметить, что много лет назад К. Г. Юнг, по-видимому, мыслил в том же направлении, так как в своей лекции в Кларковском университете еще в 1909 году он следующим образом комментировал переживания детства: "Ни хорошие и благочестивые наставления, ни другие внушения педагогических истин не имеют формирующего влияния на характер развивающегося ребенка, но что наиболее влияет на него — это специфическое эмоциональное состояние, в целом неизвестное его родителям и воспитателям. Скрытые разногласия между родителями, скрываемое беспокойство, подавленные скрытые желания, все это вызывает у индивида определенное эмоциональное состояние с его объективными признаками, которое медленно, но уверенно, хотя и неосознанно, пробивает себе путь в ум ребенка, воспроизводит в нем те же условия и следовательно такие же реакции на внешний стимул... Отец и мать запечатлевают глубоко в разуме ребенка печать их личности, и чем более чувствителен ребенок, тем глубже впечатление. Таким образом, даже вещи, о которых никогда не говорят, отражаются на ребенке. Ребенок имитирует жесты и поскольку жесты родителей выражают их эмоциональное состояние, постольку эти жесты постепенно воспроизводят в ребенке подобное чувство, в процессе его, так сказать, самовчувствования в эти жесты."

С этой точки зрения эмпатия вызывает у ребенка знание эмоциональных состояний матери, связанных как с удовольствием, так и с тревогой; как с одобрением, так и с неодобрением. Поскольку значительная часть раннего воспитания состоит из обучения контролю за мочеиспусканием и дефекацией, возможно, что эмпатированная тревога, обусловленная родительским неодобрением неудач в этом отношении, может играть какую-то роль в тренировке; и с другой стороны вчувствованный комфорт в случае успеха в таком контроле дополняет физическое облегчение, испытываемое благодаря снятию напряжения в "нужное" время. Тревога, по мнению Салливана, всегда испытывается в связи с межличностными ситуациями, а то, что он описывает, как "power motive" (силовой мотив) основывается на способности индивида избегать тревоги, а также достигать и

поддерживать чувство способности (*ability*). Способность достигать удовлетворения и безопасности синонимична с обладанием силой в межличностных взаимоотношениях; что приводит к самоуважению и уважению к другим. Самоуважение, следовательно, вытекает первоначально из отношения тех людей, которые заботятся о ребенке на ранних стадиях жизни, однако в последующей жизни его отношение к другим определяется его отношением к себе. Важность вчувствования заключается в его способности вызывать у ребенка два противоположных состояния — тревоги или эйфории, напряжения или расслабления, комфорта или дискомфорта, посредством эмоционального влияния родителей; так, например, хронически враждебная или тревожная мать неизбежно, что бы она ни делала, вызывает у своего ребенка тревогу.

Салливан сравнивает психику с микроскопом, который, позволяя детальное наблюдение ограниченного поля (а именно, поля, связанного с действиями, вызывающими одобрение или неодобрение), противодействует обнаружению остального мира. Самосознание индивида проистекает первоначально из тревоги, которая, как отмечено другими психологами, оказывает суживающее влияние на поле внимания. Таким образом, большая часть психики оказывается, или скорее остается, без внимания. Соответственно, то, что Фрейд описывал, как “бессознательное” и мыслил в топографических терминах, Салливан рассматривает в функциональных терминах “селективного невнимания” (*selective inattention*) и “дисассоциаций” (*disassociation*), различие между которыми состоит лишь в степени. Грубо говоря, Фрейд изображал бессознательное как место, содержащее психические состояния, постоянно находящиеся вне осознания; а подсознание (*preconscious*), как место, содержащее те психические состояния, которые в данный момент находятся вне осознания, но могут быть осознаны усилием воли: Салливан предпочитает не мыслить в терминах психических локализаций и его критика разума скорее похожа на положение дел, наблюдаемое водителем автомобиля темной ночью. Фары автомобиля фокусируются только на части пейзажа, которая важна для сиюминутной задачи, хотя во-

дитель может, если пожелает, осветить фарами другие части дороги, которые в данный момент игнорируются “селективным невниманием”, или являются, в терминах Фрейда, предсознательными. Но позади автомобиля лежит область полной темноты, которая не может быть освещена простым маневром водителя, и эта темная область бессознательно-го или диссоциации состоит из психических состояний, которые личность отказывается осознавать. Подобно Фрейду, Салливан принимает теорию, считающую, что мотивационные системы или комплексы, существующие в диссоциированном состоянии, могут находить выражение в снах, каждодневных ошибках, фантазиях и во взаимоотношениях с окружающими. Если бы это не было так, говорит он, самость дезинтегрировалась бы в результате невыносимого давления бессознательных мотиваций.

Для самости характерно, что однажды развившись, она имеет тенденцию к поддержанию своей собственной формы и направления, т.е. является системой, чья основная функция — избегать тревоги. Хотя ранний опыт одобрения или неодобрения возникает задолго до того как ребенок обретает способность к распознаванию (*discrimination*) или рассуждению (*reasoning*), именно отношения, накопленные в это время, по причинам уже обсуждавшимся, являются наиболее глубоко укорененными (*deep-seated*) и проникающими. На более поздней стадии индивид приобретает способность обращаться к своему опыту и сравнивать его эпизоды, но он никогда не избавляется от могущественных влияний, развившихся в период детства, когда мысль или различение отсутствовало. Что поддерживает самость в относительно стабильной форме, так это тот факт, что любой опыт, который угрожает разрушением или конфликтом с ее организацией, провоцирует тревогу и ведет к поведению, направленному на нивелирование его значения. Опыт может быть избирательно игнорируем, разделен, или его значение преднамеренно непонимаемо. В терминах Фрейда вводятся в действие механизмы эго-защиты. Салливан изображает разум скорее как подобие амебы в лабораторном сосуде, поглощающей частички мясного экстракта, переваривающей их полностью и совершенно отвергающей час-

тички стекла; а когда ей дают стекло, покрытое мясным экстрактом — поглощает мясо и отвергает стекло. Мы построили структуру самости в годы нашего формирования и готовы решительно и любыми средствами поддерживать ее целостность, и сохранять ее первоначальную форму и направление. Это так, даже когда самость оказывается жалкой и несчастной: "Даже когда самость являет собой унижительную и ненавистную систему, она будет подавлять и неверно истолковывать всякое отделенное чувство или переживание дружелюбия по отношению к окружающим; и она будет также неверно истолковывать любые проявления дружелюбия с их стороны. Направление и характерные черты, данные самости в младенчестве и детстве, сохраняются из года в год любой экстраординарной ценой; так что большинство людей в данной культуре, как, предположительно, и в любой другой, благодаря неадекватному и неудачному опыту в ранней жизни, становятся "плохими карикатурами на то, чем они могли бы быть"!

Могут спросить откуда возникают такие унижительные и ненавистные системы самости, если ребенка поощряют когда он "хороший" и различным образом наказывают, когда он "плохой". Мы сможем найти, по-видимому, наилучшее объяснение, если вспомним о том, что в психологической системе Сатти было сделано следующее предположение — что бы ни сделал ребенок, он делает это с целью добиться любви. Агрессивный ребенок не менее, чем ребенок уступчивый, пытался получить родительское одобрение и прибегал к агрессии только потому, что "хорошее" поведение не срабатывало, а агрессивность могла сработать. В системе Салливана индивид рассматривается как ищущий освобождения от тревоги, достижения безопасности и снятия напряжения *при любых обстоятельствах*. Отвратительная самость, не менее, чем привлекательная, мотивирована потребностью избегать тревоги и, как считается, возникает в ситуациях, когда потребность ребенка в нежности находит резкий отказ у родителей. Когда это происходит, потребность в нежности ассоциируется с родительским отказом и, следовательно, с тревогой, таким образом, когда ребенок чувствует нежность, он манифестирует "плохого себя".

Такое его поведение может стать трансформированным в злобное и может позднее получить параноидальное развитие навязчивой природы.

Вдобавок к уже упомянутым методам существует два других средства обращения с опытом, который вступает в противоречие с системой самости. Первый из них — сублимация, в которой запрещенные импульсы, провоцирующие тревогу, бессознательно смешиваются с социально одобренными образцами, так что запрещенные импульсы частично удовлетворяются, не провоцируя тревоги. Неудача в сублимации может вести к регрессии или, с другой стороны, к реинтеграции импульса в новые образцы поведения. Другой путь борьбы с тревогой — посредством гнева, который имеет временный эффект нейтрализации тревоги. Многие люди подавляют свою тревогу этим путем, даже не осознавая этого.

Система самости — это часть личности, доступная наблюдению; истинная самость — это ядро возможностей (*core of potentialities*), которые существуют с самого начала, но могут либо развиться, либо нет. Способен или не способен индивид развить свою истинную самость зависит в значительной степени от культурных факторов, так как человек формируется своей культурой, и все попытки порвать с ней вызывают тревогу. Но определенные изменения к лучшему или к худшему могут быть привнесены влиянием различных личностей, особенно родителей и иногда в последующей жизни — учителей и друзей. Из того, что самость является суммой “отраженных оценок” следует: то, что мы думаем о себе, зависит от того, что окружающие думали о нас в годы нашего формирования. Однако межличностные взаимоотношения не зависят просто от того, что открыто происходит между двумя или более реальными людьми. Могут существовать “фантастические персонификации” или идеальные фигуры, с которыми индивид “взаимодействует”, и посредством процесса, описанного Салливаном как “паратаксическое искажение” (*parataxic distortion*) индивид может приписывать другим черты, взятые им от значительных людей из его прошлого (как у Фрейда в ситуации переноса). В какой-то степени это происходит во всех меж-

личностных взаимоотношениях и основной целью лечения с этой точки зрения является устранение таких искажений. Это может быть сделано путем сравнения оценок индивида с оценками других людей; так как если человек, к суждениям которого индивид относится с уважением, видит ситуацию в другом свете, то индивид может изменить свои собственные взгляды на взгляды этого человека. В терапии Салливан придавал значение аналитику как человеку беспристрастному, не в том смысле, что ему все равно, а скорее в смысле того, что он является беспристрастным наблюдателем, взгляды которого пациент может принять, когда ему открывается, что происходит между ним и окружающими, особенно в отношении паратаксического искажения.

Салливан описывает шесть стадий развития личности: (1) младенчество, на протяжении которого вчувствование (эмпатия) является важным механизмом влияния, появляется реализация индивидуальных способностей и развивается растущее осознание самости как отдельной сущности; (2) период детства начинается там, где кончается младенчество, т.е. с овладением языком; начинается культурное обучение, возникает мысль и имеют место столкновения интересов ребенка с желаниями родителей; (3) ювенильный период начинается тогда, когда появляется возможность взаимодействия со сверстниками; групповая солидарность, конкуренция и желание принадлежать [группе] типичны для этого периода; (4) предъюность (*pre-adolescence*) от 8,5 или 12 лет до раннего пубертатного периода — это время, когда эгоцентризм сменится полностью социализированным состоянием; находятся личные друзья, которые действительно становятся столь же важны как и ты сам; (5) юность, разделяемая на (а) раннюю юность, (b) среднюю юность (начало полового поведения), и (с) позднюю юность (установление интимных, дружеских отношений). И, наконец, период зрелости.

Теодор Рейк, старый коллега Фрейда, а ныне житель Соединенных Штатов, критиковал многие аспекты фрейдовской теории, в особенности те, которые касаются мазохизма (в работе *Мазохизм и современный человек*) и природы любви (в работе *Психологические взгляды на любовь*). Как

мы уже знаем, Фрейд верил (а) что любовь является собой сублимированную сексуальность и (b) что изначально объектом любви является самость. Рейк категорически не соглашается с обоими из этих тезисов, так как он считает, что романтическая любовь не имеет ничего общего с сексом, а также, что не существует такой вещи как первичный нарциссизм. Секс это биологическая потребность, возникающая в теле, зависящая от желез внутренней секреции, локализованных в гениталиях и других эrogenных зонах, имеющая конечной целью снятие физического напряжения, и изначально являющаяся безобъектной. В сексуальном желании сексуальный объект является просто средством, при помощи которого снимается напряжение. В свою очередь любовь не обладает ни одной из этих характеристик. "Она определенно не является биологической потребностью, так как существуют миллионы людей не чувствующих ее, а также известны много периодов и образцов культуры, в которых она отсутствует. Мы не можем назвать никаких внутренних секретов или специфических желез, которые были бы ответственны за нее. Секс изначально безобъектен. Любовь определенно не является таковой". В точности такие же взгляды были выдвинуты много лет назад блестящим молодым немецким писателем Отто Вейнингером в его книге *Пол и характер*; и хотя Рейк не упоминал о знакомстве с данной работой, мы можем процитировать эту книгу для иллюстрации аргументации Рейка: "[До чего тупы воззрения] тех, кто с бессознательным цинизмом настаивает на идентичности любви и сексуального импульса. Сексуальное влечение растет вместе с физической близостью, любовь же сильнее в отсутствии любимого, она нуждается в разлуке, определенной дистанции для своего сохранения... далее, существует платоническая любовь, о которой профессора психиатрии такого плохого мнения. Я бы скорее сказал, что существует только "платоническая" любовь, так как любая другая так называемая любовь принадлежит к царству чувств: это любовь к Беатриче, поклонение Мадонне; Вавилонская блудница является символом сексуального желания". Но если любовь по своей природе не является сексуальной, как мы можем объяснить ее? Здесь Рейк спо-

рит с фрейдовской концепцией первичного нарциссизма: "Младенец не любит себя, так как он первоначально не существует как отдельный индивид. Он является эгоистом без эго, самолюбом без самости". Хотя на него произвели благоприятное впечатление взгляды Сатти о том, что любовь и секс не одно и то же, Рейк отказывается верить, что любовь является внутренним качеством. Напротив, маленький ребенок суть реципиент материнской любви и заботы, и учится любить себя на примере своей матери, и в последующие годы он заменит мать в любви к себе. Поражает тот факт, говорит Рейк, что влюбленность часто следует за настроением отвращения к себе: Фауст перед тем, как встретить Гретхен, Ромео перед встречей с Джульетой — оба неудовлетворены собой. Любовь является не кризисом, но путем выхода из кризиса, возникающего в результате неудовлетворенности собой. Не достигая своего эго-идеала, индивид использует любовь как средство найти его в ком-то другом и таким путем достигнуть целостности. Любимая persona выступает заменой идеального эго, а два человека, которые влюбляются друг в друга, взаимобмениваются своими эго-идеалами. Любовь, следовательно, не есть любовь к кому-то, но является любовью к чьей-то лучшей самости или эго-идеалу, как он видится в ком-то другом. Снова цитируя Вейнингера: "В любви человек только любит себя. Не свою эмпирическую самость, не слабости и пороки, не неудачи и мелочности, которые он внешне проявляет; но все то, чем он хочет быть, его наиболее истинную, глубочайшую, интеллигибельную природу, свободную от оков необходимости, от всех земных пороков". Рейк предпочитает использовать слово "эго-идеал" вместо "супер-эго" и верит, что он является приобретением позднего детства, результатом растущего сознания того, что мы не такие, какими хотели бы быть. Он обуславливается отношением, проявляемым к нам окружающими, контрастом, ощущаемым ребенком между тем, что он делает и тем что должен делать, чтобы оправдать ожидания матери.

Существует, следовательно, постоянная раздражающая неудовлетворенность между этими противоположными аспектами наших самостей — неудовлетворенность, которая,

по словам Рейка, может быть разрешена лишь одним из четырех способов: влюбившись (т.е. приобретя другого, кто, по-видимому, обладает некоторыми недостающими нам качествами); возненавидев (т.е. возрадив враждебные отношения к тем, кто более нас удовлетворен собой); умерив наши требования к себе или сделав что-либо созидательное, дающее нам лучшее мнение о себе. Любовь, следовательно, коренится в бессознательной зависти к другой личности, обладающей желанными для нас качествами. Дружба является результатом более умеренных оценок, в соответствии с которыми мы хотели бы обладать только определенными интеллектуальными, психическими, эмоциональными или физическими качествами, которые оказываются желанными для нас. Любовь хочет всего, дружба — только части. Соответственно, Рейк отрицает существование первичного нарциссизма, отрицает то, что любовь и дружба коренятся в испытывавшей "торможение перед целью" сексуальности и сомневается в фрейдовском объяснении природы супер-эго.

Дж. Ф. Браун, профессор психологии в университете Канзаса и главный психолог в клинике Меннингера, написал две интересные книги: *Психодинамика аномального поведения* и *Психология и общественный строй*. Его взгляды первоначально основывались на топологической психологии Левина, но он был глубоко поражен теорией Фрейда и, несомненно, прошел обучение анализу. Некоторые моменты его критики психоанализа достойны упоминания здесь, как представляющие взгляды академического психолога на научные методы Фрейда. В целом Браун не выражает несогласия с наблюдениями или утверждениями Фрейда — он возражает против манеры их выражения. Как и другие до него, он критикует использование Фрейдом теории биологического инстинкта, считаемую им устаревшей; так как в человеке нет таких базовых инстинктов, которые приводили бы к определенному поведению, не зависящему от окружающей среды. Большинство психологов сегодня, говорит он, готовы признать факты эротического и агрессивного поведения, но они определяют эти типы поведения как комбинацию биологических и культурных влияний. Этот во-

прос достаточно важен; поскольку, если агрессия представляет собой врожденный фактор, то война, по-видимому, неизбежна, а если она не является врожденной, но, скорее, обусловлена фрустрацией конструктивных импульсов, все еще сохраняется надежда. Конечно, верно и то, что агрессия универсальна, так как фрустрация, приводящая к ней, тоже универсальна; но если фрустрация является единственным источником агрессии, значит уменьшение фрустрации существенно снизит последнюю. По мнению Брауна, Фрейд сам сыграл значительную роль в разрушении старой теории инстинкта, так как если мы сводим инстинкты к самосохраняющим и саморазрушающим, или расосохраняющим и расоразрушающим, то с тем же успехом мы можем сказать, что не существует базовых инстинктов, приводящих к определенному поведению, независимому от окружения.

В ответ на критику другими авторами того, что Фрейд не отводил социологическим и культурным факторам никакой роли в детерминировании структуры личности, Браун отрицает, что это так. Поскольку супер-эго почти целиком социологически детерминировано, говорит он, такую критику не следует принимать всерьез. Другими словами, супер-эго — это тот способ, которым Фрейд говорит о влиянии культуры. (В этом отношении Браун слишком великодушен к Фрейду, потому что, как мы уже видели, Фрейд не изображает супер-эго как нечто, репрезентирующее влияние *современного* общества. Оно наоборот репрезентирует моральные запреты, передававшиеся из поколения в поколение; и супер-эго каждого поколения основано на супер-эго предыдущего поколения). Однако Браун стоит на более твердой почве, критикуя фрейдовское разделение психики на эго, супер-эго и ид; сознательное, подсознательное и бессознательное. Он пишет: “Хотя несомненно верно, что существует внутреннее различие между структурой непосредственной сенсорной перцепции и структурой глубоко скрытого эмоционального опыта, в действительности достаточно маловероятно, что можно обнаружить три различные области сознания и только три”. Концепции эго, супер-эго и ид создают впечатление существования самостного

гомункулуса, злобного (*nasty*) гомункулуса и морального гомункулуса, которые постоянно борются друг с другом. Точно так же, как Фрейд подготовил путь для ниспровержения теории инстинкта, но не смог отбросить ее полностью, он таким же образом подготовил путь для функциональной теории личности, не избавив ее полностью от всех черт де-монологии.

Хорни выражала неудовлетворение тенденцией психоаналитиков считать последующие фазы развития буквальным повторением предыдущих, подобным же образом Браун выражает неудовлетворение допущением того, что регрессия может рассматриваться как прямая реверсия всего процесса в целом. Например, поведение предельно регрессированного психотического пациента ни в коем случае не является точным эквивалентом поведения очень юного ребенка, хотя довольно часто психоаналитики говорят так, как если бы это было верно, потому что процесс регрессии определен неадекватно. В конце концов, говорит он, логика требует, чтобы всякая научная теория была представлена в таком виде, чтобы ее можно было доказать или опровергнуть, а теории Фрейда не всегда выполняют это условие. Если мы возьмем, например, механизм образования реакции, оказывается, что противоположные типы поведения объясняются как продолжение одного и того же исходного механизма. Агрессивный человек является таковым потому, что он агрессивен, а неагрессивный человек также неагрессивен по той же причине. Мальчик, глубоко любящий свою мать, имеет эдипов комплекс, мальчик, не любящий свою мать, тоже имеет эдипов комплекс, который он, как говорят, подавляет. Это, говорит Браун, в действительности очень может быть и истинно, но это не дает научному психологу никаких средств для своего доказательства. Но он делает вывод: "Мы должны сказать о теории Фрейда, что если даже она не располагает всеми ответами, она действительно ставит все вопросы".

Дэвид Райзман — американский социолог, написавший интересное исследование американского характера под названием *Одинокая толпа* (*Lonely Crowd*), которое по смыслу можно считать продолжением фроммовского *Страх* сво-

боды. Аргументации Райзмана в целом мы здесь не будем касаться; но он разработал интересную теорию морального контроля, которая одновременно проясняет фрейдовскую концепцию супер-эго и включает в себя ее критику. Подобно Фромму, Райзман считает, что основные типы характера изменяются с развитием общества; и в особенности методы социального контроля в обществе меняются от одного места и времени к другому. Он соотносит историческую последовательность типов характера с тенденциями роста населения, которые в старых индустриализированных странах имеют склонность к проявлению S-образной кривой. Эта кривая начинается в точке, в которой количество рождений и смертей примерно одинаково, будучи на высоком уровне (фаза высокого потенциала роста); она проходит через период быстрого увеличения населения, когда с развитием гигиены смертность падает, а рождаемость остается высокой (фаза промежуточного роста населения), и в конечном итоге приходит к стадии, в которой рождаемость и смертность опять сравниваются, на сей раз на низком уровне (фаза зарождающегося спада). Первая стадия соответствует средневековому периоду европейской истории, вторая — раннему индустриальному периоду, и последняя — современным Европе и США. По Райзману, общество высокого потенциала роста развивает у своих типичных членов социальный характер, в который благодаря их тенденции следовать традиции привносится конформизм — в его терминологии они “направлены на традицию”. Общество промежуточного роста населения развивает у своих членов социальный характер, в который конформизм привносится их тенденцией к достижению в ранней жизни интернализированного набора целей (это конечно же фрейдовское супер-эго). И, наконец, современное индустриальное общество с низкой рождаемостью и смертностью порождает социальный характер, контролируемый его растущей чувствительностью к ожиданиям и предпочтениям окружающих. Тогда как общество промежуточного роста населения порождает “внутренне направленных” индивидов, современное общество зарождающегося спада населения порождает новый тип индивида, “направленного на других”.

Игнорируя вопрос популяционных тенденций, мы можем видеть, что методом социального контроля в средневековом обществе (и предположительно в других, преимущественно аграрных обществах) является механизм традиции; метод социального контроля в раннем индустриальном обществе осуществляется через механизмы интернализованного контроля — совесть или супер-эго — а в современном массовом обществе социальный контроль порожден чувствительностью к реакциям окружающих.

Теперь мы обсудим эти механизмы более детально.

- (1) *Направленность на традицию.* Ориентированное на традицию общество является относительно статичным, так как подобная форма контроля должна зависеть от правил и обычаев, сохраняющих свою действенность на протяжении длительных периодов времени. Традиция строго контролирует все аспекты поведения, и от рождения до смерти каждый член общества точно знает, чего от него ожидают в любой ситуации. Наука (такая как она есть), религия, закон, экономическая жизнь и обычаи находятся в согласии, так что существует, по описанию Фромма, универсальная структура ориентации и посвящения себя чему-либо. В данном типе общества, как отметила Карен Хорни, возможности психического конфликта возникают намного реже чем в случае переходного общества, которое неизбежно имеет относительно неустойчивую этическую систему, переполненную потенциальными конфликтами. Хотя индивидуальность не развита, каждый человек в ориентированном на традицию обществе “принадлежит” к какой-либо структуре — незаконнорожденные дети, бедняки и престарелые находятся на попечении семьи или деревни; они не становятся как в случае современного или раннего индустриального общества “лишними”. В конечном итоге странности эксцентричного индивида так же вписываются в общество, подобным людям с отклонениями часто даются институционализированные роли. Эпилептик, душевно больной или индивид, которого в наше время расценивали бы как бунтовщика, могут подойти на роли шамана, медика или чародея.

- (2) *Промежуточный рост.* С улучшением санитарных условий и средств коммуникации, и со снижением количества детоубийств и других форм общественного насилия продолжительность жизни возрастает, в то время как рождаемость остается высокой. Население начинает расти, как это и было в Европе между 1650 и 1900 гг. На этой стадии повышается личная мобильность, как географическая, так и по социальной шкале. Быстро накапливается капитал и результатом колоссальных технологических изменений становится увеличение производства товаров, экспансия и империализм. Такое общество уже находит направленность на традицию неадекватной — во-первых, потому что оно борется с традиционными взглядами и, во-вторых, потому что они в любом случае противоречат изменяющейся технологии. Старые концепции в религии, семье, науке и этике более не соответствуют изменяющейся сцене. Необходим новый тип индивида, способный к социальной жизни без традиционного контроля; он являет собой внутренне направленный тип, чьи средства управления вложены в него старшими в обществе на ранних стадиях жизни и направлен на достижение обобщенных, но фиксированных целей. Как говорит Райзман, обществом изобретен новый психологический механизм, который принимает форму "психологического гироскопа" — супер-эго. Это не подразумевает того, что традиция не играет никакой роли в жизни внутренне направленного индивида, но поскольку он осознает наличие борющихся традиций (что в индустриальном обществе является неизбежным), супер-эго придает его действиям большую гибкость и независимость от ослабевающих внешних средств управления.
- (3) *Зарождающийся спад.* На этой стадии смертность уже снижена, а рождаемость также начинает снижаться. Существует много причин этого снижения рождаемости, наиболее очевидной из которых является то, что дети уже не представляют собой экономической ценности (как это было в пастушеской семье или в период, когда на фабриках было разрешено использование детского

труда); наоборот, они становятся экономической обузой, так как долгие годы не могут участвовать в работе.

Экономика более не расширяется, так как производство перерастает потребление, или во всяком случае способность потребить товары, произведенные при существующих экономических обстоятельствах: “Рабочий день короток. Люди могут иметь материальное изобилие и, кроме того, досуг. Однако они платят за эти изменения — здесь, как и всегда, решение старых проблем ставит новые — обнаруживая себя в централизованном и бюрократизированном обществе, а мир — сжатым и сотрясаемым ускоренными индустриализацией контактами рас, наций и культур”. (Райзман, *op. cit.*). При этих обстоятельствах жесткость и предприимчивость внутренне направленных типов становится менее необходимой, а источником проблем, встающих перед индивидом все чаще выступает не материальная среда, а другие люди. Традиции все более разрушаются, ускоряются социальные изменения и становится необходимым новый механизм социального контроля. Новый тип характера детально описан в книге Райзмана, где рассматривается его появление преимущественно в Америке. Кратко говоря, современный индивид, появляющийся в новом обществе, представляет собой то, что Фромм описал как “рыночный характер” — поверхностный, дружелюбный, требующий одобрения, стремящийся “продать себя” (“Я таков каким вы бы хотели меня видеть”) и неуверенный в себе и своих ценностях. Его поведение регулируется наблюдением за поведением окружающих, и несоответствие его жизни этим стандартам вызывает тревогу.

Взгляды Райзмана упоминаются здесь, во-первых, потому, что представляются важными и интересными сами по себе, и, во-вторых, потому, что они дают ясный пример другого типа критики теории Фрейда; данная критика утверждает, что взгляды Фрейда не имеют универсального приложения, но относятся только ко времени, в котором он жил. Насколько справедлива данная критика читатель будет решать сам; но стоит между тем заметить, что Батесон (Ва-

teson) и др. указывали на то, что сильное супер-эго может сформироваться лишь при удовлетворении трех условий:

- (1) Должен быть некий взрослый индивид, взявшийся за дело обучения ребенка манере поведения.
- (2) Это обучение должно подкрепляться наказанием.
- (3) Ребенок должен любить взрослого, о котором идет речь.

Так как эти условия, на самом деле, удовлетворяются не во всех культурах, есть основание считать, что супер-эго, описанное Фрейдом, не является универсальным феноменом. Маргарет Мид в двух главах книги Клюкгорна "Личность" утверждает то же самое: "Сравнительные исследования показывают, что этот тип характера (при котором индивид воспитан спрашивать первым делом не "Хочу ли я этого?", "Боюсь ли я?" и "Соответствует ли это традиции?", а "Правильно это или неправильно?") является очень специфическим образованием, характерным для нашей собственной культуры и очень редким для других обществ. Он зависит от родителей, лично представляющих эту культуру в моральных терминах, выступающих для детей в качестве ответственных представителей правильных выборов и наказывающих или поощряющих ребенка во имя правильного".

Салливан, Хорни, Фромм и Кардинер вместе сформировали то, что стало известно как неофрейдистская школа аналитиков. Хотя они расходятся в деталях, их объединяют следующие убеждения:

- (1) Основную роль в понимании человеческой природы играют скорее социальные и культурные факторы, нежели факторы биологические.
- (2) Теории инстинкта и либидо устарели; эдипов комплекс, формирование супер-эго и приписываемая женщинам неполноценность являются культурными, а не универсальными чертами; и хотя может существовать биологическая основа для оральной и анальной фаз, они могут быть сильно модифицированы культурными факторами.
- (3) В формировании характера, в продуцировании тревоги и в неврозе вчувствование (эмпатия) помещается над "межличностными взаимоотношениями".
- (4) Вместо выведения характера из сексуального развития утверждается, что сексуальное развитие является индек-

сом характера. "С этой точки зрения не сексуальное поведение определяет характер, но характер определяет сексуальное поведение" (Фромм).

Феникель, как ортодоксальный аналитик, возражает против этих утверждений следующим образом: "...проникновение (понимание) в формирующее воздействие социальных сил на индивидуальные умы не требует никаких изменений фрейдовской концепции инстинктов, как считают определенные авторы (Фромм, Хорни, Кардинер). Инстинктивные потребности представляют собой сырой материал, формируемый социальными влияниями; и задача психоаналитической социологии состоит в изучении деталей этого формирования. Именно опыт, то есть культурные условия, трансформируют потенциальности в реальности, формируют реальную ментальную структуру человека, придавая его инстинктивным запросам определенную направленность, поощряя некоторые из них и блокируя другие, и даже направляя некоторые из них против остальных" (*Психоаналитическая Теория Невроза*).

Следовательно, мы имеем здесь несколько различных подходов: взгляды Хорни, Фромма и Салливана; взгляды старого и относительно ортодоксального ученика Фрейда — Рейка, который, по-видимому, придает эго и культурным факторам большее значение, чем большинство фрейдистов; взгляды Дж. Ф. Брауна, который цитируется здесь в основном как один из наиболее красноречивых критиков среди психологов, изучавших Фрейда; и взгляды Райзмана, как социолога, который привлек общественное внимание и вместе с Фроммом и Хорни становится чем-то вроде бестселлера. Феномен психологического бестселлера приводит к мысли, что либо научные стандарты масс выросли, либо академические стандарты психологов упали, и, независимо от содержания этих книг, кажется загадкой, для кого они первоначально предназначались. Работы Хорни и Фромма или Райзмана написаны исключительно компетентно, но они не превышают способностей понимания любого достаточно образованного человека, даже не имеющего каких-либо специальных знаний Фрейда, и, более того, они не являются *академическими* в том смысле, что они не со-

здают впечатления предназначенности для специалистов. Специалисты, конечно, пишут популярные книги, но редко за счет книг серьезных, если только им вообще еще есть что сказать.

Позиция Фромма вызывает особое недоумение, поскольку, хотя почти все здесь сказанное взято из двух его ранних книг *Страх свободы* и *Человек для себя*, его более поздние работы *Забытый язык* (исследование снов, которое критикует различные аспекты теорий сна Фрейда и Юнга), *Здравомыслящее общество*, *Искусство любить* и *Миссия Зигмунда Фрейда* в действительности мало чего к этому добавляют. Мы можем выбрать любую книгу в поисках нового откровения, но, увы, мало что изменилось кроме броского названия. Те, кто заинтересовался фроммовской критикой Фрейда и надеялись на что-то конкретное взамен "отброшенных" идей, вскоре обнаружат, что новые идеи даже более метафизичны, чем старые. Психология по Фромму должна базироваться на "философско-антропологической концепции человеческого существования", но многие люди почувствуют, что если это так, тем хуже для психологии. Так как если слово "психология" имеет много возможных значений, то "философско-антропологический" — ни одного, кроме того, которое сам Фромм выбрал для него; и если его позиция является релятивистской в отношении меняющихся человеческих проблем и обстоятельств, его взгляды опираются скорее на историческую перспективу, чем на антропологические данные, имеющие отношение к современным культурам. Несомненно, философские концепции любого рода являются как раз тем, чего современный психолог всеми силами старается избежать с тех пор как психология впервые стала наукой, оставив позади метафизику; и хотя мы все можем иметь философские убеждения, обычно считается достоинством и даже положительной необходимостью оставлять их в стороне в процессе научного изучения явлений. Метапсихология Фрейда была частью общей картины мира его времени, которую, по-видимому, подтверждала и его собственная работа; что касается метапсихологии Фромма, создается впечатление, что она была скорее силком привязана к его наблюдениям, чем

выведена из них. Но несогласие с воззрениями Фрейда и присвоение новых названий типам личности, описанным Фрейдом в терминах либидозных фиксаций, а Фроммом и Хорни — в терминах межличностных взаимоотношений, само по себе не оправдывает формирования новой школы. Фрейд всегда отрицал наличие у себя философских воззрений или мировоззрения; и поскольку мы считаем, что он их все-таки имел, так это потому, что наши собственные взгляды изменились, и те, которыми мы обладаем сейчас, но не можем распознать, поколение спустя покажутся столь же странными. Во времена Фрейда почти все ученые были уверены в том, что вселенная вместе с самим человеком представляет собой огромную машину, что такие сущности как дух, разум, душа и Бог не существуют; и что индивид либо имеет, либо не имеет той или иной болезни, которая, если она существует, должна в конечном счете иметь физическую основу. Эти убеждения были не тщательно выработанной философией, но скорее серией выводов, которые, как казалось, следуют из новых научных открытий; и только влияние исторического материализма Энгельса заставляет нас рассматривать “здравый смысл” культуры в качестве бессознательной идеологии, оправдывающей существующее положение вещей. Будущие поколения будут знать, что из этих элементов не принимать в расчет во фрейдовских теориях, точно так же, как мы знаем, насколько атомная теория Дальтона была ограничена современными ему взглядами и существующим знанием; но взгляды Фромма являют собой осознанную идеологию, и хотя критика Фрейда необходима и оправдана, мы отнюдь не можем быть уверены в том, что альтернативные взгляды, не подтвержденные прямыми наблюдениями, представляют собой что-либо иное, кроме другой идеологии — тем более что Фромм никак не ссылается ни на один лично наблюдавшийся им факт, не цитирует каких-либо случаев и нигде не описывает своей собственной техники анализа.

Факт состоит в том, что огромное большинство психоаналитиков заинтересованы в лечении своих пациентов, а антропология, культура или человеческая природа и философия интересуют их не более чем лечащего врача, загру-

женного работой, интересует структура пенициллина или история бактериологической теории болезни. Они имеют свои собственные политические, моральные и религиозные взгляды, формирующиеся так же как и у других людей, и не требующие никакой логической взаимосвязи с их психоаналитическими теориями. Действительно, никто не был бы более удивлен, чем Фрейд, если бы это было иначе; и в этой связи вспоминается ответ, данный Эрнстом Джонсом кому-то спросившему после лекции, ожидает ли Фрейд от всех аналитиков, чтобы они стали атеистами: "Фрейд не склонен ожидать чего-либо от других людей".

Несомненно, если на психоаналитика нападают по поводу определенных утверждений Фрейда, он будет отстаивать ортодоксальную точку зрения, даже если дискутируемый вопрос им лично не очень глубоко осмыслен; однако, в течение значительного времени психоаналитики потихоньку модифицировали устаревшие направления своей теории, ни на миг не предполагая, что они изобретали новую школу мышления. Оглядываясь на прошедшую историю психоанализа, не будет преувеличением предположить, что часто различия, приводившие к формированию новой секты были в большей степени личными и эмоциональными, чем научными и рациональными. В ортодоксальном руководстве Феникеля — *Психоаналитическая теория невроза* — различные находки неопрейдистов Ранка, Штекеля, Ференци и других излагаются без какой-либо специальной ссылки на их принадлежность к другой школе мысли, и этого можно было ожидать, так как в практике анализа конкретные наблюдения более интересны чем общие теории. Последователи Хорни уделяют относительно много внимания эго, межличностным взаимоотношениям и современной ситуации, но так же поступает и Анна Фрейд, не прибегая к использованию нового языка для описания специфики своей позиции. Ни один аналитик не упустит из внимания культурную основу своего пациента, но по очевидным причинам большинство пациентов в психоаналитической практике принадлежат не только к той же культуре, что и сам аналитик, но даже к субкультуре того же класса или религии, так что не возникает необходимости писать книгу о том, каким об-

разом жители Тробрианских островов доказывают неправоту Фрейда. Ничто не может отрицать, что Фрейд открыл значение влияния семейной атмосферы на растущего ребенка, не только путем открытого примера и назидания родителей, но еще более заметно благодаря выводам, сделанным ребенком из поступков родителей и скрытых значений их слов. Вряд ли следует подчеркивать тот факт, что он описал комплекс в терминах известной ему формы семьи, если только это не оправдывает последователей Фрейда в отрицании возможности существования других типов семейной ситуации. Снова таки, Феникель, как ортодоксальный фрейдист, утверждает, что эдипов комплекс имеет биологическую основу, но он делает это таким образом, что мало кто из тех, кто считает себя критиком этого взгляда, может что-либо возразить. Отмечая что человеческий младенец биологически более беспомощен, чем потомки других млекопитающих и, следовательно, нуждается в более продолжительной заботе и любви, он наблюдает это на наипростейшем уровне: "Он всегда будет просить любви у заботящихся и защищающих его взрослых и проявлять ненависть и ревность к людям, лишаящим его этой любви. Если это называется эдиповым комплексом, тогда эдипов комплекс действительно имеет биологическую основу." Затем он добавляет, что фрейдовская комбинация гениальной любви к родителю противоположного пола и ревнивого пожелания смерти родителю одноименного пола является высоко интегрированной комбинацией эмоциональных отношений, представляющей собой кульминацию длительного развития младенческой сексуальности. "... В этом смысле эдипов комплекс несомненно является продуктом семейного влияния. Если бы институт семьи изменился, несомненно изменилась бы также и структура эдипова комплекса. "Интерпретации, считающие, что этот комплекс вызывается родительской гиперстимуляцией, что он используется как оправдание жизненных неудач, что он сексуален или асексуален, не обязательно неверны, они скорее односторонни и узки; точно так же как интерпретации ситуации переноса, которые настаивают на том, что в этой ситуации проявляется отношение пациента к своему отцу, что

она открывает его типичные пути поведения в его текущей межличностной ситуации или что она является попыткой взять верх над аналитиком. Конечно, она является собой все эти вещи, и указанные наблюдения скорее дополняют друг друга, чем исключают.

Так же обстоит дело с описанием различными школами мотивационных сил, стоящих за поведением; по Фрейду, имеющему дело с глубинным биологическим уровнем, — это удовлетворение инстинктивных влечений и разрушение любых помех на пути к удовлетворению, по Адлеру — это власть для удовлетворения влечений, по Хорни — это преодоление исходной тревоги а по Ранку — преодоление травмы рождения (в обоих случаях речь идет о тревоге относительно сил, контролирующих удовлетворение влечений — относительно компетентности в отношениях с другими и обособлении от других), по Сатти — это страх потерять любовь, так же, как и для многих современных фрейдистов. Фрейд говорит о влечениях, которые должны быть удовлетворены, другие — о преодолении помех на пути к удовлетворению, так как человек может удовлетворить свои влечения только посредством вмешательства других людей. Неофрейдисты совершенно сознательно социально ориентированы, Фрейд же, в основном косвенно, так как он жил в период, когда индивид считался единицей общества в том смысле, в котором в настоящее время уже более не считается. Как бескомпромиссный эволюционист, Фрейд подчеркивал развитие комплекса из более простых форм, общего из частного, и, следовательно, выводил развитие общего упрямства (*obstinacy*) из упорства (*obstinacy*) по контролю за кишечником; Фромм делает последнее продолжением первого, не объясняя, какое другое поведение в том возрасте проявляет присутствие общего упрямства (*general obstinancy*) или как этот тезис можно проверить. Анализ межличностных отношений Хорни — исключительно интересен, и в отличие от Фромма, она ссылается на множество случаев, но трудно увидеть как сам по себе этот анализ, игнорирующий более ранние и более примитивные тенденции, может помочь пациенту, которому, судя по тому, что мы знаем,

может точно так же помочь и убедить в его дефектах чтение книги.* Как известно любому психиатру, таким путем людей освобождают от симптомов, но при более тяжелом неврозе пациенты продолжают сохранять свои фобии и навязчивые идеи, будучи хорошо осведомленными об их источниках: на самом деле, осознание невротического состояния, подобного описанному Хорни, может скорее стать источником повышенной тревоги по поводу этого самого состояния, нежели основой для избавления от него.

Неофрейдисты обращаются с концепцией бессознательного довольно бесцеремонно. Очевидно, что психические состояния могут быть "бессознательными" в нескольких весьма различных смыслах, и нет нужды критиковать Фрейда за его позицию относительно состояний, которые он никогда не считал связанными с его собственной работой. Когда Маркс и Энгельс указали, что изменяющиеся человеческие мотивы могут быть реакцией на изменяющиеся экономические ситуации, о которых индивид имеет лишь смутное представление, в том смысле, что он не обязательно осознает их истинную природу или все последствия их влияний на него и мог бы возмущенно отрицать их, если бы ему о них сказали; они имели дело с одним из видов бессознательной мотивации. Промышленник девятнадцатого столетия, полагающий, что неправильно помогать бедным, поскольку это противоречило бы доктрине выживания наиболее приспособленных, был бы искренне возмущен, если бы его обвинили в скупости и садизме, тогда как он просто принимал борьбу за выживание как одну из неизбежных трудностей жизни. Этот тип мотива был замечен Фроммом, который, однако, не делает далеко идущих выводов из факта, что его неосознанность может быть обусловлена не только незнанием, но даже неким видом вытеснения. Хорни и Салливан, с другой стороны, описывают в качестве бессознательных те тенденции, которые:

* В действительности, как показывает название ее книги "*Самоанализ*" (Self Analysis), Хорни верила, что при определенных обстоятельствах это было возможно.

- а) мы можем смутно ощущать, не понимая всей степени их действенности в повседневной жизни, и которые
- б) мы избирательно устраняем из сферы внимания при помощи процесса “селективного невнимания”, подобно описанной Штекелем “скотомизации”.

То, что этот процесс имеет место, не подлежит сомнению, но то, что он имеет какую-либо взаимосвязь с бессознательным в том виде, как оно описано Фрейдом — это очевидный абсурд, хотя, несомненно, некоторые фрейдовские наблюдения могут быть объяснены таким образом. Например, многих истериков, когда они не находятся в состоянии приступа, можно заставить вспомнить события, которые они стараются забыть или можно заставить признать свое отвращение к ситуациям, от которых их защищают симптомы, но это имеет слабое отношение к неосознанности событий, приближенных к биологическому уровню, событий, возможно никогда не существовавших в сознании в вербализованной форме — именно тех событий, которым Фрейд посвятил наибольшее внимание, а Хорни предпочитала игнорировать. Нам очень мало говорят о реальных деталях аналитических сеансов, проводимых неофрейдистами, но нелегко понять как Хорни, будучи многие годы ортодоксальным аналитиком, могла всерьез верить, что понятие бессознательного исчерпало себя в качестве проблемы, обсуждаемой в ее собственной школе. На самом деле настоящая загадка разума состоит не в том, что определенные психические процессы могут быть бессознательными, а в том, что мы вообще можем что-нибудь осознавать; поскольку ясно, что сознание может освещать лишь ту часть реальности, которая важна для целей организма в данный момент времени, и даже из этой части только мельчайшая частичка является отчетливо сфокусированной. Факты могут игнорироваться, потому что они никогда не были выражены словами, потому что они совершенно не согласуются с организацией разума в целом, потому что они не согласуются с определенными аспектами психики, потому что они не были увидены в их подлинном значении, потому что контекст, в котором они находятся, незнаком, или потому что их игнорируют как не относящиеся к делу или несовмес-

тимые по темпераменту, что случается тогда, когда, как отмечали Юнг и Анна Фрейд, эмоциональным типом отвергается мышление, а мыслительным типом отвергаются чувства. Проблема бессознательного не является простой, и то, что кто-то имеет право говорить, что *для терапевтических целей* важным аспектом является тот, который касается защитных механизмов эго (хотя не все психоаналитики согласились бы с этим), не является уважительной причиной игнорирования данных, касающихся происхождения личности. Нельзя не поразиться тому факту, что те аналитики, чьим открытием провозглашенным намерением было расширение рамок психологической теории, закончили изъятием из нее намного большего, чем они к ней добавили.

Юнг, например, знакомит нас с коллективным бессознательным, но его психология индивида становится неясной и туманной версией статической психологии Гербарта. Фромм делает много веских критических замечаний относительно позиции Фрейда, но заканчивает теорией личности, которая, похоже, подразумевает, что со времени получения индивидом при рождении темперамента до доминирующих способов, которыми он связывает себя с обществом в более поздней жизни, происходит очень мало существенного. Теории Салливана имеют действительно очень мало значения для настоящей дискуссии; так как хотя приведенные выше критические замечания имеют некоторое отношение к его взглядам, а его самого обычно считают неофрейдистом, мысли Фрейда оказали на него сравнительно незначительное влияние, разве только в том смысле, что ими пронизана вся психиатрия. Его (Салливана) истинными духовными истоками является американская традиция в психологии, начиная от Уильяма Джеймса и далее до социальных психологов К.Х.Кули и Дж.Г.Мида, и американская психиатрия, как она представлена Адольфом Мейером, основателем школы психобиологии и, возможно, величайшим американским психиатром старой традиции. Подобно подходу Мейера, подход Салливана в существенной степени эмпирический и это, возможно, объясняет его большие практические способности, сочетающиеся с относительной неспособностью выразить свой метод словами — подход

Салливана не представляет собой стройной теории, увязывающей воедино и отшлифованной, но он на это и не претендовал. Эта чисто американская традиция развивалась скорее параллельно с фрейдовской, чем следовала за ней, и включает огромное количество информации и наблюдений — почти чересчур большое для систематизации. Настоящее различие между Салливаном и Фрейдом — это различие между эмпирической мыслью и мыслью блестящего теоретика: что общего между Салливаном и неофрейдистами, — это их отрицание первичности более специфических биологических потребностей, которые рассматриваются как вторичные по отношению к межличностным взаимоотношениям и усилиям по самосохранению. В этом состоит суть дела в отношении неофрейдистов, ибо, как отмечает Гарднер Мерфи, если конфликтующими сущностями в неврозе являются социализированные склонности, нам придется объяснить, какие исходные телесные проявления (*body activities*) в обществе фрустрированы. Адлер говорит нам, что слабость нетолерантна, но не говорит почему; другие многословно рассуждают о потребностях эго, не говоря при этом, почему должно существовать столь страстное стремление к статусу, или почему человек не может просто сидеть тихо и принимать существующее положение — что в действительности многие люди и делают. Это скорее похоже на обсуждение теории голода без предварительного объяснения, почему люди нуждаются в пище. Нет причины, по которой неофрейдисты не должны были бы заниматься межличностными взаимоотношениями, но это не освобождает их от необходимости принимать во внимание биологические основы, из которых они произрастают.

Глава 10

ОЦЕНКИ И ПРИЛОЖЕНИЯ РАССМОТРЕННЫХ ТЕОРИЙ

Раз уже понятно, что принятие общей точки зрения психоанализа не более обязывает нас к принятию философии Фрейда или общепринятых допущений его времени, чем принятие ньютоновской теории обязывает нас принимать его специфические теологические доктрины или его алхимические взгляды, то открывается путь для рассмотрения психоаналитической теории как одновременно теоретического и прикладного подхода в психологии. Наука требует жесткой дисциплины и такого отношения, которое никто не способен поддерживать постоянно, и фрейдовский безупречный подход к отысканию фактов ни в коей мере не дискредитируется демонстрацией того, что он был человеком своего времени со своими сильными личными убеждениями. Когда он в свои поздние годы заинтересовался телепатией и действительно опубликовал несколько статей по этому предмету, Фрейд писал в ответ на письмо Джонса, спрашивающего, будет ли теперь телепатия включена в психоанализ в качестве его составной части: "Если кто-нибудь представляет, что я впадаю в грех, просто спокойно ответьте ему, что обращение к телепатии — это мое личное дело, подобно моей принадлежности к иудейской вере, моей страсти к курению и многим другим вещам, и что тема телепатии по существу чужда психоанализу." Справедливость критики психоаналитической ортодоксии не в том, что неверны были методы и наблюдения Фрейда, но в том, что действительно был неверным подход той группы людей, которая сводила его выводы до уровня социологии Герберта Спенсера, антропологии, которая была наполовину спекулятивной, наполовину сказками путешественников и исключительно наивной моральной и политической философией; что они имели самонадеянность, граничащую с безумием (*dottiness*) утверждать что только члены их группы

способны критиковать психоаналитические теории, в то время как мы знаем, что вряд ли кто-либо из них доверял озарениям других или был способен отличать личное чувство лояльности от преданности научной истине. В действительности, с точки зрения общепринятых критериев, теория Фрейда исключительно хороша, она объясняет огромное количество фактов с минимальным количеством предположений, и в целом делает это экономно и убедительно. Она ставит новые вопросы, предлагает дальнейшие приложения, и этим отличается от ограниченной (*open-and-shut*) теории Адлера, которая не имеет приложений вне сферы клиники, для которой она была разработана, и является экономной в ущерб адекватным деталям. Какие бы критические замечания ни делались в адрес фрейдовских теорий, остается неизменным тот факт (и это, возможно, вышедший аспект его огромного гения), что не претендуя на знание всех ответов, он прекрасно знал, какие вопросы должна задавать психология. Одним лишь допущением психического детерминизма Фрейд перенес любое проявление иррационального в сферу научного исследования, показывая, что независимо от того, что сказал или сделал индивид, в этом всегда содержится правда, не обязательно о реальности, но о самом индивиде. Нормальный или ненормальный, пьяный или трезвый, образованный или неграмотный, гений или идиот, рациональный или иррациональный, больной или здоровый, проекции индивида или проекции социальных групп — все это научные факты, которые можно интерпретировать. Старая критика состоит в том, что Фрейд набирал свой материал в относительно небольшой группе венских невротиков, которые были не только нестабильны в своих суждениях, но и обсуждали события или сообщения о событиях, предположительно произошедших много лет назад, и казавшихся маловероятными даже во время рассказа о них.

Эта критика обнаруживает полное непонимание его подхода. Так, когда было обнаружено, что сексуальные совращения (*seductions*) в раннем детстве, о которых сообщали его пациенты, на самом деле не имели места, Фрейд, после возникшего поначалу разочарования, пришел к понима-

нию — не менее важно, что пациенты чувствовали себя так, *как если бы* это произошло на самом деле. Индивиды и группы выдают себя материалом, который они проецируют на внешнюю реальность, и конечно же тот факт, что они поступают таким образом, является основой проекционных методик в личностных тестах, широко используемых современными психологами. Мифы, сказки, литература, политические и религиозные убеждения, искусство становятся научно значимыми для психолога в такой же степени, в какой они *не* соответствуют фактам внешней реальности, и из этого следует обратное утверждение — насколько они соответствуют реальности, настолько они не являются делом психолога.

К несчастью, психоаналитики не всегда это понимали, и в результате мы видели как Ранк и другие делали наиболее далеко идущие интерпретации предметов культуры, таких как кувшины и чаши, копья и мечи, значение которых трудно объяснить адекватно с точки зрения практичности. То, что такие предметы могут *приобретать* значение, отличающееся от исходного, самоочевидно, но трудно себе вообразить сосуд какой угодно формы, которая не выдавала бы того факта, что, как и матка, он предназначен для того, чтобы вмещать; а если копья и мечи были созданы *потому, что* являются фаллическими символами, нам придется изрядно напрячь свою изобретательность, когда от нас ожидают найти сексуальное значение камней, бомб или ядовитого газа. Тот факт, что предметы со сходной функцией имеют тенденцию обладать подобной формой, не дает нам право предполагать вместе с фрейдистами, что хронологически более ранние экземпляры данного предмета *были причиной* появления последующих экземпляров, или предполагать вместе с Юнгом, что они являются имитацией архетипических объектов или идей.

Вообще говоря, из врачей получаются плохие ученые, потому что ученый должен быть хорошим теоретиком, а врач — хорошим практиком и эмпириком; и тот факт, что какое-либо толкование или метод работает на практике, не имеет ни малейшей связи с его научной истинностью. Обращаясь в 1959 году к Британской Медицинской Ассоциации, выдающийся невролог Лорд Адриан описал огромный

переворот, внесенный теорией Фрейда в область медицины, но при этом отметил, что ее терапевтические результаты не могут быть доказательством ее истинности, так как вся история медицины показывает, что научная достоверность определенного направления терапии не всегда тесно связана с ее успехом. "В прошлом успех в лечении невротических жалоб приписывали столь разным методам как удаление толстой кишки (*removal of the colon*), закрепление блуждающей почки и накладывание рук (*the lading on of hands*)" — утверждал он, и невозможно отрицать, что это так — с тех пор, как даже ортодоксальные психоаналитики громкогласно заявили, что успехи других школ обусловлены ничем иным, как внушаемостью пациента. Однако основная причина, благодаря которой психоанализ оказался применим к человеку с улицы, к живописцу и романтику (который не мог постигнуть адлеровской теории искусства), работнику социальной сферы и психиатру (который понимал, что содержание шизофренических фантазий можно понять с точки зрения Фрейда или даже Юнга, но никогда с позиций Адлера), состоит в том, что его можно применить в реальной ситуации, тогда как несомненно важные результаты, полученные экспериментальными психологами, применить здесь, как правило, невозможно. Их, конечно же, можно применить во многих ситуациях — в тестировании и профессиональном отборе, в индустрии, в образовании и т.д. — но очень редко в тех случаях, когда индивид рассматривается как личность.

Юноша с сексуальными проблемами, психиатр, нуждающийся в понимании своего пациента, романист или рекламная фирма, использующая мотивационные исследования, извлекли бы мало пользы из учебника по психологии; но Фрейд показал, сколь многие формы поведения от домашней жизни обычного мужчины или женщины до жизней богов, от одиночного акта насилия до обширных военных действий с участием миллионов людей, могут быть связаны вместе в общепринятом контексте, имеющем определенный смысл. Эта модель оказалась удовлетворительной (а) так как она обладала внутренней логикой, (б) так как она, по-видимому, адекватно объясняла поведение и (в) так как

после привыкания к незнакомой терминологии оказывается, что фрейдовская теория говорит о вещах, о которых мы все время неосознанно догадывались. Профессор Ноткутт (*Психология личности*) отмечает, что даже те, кто считает символизм сна слишком далеко идущим (*far-fetched*) или нелепым (*ridiculous*), часто прекрасно знают его значение.

Человеку приснилось, что выйдя на кухню и открыв электрическую печь, он увидел внутри лежащую на подносе сдобную булочку с изюмом; после пробуждения сон показался ему абсолютно бессмысленным; тем не менее, когда в соседнем баре один солдат сказал ему: “У моей жены сдобная булочка в печке”*, он без труда понял, что тот имел в виду. Как говорит Ноткутт: “Любой, кто провел несколько часов, опираясь на стойку бара и слушая пошлые шутки, наверняка услышал в сознательной форме все сексуальные символы, “открытые” Фрейдом в его “Толковании сновидений”. При хитринке в голосе и отблеске стаканов, подчеркивающим контекст, нетрудно интерпретировать большинство символов, которые были бы глубоко спрятанными в другой ситуации.”

Многие из описанных Фрейдом защитных механизмов настолько нам знакомы, что уже давно включены в повседневную речь: “Никто не слеп настолько, как тот, кто не хочет видеть” (вытеснение или диссоциация), “пинание кошки” (смещение), или человек, который видит сучок в глазу брата своего и не видит бревна в своем собственном (проекция) — все это яркие тому примеры. Обычные мужчина или женщина *знают*, что ребенок с раннего возраста интересуется загадкой рождения, своими гениталиями и физиологическими отправлениями; что человек обычно скорее обращается к “папиной маленькой девочке” или “маминому маленькому мальчику”, чем наоборот; что сны обладают неким смыслом (хотя и отличным от их явного содержания); что люди часто ошибаются “намеренно”; что заявления о сексуальной наивности или о пацифистских склонностях наиболее часто делаются теми, в ком можно подозревать обратное, и никакая критика научного психолога не заставит его думать иначе. Если психология не в состоянии вклю-

* Т.е.: “Моя жена беременна” (англ.) — *Прим. ред.*

чить в себя подобные повседневные наблюдения, тем хуже для психологии. Не требуется большого воображения, чтобы обнаружить, что дети пылких атеистов или агностиков скорее становятся пылкими католиками или перенимают взгляды своих родителей, чем остаются безразличными к религиозным вопросам. Легко также заметить, что их позиция скорее определяется сыновним отношением, чем интеллектом. Можно согласиться с тем, что подобные выводы получены интуитивным путем и, следовательно, не всегда выражены в приемлемой для ученого форме и не подтверждены с его точки зрения адекватными доказательствами. Можно отрицать адекватность доказательств, предложенных Фрейдом. Но то, что эти выводы следует отвергнуть как абсолютно ненаучные по своей природе, является специфической концепцией экспериментального психолога.

Профессор Энсенк в своем эссе под названием "Что неправильно в психоанализе?" (*Uses and Abuses of Psychology*) поддерживает эту точку зрения и отмечает проводимое немецкими философами разграничение между *verstehende* психологией (то есть, психологией здравого смысла, пытающейся *понять* человеческие существа) и *erklärende* психологией, пытающейся на научной основе описать и *объяснить* их поведение). Он указывает на то, что психоанализ прямо относится к первой категории, а затем заявляет "весьма кратко и авторитетно" что, "следовательно, он по существу ненаучен и о нем можно судить скорее с позиций веры и религии, чем доказательства и верификации, и что, наконец, его большая популярность среди людей, не занимающихся наукой, обусловлена как раз его ненаучной природой, делающей его понятным и прямо применимым к проблемам "понимания" других людей. Я убежден в том, что это утверждение является скорее констатацией факта, чем оценочным суждением." Эта позиция заслуживает упоминания, но столь же авторитетно следует сказать, что она не из тех, которые широко поддерживаются психологами: в целом, что контраст между *verstehende* и *erklärende* психологией неприложим к обсуждаемым здесь вопросам, поскольку методы Фрейда полностью согласовывались с обычным научным подходом, и что если Фрейд и ввел неумест-

ную метапсихологию, было бы столь же легко показать, что строгое использование научного метода психологами часто приводило к результатам, сравнимым по абсурдности с любыми выводами психоаналитических школ, хотя и по в точности противоположной причине: из-за недостаточного внимания к более широкому контексту объекта исследования. В немецком языке контраст между *verstehende* и *erklärende* не сводится к контрасту между простым пониманием и объяснением, которые в английском языке означают во многом один и тот же процесс, в том смысле, что когда нечто надлежащим образом *объяснено*, вполне разумным будет сказать, что оно *понято*; в немецком же языке подразумевается контраст между *интуитивным пониманием* (как, например, в выражении “Мне понятны ваши чувства”) и *научным объяснением в терминах “законов”* — которые, конечно, не являются законами в обычном смысле, но представляют собой утверждения о степени вероятности, достигаемой в процессе индукции из большого числа индивидуальных наблюдений.

Когда подтверждение большого количества подобных наблюдений указывает на высокую степень вероятности, мы говорим о научном законе, когда степень вероятности не столь высока, мы говорим о теории, а когда она еще ниже, мы говорим о гипотезе; эти крайние случаи закона и гипотезы разнятся количественно, а не качественно. Дело обстоит таким образом, (1) потому что невозможно подвергнуть проверке все случаи, которые могут обосновать закон, и (2) потому что невозможно исследовать каждую гипотезу, которая может объяснить данное явление и, следовательно, при прочих равных условиях с большей вероятностью предпочтение будет отдано той гипотезе, которая согласуется с уже упомянутыми критериями. Так же любой закон не является универсально “истинным” вне зависимости от обстоятельств, ибо даже физические законы, подобные уравнениям Бойля или Шарля, касающихся взаимоотношений между объемом, температурой и давлением газов, истинны лишь в пределах весьма узкого диапазона температуры или давления; таким же образом эдипов комплекс, в том виде, в каком он был описан Фрейдом, был

тем, который он наблюдал в буржуазной Вене на переломе столетия, и, как указывает Феникель, находки Малиновского на Тробрианских островах показывают не то, что есть местности, где не существует эдипова комплекса, а скорее то, что формы, приобретаемые этим комплексом, варьируются от культуры к культуре. Обстоятельства изменяют положение дел как в физике, так и в психологии, и одним из самых распространенных заблуждений строго экспериментального ученого является игнорирование того факта, что они действительно его изменяют, или игнорирование того, насколько широко могут простираются "обстоятельства". На-пример имела место, а возможно и до сих пор существует, экстраординарная неспособность некоторых психологов видеть что там, где речь идет о человеческих существах, само воздействие эксперимента становится дополнительным фактором, с неизбежностью отражающимся на результате; так до Мэйо, промышленные психологи просто предполагали (как ему удалось показать, предположение было ложным), что всякое изменение физической среды цеха, за которым следовали изменения в психологической атмосфере или производительности со стороны рабочих, должно быть единственной причиной перемены.

Первые исследования восприятия основывались на том ошибочном предположении, что восприятия не подвержены влиянию ожиданий, социальных норм, потребностей, комплексов и других эмоциональных факторов, образующих важное условие всякого эксперимента. Вместо зачастую неаккуратного и неточного способа самовыражения психоаналитика, его скверной логики и еще более скверной метафизики, психолог часто представляет нам точку зрения настолько наивного научного метода, что приводит этим в замешательство критика, стремящегося отвергнуть ненаучные элементы фрейдистской теории. То, что двое американских психологов должны просить студентов колледжа вспоминать наугад приятные и неприятные переживания, исходя из предположения, что если вытеснение имеет место фактом, будут вспоминаться скорее первые, чем вторые, довольно скверно; то, что, как утверждает профессор Эйсенк, группу сильных, и предположительно, нормальных ин-

дивидов уговорили голодать в течение длительного периода времени, чтобы доказать, что фрейдовская теория сновидений как исполнений желаний была ложной, поскольку им не снилась пища, злоупотребляет нашим доверием; однако то, что выдающийся педагогический психолог должен торжественно “доказать”, что эдипов комплекс является мифом при помощи простого опроса некоторых других профессиональных психологов о предпочтениях их собственных детей в пользу того или иного родителя, опрокидывает всякое понимание.

Фрейд никогда не говорил, что неприятные переживания как таковые с большей вероятностью забываются; он говорил, что переживания, которые могут противоречить другим доминантным тенденциям личности, с большей вероятностью подвержены вытеснению, независимо от того, были ли они переживаниями приятными или нет; он не говорил, что в течение сколько-нибудь значительного периода времени ребенок проявляет очевидное предпочтение по отношению к родителю противоположного пола, потому что само слово “комплекс” относится к *бессознательным* отношениям, являющимся бессознательными именно потому, что они запрещены; он не утверждал, что голод вызывает у человека сны о пище, хотя исследователи и другие люди, непреднамеренно испытывавшие голод, подтверждали подобную зависимость, и он наверняка разглядел бы ошибочность предположения о том, что добровольное и экспериментальное голодание имеет в своем эмоциональном значении какое-либо сходство с недобровольной ситуацией, в которой дело идет в первую очередь не о недостатке пищи, а об угрожающей близости смерти. “Ты думаешь, на мне играть легче, чем на свирели?” — спрашивал Гамлет, и по видимому некоторые психологи убеждены в том, что ответ на задуманный в качестве риторического вопрос должен быть утвердительным. Не более бессмысленным было бы тогда задать Гамлету простой вопрос: “Есть у тебя эдипов комплекс или нет?” (Возможно, по зрелому размышлению, было бы более научным спросить об этом его мать-королеву, естественно бывшую в более выгодном положении для наблюдения за детскими реакциями Гамлета, да к тому же

интеллигентную и беспристрастную свидетельницу.) Эйсенк отвергает психоаналитическое понятие реактивного образования, которое, по его словам, допускает, что человек, который теоретически должен был бы продемонстрировать модель поведения А в столь значительной степени противодействует этому образцу, что демонстрирует противоположный образец поведения Z (как в случае, когда под воздействием процесса вытеснения яростная агрессивность приводит к навязчивой нежности). Это, сетует он, допускает верификацию гипотезы независимо от того, робок рассматриваемый индивид, или агрессивен. Возможно, эта гипотеза с трудом выражается в терминах аристотелевской логики, хотя и вполне соответствует гегелевской диалектике, однако заблуждение заключается в предположении о том, что принудительная нежность и агрессивность являются скорее противоположностями, чем вариациями в пределах шкалы "конфликта по поводу агрессии", слабо представленного по-настоящему нежного человека. В действительности это утверждение говорит о том, что конфликт по поводу власти на ранних этапах жизни предрасполагает к конфликту по поводу власти в дальнейшем — что существует некий тип "псевдо-нежности", распознаваемый большинством людей без помощи психологического теоретизирования и резко отличающийся от подлинной нежности, являющейся результатом отсутствия подобного конфликта.

Отношение экспериментального психолога к измерению черт личности совершенно непонятно для тех, чей подход является фундаментально динамичным. Например, предполагаемая "черта" внушаемости исследуется посредством наблюдения за реакцией индивида с закрытыми глазами и сведенными вместе ногами, которому внушают, что он раскачивается, степень раскачивания измеряют, хотя кажется нет ни малейшего априорного основания предполагать, что внушаемость представляет собой поддающуюся измерению унитарную черту, в значительной степени присущую одним и в меньшей степени другим людям, еще меньше оснований предполагать, что если бы она и была таковой, она находилась бы в определенном соотношении с раскачиванием, и нет вообще никаких оснований полагать, что внушае-

мость не зависит от того, кто производит внушение, что внушается, или от психического и физического состояния субъекта внушения во время проведения теста.

Здесь снова-таки предполагается что субъект, *претендующий* делать что-либо в ходе эксперимента, реагирует таким же образом, как и в реальной ситуации, и неясно, как психолог предлагает использовать свои результаты в случае успешного облачения остова личности во все присущие ей черты в точно определенных количествах, подобно пронумерованным областям на голове чучела френолога. Что тогда произойдет? Вполне простительно предположить, что ответ (поскольку эти черты никогда не влияют друг на друга) окажется следующим: никому нет особого дела до того, что они будут делать. Доктор Раймонд Кэттел (Raymond Cattell) из Иллинойского Университета — другой видный психолог, прельщенный перспективой создания психологии, основанной на измерении, поскольку ничто, кажется, не является подлинно научным, если не пользуется математикой. Однако наш первоначальный энтузиазм — если только мы не исключительно доверчивы — быстро угасает под влиянием того открытия, что хотя его работы и изобилуют числами и символами, они основаны на ответах на вопросы, подобные следующим: “Приходите ли Вы вовремя на назначенную встречу?”, “Чувствовали бы Вы смущение, вступая в нудистскую колонию?”, “Считают ли Вас люди гордым, высокомерным, своевольным человеком?”, “Считаете ли Вы, что людям следует более строго придерживаться моральных законов?”, “Присуща ли Вам страсть к путешествиям?”. Несомненно, составитель подобного вопросника должен отдавать себе отчет в том, что любой откровенно отвечающий на эти вопросы (если он не действует в интересах чистого исследования) сообщит тестирующему одну единственную вещь: тестируемому следует обратиться к психиатру. Ибо эти вопросы предполагают ценностные суждения, и более всего в Соединенных Штатах, где они и используются, и только дурак поступил бы иначе, чем ответил на них таким образом, чтобы представить себя в наилучшем свете. Более того, они касаются предметов, относительно которых люди более чувствительны, чем относительно наиболее ин-

тимных деталей своей сексуальной жизни, потому что относятся к ним с большей ответственностью. Многие люди скорее сознались бы в извращенных сексуальных практиках, чем в том, что другие считают их гордыми и высокомерными, или в том, что они легкомысленно относятся к назначенным встречам, а всякий американский мужчина, признавший свою неспособность жить в соответствии с национальным стереотипом "мужественности", включающим предпочтение красного, а не голубого типа крови, крайнюю коммуникабельность и отвращение к одиночеству, пунктуальность, широту взглядов и терпимость ко всем, за исключением "гомосексуалистов" и коммунистов, щедрость и поддержку Церкви "или какого-то другого стоящего дела", уже лечился бы у психоаналитика, при том, что этот вопрос задавался во имя науки.

Эти взгляды отнюдь не типичны для психологии в целом, и в общем можно сказать, что хотя психологи обыкновенно не имеют дела с тем материалом, который интересует психоаналитика и склонны вообще оставлять без внимания вопрос о личности, они благосклонно, а то и некритично относились к теории Фрейда. Несомненно то, что лишь немногие учебники по психологии оставляют без внимания Фрейда, а многие из них основаны на его теориях, тогда как ни один из них никогда не основывался на адлеровской или юнговской теории, а другие школы редко даже упоминаются. Адлер зачастую упоминается в связи с механизмом компенсации, а Юнг в связи со словесно-ассоциативным тестом или с интровертно-экстравертным измерением личности, однако их теории как таковые не являются признанными в качестве серьезных вкладов в научное познание.

Причина такой дискриминации ясна. Она заключается в том, что из всех основателей аналитических школ лишь один Фрейд понимал и всесторонне использовал в своих изысканиях научный метод. Подход Фрейда был столь же логичен, а его находки столь же тщательно проверены, как и в случае с Павловым, но он был способен успешно работать с явлениями, для Павлова недоступными; ибо, несмотря на опровержения, фактом остается то, что основания его метода — психический детерминизм и безжалостная логика свободных ассоциаций — являются научными, охватывая при

этом более обширную область опыта, чем что-либо прежде или после них. Стоит еще раз повторить, что, не полагаясь на интуицию, метод Фрейда использовал все сказанное кем-либо в любое время и в любом месте, не взирая на истинность или ложность в терминах внешней реальности, в качестве исходных данных для раскрытия динамики личности, точно таким же образом, как метеорологические данные могли бы быть использованы для составления карты погодных условий той или иной географической области. Учитывая, что эти данные впоследствии относят к фундаментальным психическим процессам, вряд ли уместно говорить, что они были первоначально получены от австрийских евреев среднего класса, страдающих истерией (если это действительно так), поскольку даже в то время было ясно, что они в такой же степени приложимы к нееврейским представителям британского рабочего класса, или к андаманским островитянам. Любопытно, что те, кто не были бы готовы утверждать, что физиология пищеварения или дыхания признает национальные, религиозные или классовые границы, готовы сделать исключение в случае с фундаментальной динамикой разума.

Отмеченные культурными школами различия являются вариациями, не затрагивающими основополагающих вопросов, и если мы хотим отвергнуть теорию Фрейда, мы должны либо отвергнуть детерминизм и обоснованность техники свободных ассоциаций, признавая таким образом существование областей опыта, к которым неприменимы правила науки, либо — что было бы отношением, покоящимся на более прочном основании — отрицать обоснованность фрейдовой интерпретации этих данных. Работа, сделанная Фрейдом, не представляет собой ограниченной теории, относящейся к типу теорий, излюбленных экспериментальными учеными и, следовательно, не подлежит сравнению с законами Бойля и Чарльза, Ома или Вебера и Фехнера, математически описывающими соотношения между небольшим количеством данных в пределах узкой сферы наблюдений; она является гипотезой, охватывающей широкий спектр фактов при соответственно менее всеохватывающей точности в отношении подробностей. В этом отношении по форме

она сравнима с гипотезами Ньютона, совершившими образный прыжок в космос на основании небольшого числа наблюдений за поведением падающих на землю объектов — хотя, к счастью для Ньютона, никто не был достаточно глуп, чтобы сетовать на непроверенность его гипотезы на экстрагалактических туманностях. Утверждения Ньютона и Фрейда не были достаточными для объяснения каждого явления, и поэтому они описываются в качестве гипотез, однако Фрейд все еще ждет своего Эйнштейна.

Относительный статус Фрейда в глазах мирового сообщества выразительно продемонстрирован во множестве книг, написанных ортодоксальными психоаналитиками или написанными о его трудах людьми, не принадлежащими к психоаналитическим школам. Их, конечно, великое множество. Тем не менее, на основании достаточно широкого знакомства с литературой другой аналитической школы было бы трудно найти хотя бы полдюжины значительных комментаторов Адлера за последние двадцать лет, и хотя сам Юнг был одним из наиболее плодотворных авторов, его англо- и немецкоязычные комментаторы того же периода лишь немногим более многочисленны, несмотря на то, что его труды часто обсуждались в статьях и, в определенной степени, в книгах интеллектуалов, не являющихся психологами. Британские и американские психиатры совсем не упоминают Юнга в стандартных учебниках за исключением ставшей уже исторической работы о шизофрении, одной из его наиболее ранних публикаций, увидевших свет задолго до его разрыва с Фрейдом. Фактически, из всех обсуждаемых здесь авторов (включая Анну Фрейд и Мелани Кляйн) только Фрейд и Юнг оказали сколько-нибудь значительное влияние в Европе в отношении теории и психотерапевтической практики, а неофрейдисты оказали здесь не большее влияние, чем Кляйн в Америке. Возможно, наиболее ясная картина их относительного значения, не обязательно связанного с их научной обоснованностью, может быть получена из краткого сообщения о распределении школ в Европе и Америке, являющихся, как мы видели, основными центрами.

Неофрейдизм в Америке сосредоточен в Нью-Йорке, где Хорни образовала группу, известную как Общество Расп-

ространия Психоанализа, имеющую свой собственный Институт подготовки аналитиков. Группа Салливана была основана в Вашингтоне и Балтиморе и известна как Фонд Уильяма Алансона Уайта, также имеющий институт в Нью-Йорке, с которым был связан Фромм, хотя большая часть работы последнего была направлена на преподавание и написание работ. Тем не менее, значительно большее число аналитиков в Соединенных Штатах остаются более или менее ортодоксальными фрейдистами, как например важный Институт в Чикаго, возглавляемый Францем Александером, и, за исключением неопрейдистов, большинство остальных школ имеют относительно незначительное число последователей. Существуют небольшие, разбросанные по стране адлеровские и юнговские группы, однако фактически адлеровская психология как система отмирает, не столько из-за отказа от нее, сколько в результате поглощения другими школами (если говорить о медицинских подготовленных аналитиках). Она, однако, все еще используется работниками сферы образования, воспитания детей, а также консультативных служб. Наиболее сильные юнговские группы находятся в Англии и Швейцарии, однако, благодаря своему более многочисленному населению, Америка, возможно, обладает большим общим числом юнговских аналитиков, чем любая из этих двух стран. Юнговцы — едва ли не единственная не-фрейдистская группа, удержавшая свои позиции, а в последние годы, возможно, даже упрочившая их, в особенности вне медицинской и научной сфер. Юнга многие стали считать мудрецом или пророком нашего времени, в особенности те, чья подлинной целью является изобретение некоторого рода религиозной позиции и стремление представить Фрейда слишком материалистичным. Лишь немногие аналитики, как в Европе, так и в Америке, все еще используют методы Ранка, Райха и Штекеля, однако эти школы никогда ни в малейшей степени не интересовали научного психолога.

Если при рассмотрении различных школ мы желаем избежать ошибки в оценке их всех по одним и тем же стандартам, необходимо иметь в виду следующие моменты:

- (1) все они в значительной степени имеют своим истоком Фрейда и часто начинают изложение своей позиции с критики ортодоксальной точки зрения;
- (2) имеется мало — действительно поразительно мало — расхождений во мнении об актуальных клинических наблюдениях, а основные разногласия касаются их непосредственной интерпретации, их относительной значительности, контекста, в который они вписываются, а также их значения для психотерапии;
- (3) ни в одном из случаев они не охватывают одну и ту же группу явлений (например, Юнг, Ранк и Фрейд пространно обсуждают культурные явления, Адлер и Хорни сосредоточены на индивидуальном эго);
- (4) не все намереваются представить последовательное в научном отношении описание личности, но, скорее, те аспекты личности, которые имеют отношение к методу и теории психотерапии, в том виде, в каком она практикуется данной школой; она в свою очередь связана с такими факторами, как темперамент основателя школы, тип пациентов, с которыми ведется работа, а также им самим установленные терапевтические ограничения.

Разумеется, когда речь идет о теории такого рода, было бы тщетным подвергать ее критике в терминах научной теории личности, ибо в подобной ситуации она может считаться “неверной” лишь в том случае, если она несостоятельна в терапевтическом отношении или если она основана на предположениях, в ложности которых психолог убежден при достаточно веских основаниях. Большинство психологов признали это значительное отличие. Они приняли теории Фрейда на основании его собственной их оценки в качестве серьезного вклада в научную психологию, и они большей частью оставили без внимания Юнга, потому, что, каковы бы ни были его намерения, его теории не являются выраженными в научной форме, как не являются они и методом научного доказательства или опровержения. Это утверждение отнюдь не является оценочным суждением и ни в малейшей степени не противоречит широко распространенному убеждению в том, что Юнг является великим и глу-

боким мыслителем; это лишь признание того, что его труды допускают научную оценку не в большей мере, чем труды Кьеркегора или Сартра, Ницше или Паскаля. Когда речь идет о других школах, психолог, занимающийся теорией личности, готов принять, или, по крайней мере, обратить внимание на критику неопределенности теории Фрейда; он интересуется юнговской теорией типов личности (которая теоретически может быть подвергнута проверке), адлеровским описанием определенных защитных механизмов эго, и, возможно, сообщениями Адлера и Кляйн об истоках любви и ненависти на ранних этапах жизни, поскольку, в отличие от психоаналитика, он не связан обязательствами почти всецелого принятия фрейдистской ортодоксии. В целом он готов принять психоаналитическую теорию в качестве полезной системы взглядов, которую следует модифицировать и откорректировать исходя из научных позиций, потому что действительно существует фрейдистская *нормальная* психология, социальная психология, и антропология, представленные сегодня такими авторитетами как Анна Фрейд, Мелани Кляйн, Рохейм и Кардинер. Снова таки, это не оценочное суждение, и интерес, проявляемый к их работам, не противоречит убеждению в том, что выражаемые ими взгляды во многом ошибочны, однако фактом является то, что ни один детский психолог сегодня не оставит без внимания теорий А. Фрейд и Кляйн, и ни один антрополог не может проигнорировать Рохейма или Кардинера, в сколь многом бы он с ними ни расходился. Однако, хотя в Америке существуют неопределенные школы, описываемые как хорнианские, фроммовские и саливановские, нелегко увидеть, в чем заключаются их особенности и на основании каких новых и объективных клинических данных покоятся их расхождения с Фрейдом или друг с другом. Ни одной из этих трех школ не было представлено какого-либо систематического отчета, дающего право претендовать на создание новой теории, и они оставляют лишь общее впечатление того, что Фромм — это человек широкой, если и не особенно оригинальной эрудированности, во множестве отношений не согласный с Фрейдом и, вполне резонно, пытающийся теснее связать свои мысли с современными

взглядами; что Хорни расходится с Фрейдом на сходных основаниях и является творцом теории адлеровского типа, не отрицающей бессознательное, но во многом игнорирующей его в пользу анализа межличностных взаимоотношений пациента; что Салливан мало критикует Фрейда, который, во всяком случае, не был одним из основных источников влияния — или, по крайней мере, *самым* основным — в развитии его психологических взглядов, но что он также главным образом занимается деформациями личных взаимоотношений, суждений и поведения в том виде, в каком оно проявляется в ситуации переноса.

Мы остаемся в неведении в отношении того, какие элементы теории Фрейда Фромм *все же* признавал, поскольку, не будучи проинформированными об обратном, мы приходим к мысли, что он был ординарным фрейдистом, видевшим, что культурное мировоззрение Фрейда устарело или, по крайней мере, не является универсально применимым. **Не** слишком много мы узнаем и о Хорни, помимо ее кабинетной практики; разве что большинство людей признало **бы** интересным и красочным описанием происходящего в межличностных взаимоотношениях на довольно поверхностном уровне, выполненными так, как они могли бы быть выполнены чутким бихевиористом, наблюдающим реакции индивидов без какого бы то ни было подобия анализа. О других формах поведения она не рассказывает нам ничего. Салливан приводит в еще большее замешательство, поскольку, создавая видимость неудовлетворенности фрейдовскими механистическими способами описания, свое собственное описание в терминах “динамизмов” он выражает мучительно уклончивым языком, наиболее раздражающим тем, что он скорее запутывает, нежели проясняет дело, и даже создает впечатление того, что его сложность является умышленным “пусканием пыли в глаза”. Вот он изъясняется со всей прямолинейностью оригинальничающего сторожила, склонившегося над стойкой салуна — никаких небылиц о “либидо”, речь идет о “похотях”, и всякому известно, что *они* вступают в силу в пубертатный период, а не на более ранних оральных или анальных стадиях — а минуту спустя он изобретает неологизмы со всем апломбом среднезапад-

ного торговца лекарствами собственного изобретения, чье классическое образование началось и закончилось годичным изучением приготовления и распределения медикаментов, давшим ему возможность выписывать и читать рецепты. В этом отношении он превосходит любой из американских научных учебников, подверженных тенденции быть либо предельно “близкими к народу”, либо настолько переполненными подробностями и новыми словами и фразами, что становятся совершенно непонятными (фактически, труды одного видного социолога нашли здесь отклик из-за их чрезвычайной непонятности, поэтому создавалось впечатление, что ему непременно есть что сказать, особенно учитывая усилия, приложенные к изобретению нового языка). Салливан пользуется обоими методами, от архаичного “посредственного примера” и неправильного употребления обычно используемых слов наподобие “эйфории”, до наполовину напыщенного, наполовину популярного определения динамизмов как “относительно продолжительных конфигураций энергии, манифестирующих себя в поддающихся характеристике процессах в межличностных взаимоотношениях” и не являющихся “некими причудливыми субстанциальными двигателями, региональными организациями, или особенным более или менее психологическим аппаратом, наши знания о котором на сегодня равны нулю”. Осознание того, что стиль Салливана специфичен, не является чисто личным; это отмечалось многими критиками, а другой американец, Рас Манро, обнаруживает в нем “сомнительное сочетание блестящих фейерверков остроумия”, что однако не представляет собой общего впечатления, испытываемого по его поводу другими людьми.

Очевидным является то, что эти три школы ориентированы скорее социально, чем биологически; что они прямо или косвенно критикуют метапсихологию и социальную психологию Фрейда; и что Хорни и Салливан почти исключительно озабочены клиническими проблемами, а Фромм — социологическими. Фактически на основании его основных работ невозможно обнаружить, откуда аналитические последователи Фромма почерпнули свои специфически фроммовские клинические данные, поскольку даже в ранних докла-

дах, опубликованных на немецком языке, он кажется сосредоточенным преимущественно на моральных и социальных вопросах уже описанного рода, а не на работе с пациентами. Характерной чертой является их акцент на эго и отношениях в социальном контексте, в то время как бессознательное не принимается во внимание и упоминается лишь в качестве средства объяснения того, каким образом на ранних этапах жизни возникают искажения отношений и ощущения реальности. Логическим следствием такой позиции является анализ переноса, как модели межличностной ситуации. Стоит также заметить, что здесь менее подчеркиваются биологические факторы и что личность рассматривается — в особенности у Салливана — в качестве результирующей социальных отношений, хотя Фромм уделяет некоторое внимание темпераменту, а Хорни весьма туманно говорит о “настоящей” самости, несмотря на то, что согласно любой межличностной теории личности “невротическая” самость начинает развиваться с самых ранних дней жизни. С точки зрения практики главным недостатком этих школ является отсутствие системы и недостаток подробностей, из-за чего они составляют контраст к позиции Фрейда, и даже логике Адлера, просто игнорировавшей те аспекты поведения, которые не укладывались в схему или рассматривались им как не относящиеся к делу.

У тех, кто любит четкие логические утверждения, вероятно вызовет раздражение то, как Салливан от презентации совершенно резонной, при условии некоторых ограничений, теории переходит к добавлению других понятий, не укладывающихся в основное направление его аргументации — в качестве примеров можно указать на туманно определенный “динамизм власти”, и апелляция к “вчувствованию” (“эмпатии”), которое, по-видимому, лишено каких бы то ни было доступных анализу сенсорных оснований и было признано излишним всеми другими школами, за исключением школы Юнга. Все неофрейдисты слишком часто выступают с нападкамии на уже не существующую ортодоксию, и если говорить об аналитической процедуре, нам никогда не говорят, в чем их позиция отлична от позиции Анны Фрейд, за исключением того, что она мыслит в терминах

анализа защитных механизмов и сопротивлений, удерживающих в подавленном состоянии бессознательные позиции сексуализированной враждебности и деформируют личные взаимоотношения в указанном процессе. Однако большинство европейских аналитиков согласились бы с госпожой Фрейд в том, что защитные механизмы или паратаксические деформации невозможно анализировать без исследования их бессознательных корней. Сходным образом, хотя салливановское понятие паратаксической деформации, возможно, дает более ясное представление о процессе, *деформирующем* нынешние взаимоотношения в результате неудовлетворительности прежних отношений, оно полностью постигнуто с помощью принадлежащего Зигмунду Фрейду понятия проекции, которое в своих более широких коннотациях используется для объяснения тех же наблюдений; единственное отличие заключается в том, что Фрейда занимают причины, а Салливана — следствия.

Расхождения во мнениях всех представленных здесь школ являются, по-видимому, скорее кажущимися, чем реальными, поскольку они основаны на всеми признаваемом клиническом материале. Первое время Фрейд был несогласен не с ранковской концепцией травмы рождения, а с ее приложением в виде принятия тревоги отделения в качестве объяснения психических явлений вообще; он был несогласен не с теорией Адлера, прилагаемой к психологии эго, а с ее чрезмерно возторженным применением за пределами этой сферы; он не был несогласен с юнговским коллективным бессознательным или с его интересом к мифологии, но, по-видимому, испытывал раздражение, когда юнговские занятия этими предметами казались препятствующими решению более практических вопросов терапии и его подготовке к принятию роли Иисуса по отношению к фрейдовской роли Моисея в рамках психоаналитического движения. В случае с Ференци, Фрейд был чрезвычайно взбешен по поводу убеждения Ференци гуманном и нежном отношении аналитика к пациентам вместо ортодоксальной беспристрастной и подобной зеркалу позиции. Сходным образом была воспринята активная терапия Штекеля.

Однако во всех этих случаях первоначальным столкновением был скорее конфликт личностей, чем какое бы то

ни было прямое противостояние идей. Мы увидели, что психотерапевтическая теория должна до некоторой степени отражать темперамент создавшего ее человека, тип пациента, с которым он наиболее часто сталкивается, а также более материальные аспекты, такие как время и деньги. Штекель, Ранк и Ференци пытались отчасти разрешить вечно актуальную проблему сокращения времени проведения анализа без снижения его эффективности. Штекель добивался этого посредством прямой атаки на невротическую систему, Ференци — при помощи кооперации и сочувствия, а Ранк — с самого начала устанавливая временные ограничения. Фактор темперамента, оказывающий влияние на подход индивида к действительности, особенно впечатлял Юнга, говорившего, что его теория типов возникла из его наблюдений за реакциями Фрейда, Адлера и своими собственными в период ранних разногласий; он даже утверждал, что с некоторыми пациентами лучше всего работать, пользуясь методиками Фрейда, с некоторыми — методиками Адлера, а с остальными — его собственным методом. Вне всякого сомнения, тот факт, что большинство пациентов Юнга были шизофрениками, чье состояние прежде часто считали статичным в течение длительных периодов, или пожилыми людьми, чья психическая динамика вероятнее всего уже установилась, некоторым образом связан с общим статическим впечатлением, создаваемым юнгианской системой, которую Гловер не считает даже динамической психологией, но скорее производной от старой факультетской школы, на которую была наложена некоторая мистическая философия. Личные наблюдения свидетельствовали, что даже сторонники Юнга или Адлера в очень значительной степени применяют понятия Фрейда в тех случаях когда они кажутся им удобными. Юнг разделяет с Ранком отмеченное выше приводящее в замешательство отношение к научной истине и действительности; к примеру, аналитик-юнгианец будет ссылаться на ведьм или других существ, обычно считающихся сверхъестественными или простыми порождениями предрассудков, и не всегда легко хотя бы обнаружить, что имеется в виду, когда их называют “реальными”.

“Реальна” ли “ведьма” (а) в прямом средневековом смысле: тогда как индивид, претендующий на этот титул, так и остальные члены общества признавали это, (b) в качестве члена некоторых современных сект, претендующих на практикование колдовства, не будучи однако в глазах общества в целом ничем иным как глупыми эксгибиционистами, (с) в смысле пациента, претендующего на этот титул, однако на деле заблуждающегося и требующего психиатрического лечения? Поскольку первая категория в цивилизованных сообществах более не существует, вторая никак не интересуется психиатра, а третья, как можно предположить, могла бы быть объяснена другими и более простыми терминами и в этом случае допускала бы более эффективное лечение, чем принятие собственного диагноза пациента, использование слова ведьма для описания ее или его (поскольку ведьмы, кажется, бывают представителями обоих полов) представляется запутывающим проблему (если оно употребляется не в высшей степени метафорическом смысле). Это было бы истинным и в том случае, если бы, как вероятно выразился бы юнгианец, понятие отсыло к архетипу, реальному по определению; ибо, как указал Рохейм, сходства в мыслях и убеждениях весьма адекватно объяснимы в терминах общего опыта и традиции, а описание идеи как реальной вводит в заблуждение даже платоника за пределами его исследования. Вклад Ранка в эту путаницу и его отличительная особенность, разделяемая им с Салливаном, а именно та, что он является вторым наихудшим писателем в области аналитики — можно продемонстрировать следующей цитатой с последней страницы работы *“Терапия воли, истина и реальность”*: “Никакая психологическая или философская теория не в состоянии ответить на вопросы, порождаемые разделением воли на сознание вины и самосознание, поскольку чем правильнее ответ на эти вопросы тем более он разочаровывает. Ибо счастье может быть найдено лишь в реальности, а не в истине, а искупление — никак не в реальности или из реальности, но только в нем самом и из него самого.”

Другие различия между обсуждаемыми школами возникают из-за различных способов описания одних и тех же

наблюдений или из-за семантической путаницы. Первое представляет собой проблему, общую для всех психологов и возникает отчасти вследствие того, что наиболее сложные формы поведения могут быть описаны либо с позиции детерминизма и бихевиоризма, которая придает особое значение влечениям или условным рефлексам, либо с хормической* озиции стремлений, подчеркивающей намерения, задачи и цель. Одна точка зрения рассматривает организм как подталкиваемый сзади, а другая — как подтягиваемый спереди, и, независимо от того, влечет ли это какие-либо существенные различия в окончательных выводах, это несомненно приводит к значительным расхождениям в способе описания положения дел. Семантическая проблема в психологии заключается в том, что психолог с неизбежностью пользуется множеством слов обывденного языка, имеющих несколько несвязанных значений, а часто и эмоциональных обертонов, которые приходится игнорировать. Так все, что обычная публика поначалу знала о Фрейде, сводилось к тому, что он был человеком, говорившим, что все является сексом — утверждение, которое в то время не было абсолютно ложным, однако пренебрегало специфическим применением Фрейдом этого слова и серьезно недооценивало эмоциональные оттенки (вины, “неприличности” и т.д.), которые в нем усматривал обычный человек. Наиболее очевидное различие между теориями Адлера и Фрейда заключается в том, что первая описывает факты в терминах целей и рассматривает невроз в терминах фиктивных целей, тогда как второй присуще описание в терминах *Triebe*** или требующих удовлетворения влечений, которые, если удовлетворение заблокировано, ищут для него замену или порождают невротические симптомы. Поведение пловца, использующего захватывающую его большую волну чтобы побыстрее и без лишних усилий добраться до берега, может быть описано научно при помощи физических и гидродинамических законов, или объяснено психологически в терминах психической структуры и динамики; однако Адлер

* Относящийся к целенаправленной деятельности — Прим. ред.

** Влечение, понуждение (нем.) — Прим. ред.

признавал понятие цели, рассматриваемое учеными с подозрением, и видел в пловце человека, использующего внешние обстоятельства для достижения осознанно преследуемой цели. Невротик отличается от нормального человека стремлением к нереалистичным целям, которые, тем не менее, не являются бессознательными во фрейдистском смысле, а игнорируются в качестве оказывающих на самого невротика незначительное влияние (ср. "селективное невнимание" Салливана и "жизненную ложь" Штекеля). Дело заключается не в фактах, а в интерпретациях, и, за исключением уже упомянутых критериев, не существует доступных науке средств доказательства правильности одной интерпретации и ошибочности другой. Ни Адлер, ни самые поверхностные аналитические школы не противоречат с необходимостью огромному массиву фрейдистских данных в области раннего опыта; в действительности они лишь провозглашают их ненужными для психотерапевта. Поскольку Фрейд не мыслит в терминах сознательной или подсознательной цели, он придает относительно небольшое значение вторичным выгодам, рассматривая их в качестве всего лишь поверхностных приспособлений, осуществляемых пациентом на основе его невротической реакции на проблемы, порожденные его окружением; поскольку же Адлер мыслит именно в этих категориях, понятие вторичных выгод расширяется и становится основным вопросом в процессе лечения.

Оба они правы в пределах своих собственных ограничений, поскольку, как известно всякому психиатру, наиболее поверхностные неврозы "излечиваются", в смысле исчезновения их симптомов, либо когда пациенту указывают на их очевидную цель, либо когда окружение изменяется до такой степени, что из неврозов уже невозможно извлечь никаких выгод. Это, конечно, не является исцелением ни с фрейдовской точки зрения, ни с позиции такого психиатра, который согласился бы с тем, что нормальный человек, переживая стресс, не прибегает к истерическим симптомам и не испытывает тревоги в ситуациях, обычно не рассматривающихся в качестве порождающих тревожные состояния, однако это все же представляет собой исцеление со-

циальное; и он склонен терять терпение, сталкиваясь с перфекционизмом психоаналитика, когда в качестве единственного лекарства для пациента, который в течение двадцати-тридцати лет до развития явных симптомов пребывал в том, что и окружающими его людьми, и им самим рассматривалось в качестве "нормального" состояния здоровья, предлагается полный курс фрейдистского анализа. Невозможно сомневаться в том, что очень значительная часть солдат, во время войны страдавших неврозами, не подорвали бы свое здоровье, не будь определенные, по крайней мере очень необычных, обстоятельств. Были ли они до этого невротиками? Была ли у них предрасположенность к тому, чтобы мочиться в постель на поздней стадии детства, считали ли их маменькиными сыновьями, боялись ли они замкнутых пространств, беспокоили ли их экзамены или учителя, стеснялись ли они в обществе девочек? Или они были скорее напыщенными и хвастливыми, склонными чаще обычного напиваться, рассказывать небылицы или иметь неприязни с законом? Возможно они и были такими, возможно во многих отношениях такими были и лечившие их психиатры или командующие офицеры, стремившиеся отправить их под трибунал. Однако старательно расследуя прошлое своих пациентов, мы не были столь же расторопны в изучении своего собственного прошлого, или прошлого людей, у которых не развился явный невроз с целью последующего сравнения. Не изучали мы и характеров той заслуженно уважаемой группы, которая по мнению поверхностной инспекции содержит очень высокую долю психопатов и невротиков — речь идет о людях, удостоенных орденов и медалей за отвагу или за совершение опасных подвигов, а также об отнюдь не малочисленной группе людей, определенно наслаждавшихся войной. Невроз отчасти определен социально, и поэтому невротические черты характера, засвидетельствовавшие свою социальную полезность, не часто рассматриваются в качестве ненормальностей и даже в тех из них, которые причиняют наибольшие неудобства, как, например, зависимость, суетливость, или легкая форма ипохондрии, не видят ничего большего, чем обычные идиосинкразии.

Вполне резонно, что человек, сломавшийся под конец жизни или после пережитого стресса, имевшего более или менее суровую природу, в сущности может сказать: "Избавьте меня от моих симптомов, но не трогайте черты моего характера, поскольку если я и не всегда был счастлив или компетентен настолько, насколько мог бы быть, я все же жил весьма неплохо; люди считали меня нормальным, и я придерживался того же мнения." В легкой степени хронический невротик часто не считает себя таковым, и с течением времени развивает образ жизни, соответствующий его проблемам; его не беспокоит то, что он испытывает клаустрофобию в метро — он пользуется автобусом; он не переживает по поводу случающихся с ним приступов функциональной дисперсии — он принимает дозу пищевой соды и забывает об этом; свои периоды депрессии или тревоги он истолковывает как знаки изможденности, и он принимает фармакологически инертный "нервный тоник" для того, чтобы "подкрепиться", что часто и происходит в действительности. Будучи спрошен о его симптомах, он будет распространяться о них долго и подробно, поскольку в конце концов он "изучил себя", однако, если поведать ему об их психологическом значении, он здорово забеспокоится, а если ему посоветуют психоанализ, он сочтет советчика безрассудным, и в этом с ним согласились бы многие психиатры.

Как правило, психиатр не имеет дела с этим типом пациентов, хотя последний распространен значительно более, чем тот красочный случай, который он склонен рассматривать в качестве типичного; однако семейный врач с ним сталкивается и, мысля в рамках адлеровской теории, отнюдь не обязательно, будучи знакомым с именем Адлера, он спросит себя: "Что стряслось со стариной Джонсом? Быть может, что-нибудь на фабрике? Нет, там вроде бы все в порядке. Быть может, домашние проблемы? Но, пожалуй, и здесь в последнее время все складывалось весьма благополучно, и не было никаких серьезных трудностей с чем бы то ни было — за исключением... ну, конечно, это начало тех двух недель, когда его теща приезжает со своим ежегодным визитом — в прошлом году в это время у него были те же симптомы!" Итак, Джонсу дают нервный тоник, в который

он свято верит, хотя доктор почти заливается румянцем смущения, выписывая рецепт, и советует “в течение пары недель несколько чаще бывать на свежем воздухе”, что является официальной санкцией на пребывание вне дома более частое, чем не во время критического периода. Это представляет собой успешную психотерапию данного случая, и было бы безуспешным или по меньшей мере бесполезным пытаться сделать осознанными обремененные виной инцестуальные стремления Джонса по отношению к его теще и его детские инцестуальные стремления по отношению к его собственной матери, даже если они и существовали.

Подавляющее большинство людей не являются лишенными корней интеллектуалами, которые вольны скитаться по королевству идей и не привязаны ни к каким определенным социальным нормам; они обычные индивиды, живущие в сообществах с очень строгими социальными и религиозными кодексами поведения, с высокой степенью сопротивляемости по отношению к новым идеям. Их церкви учат их тому, что инцестуальные и другие запретные желания являются смертным грехом, а их законы убеждают в том, что независимо от размышлений и ощущений человека, есть некоторые вещи, которые он не должен делать, а побудив кого-либо считать иначе, в результате мы получим расстройство механизмов адаптации к его сообществу, как бы это ни сказалось на его психике.

Психоаналитические теории представляют собой наиболее полезный из доступных нам инструментов понимания человеческой личности, а в той степени в которой речь идет о деталях, эти теории являются поистине единственным таким инструментом; психоанализ — весьма ценный метод лечения того типа случаев, который был столь тщательно специфицирован самим Фрейдом, того довольно тяжелого и устойчивого невроза, который является калечащим для молодого индивида с высоким интеллектом или с сильным характером — фактически представляющего собой скорее лишь небольшую часть всех неврозов; психоаналитический подход весьма полезен для понимания динамики социальных движений, планирования социальных схем и

политики, при условии, что действительное планирование не предоставлено тем, кому надлежит скорее заботиться об исцелении аномального, нежели давать советы касательно нормального. Вытеснение и иррациональное покоятся в самих основаниях общества и мудрая политика может иногда им подыгрывать, облегчая бремя, которое они могут причинить здесь, поддерживая их эдикты там, потому что никакой психолог или психоаналитик, а тем более психиатр, не может дать лучшее объяснение того, почему *нельзя* красть, *нельзя* убивать, *нельзя* вступать в инцестуозные связи (все эти поступки в любом обществе являются анти-социальными), чем прочно укорененная вера в то, что в начале было сказано "Не делай этого". Может быть вполне возможно объяснить в терминах психологии, почему это было сказано, но подобные объяснения вряд ли способны убедить простых людей или детей, или иметь над ними такую же степень запретительной власти. Те, кто имеют дело с ментальными больными не всегда трезво оценивают социальные реалии; как по причине самой специфики их работы, так, порой, и по причине того закона компенсации, который, как показал Адлер, привлекает людей к местам работы, представляющим для них болезненный личный интерес, их взгляды могут быть слишком узкими и отягощенными эмоциональными предрассудками. Работодатель может быть очень расстроен известием о управляющем его фабрики, страдающем неврозом тревоги, но на самом деле его интересует лишь то, почему симптомы этого человека требуют предоставления ему домашнего отдыха именно в то время, когда возникают серьезные деловые проблемы, и почему он почти круглый год безотлучно оставался на работе, когда прошел слух о том, что его место может быть отдано молодому стажеру — слух был ложным, но тем не менее, он казался повлиявшим на убеждение работодателя психиатром, что это было "точно такой же болезнью, как и любая другая". Судья может прекрасно понимать рассказ психиатра, что арестованные за вымогательство люди всегда практиковали гомосексуализм, что уважаемая леди, уличенная в краже карандашей, символически похищала любовь (или даже нечто более конкретное, если наш

психиатр в значительной степени опирается на Фрейда), что мужчина, который напал на полицейского, в действительности атаковал своего пьяного отца, колотившего его мать каждый субботний вечер, однако он вряд ли увидит, что общего все это имеет с преступлением закона, поскольку в глазах большинства людей объяснять нечто и примириться с ним — отнюдь не одно и то же, и тот факт, что некто жаждет заполучить тысячу фунтов, обычно не рассматривается в качестве основания для кражи этих денег, независимо от того, насколько легко это было бы сделать.

В подобных этим случаях порой неправ именно психиатр или психоаналитик, поскольку он не отдает себе отчета в невозможности применить заключения, порожденные в лоне квазинаучной дисциплины, пекущейся лишь об объективности описания, объективности объяснения и научности подхода *без каких бы то ни было упоминаний о персональной ответственности или вине, или апелляции к "силе воли"*, к абсолютно иной сфере, которая, за исключением необычных индивидуальных случаев, признает эти понятия в качестве формирующих самые основания человеческого общества. Разумеется, он был бы всецело прав в собственных глазах, а возможно и оправдан логически, если бы пояснил, что он мог бы представить такое общество, где работодатели мыслят не в терминах лени или некомпетентности, но в практических терминах пригодности или непригодности для выполнения той или иной конкретной работы, где судьи мыслят не в терминах преступления и наказания, но в терминах неудачной адаптации к общественным требованиям и ее коррекции; однако он не объясняет, его ли это позиция и, следовательно, с необходимостью ограничивает себя в некотором роде двойной речью, представляющей оба мира в наихудшем свете. Всякий среднеобразованный человек без специальной подготовки может заметить, что умственный недуг не представляет собой нечто "в точности такое же, как и другие болезни", что на самом деле, за исключением случаев органических расстройств с психическими осложнениями, это вообще не болезнь, но некая форма социальной неприспособленности; он может заметить, что серьезные формы сумасшествия или безумия

пугают всех без исключения (не зависимо от того, поддаются ли они лечению, или от того, описываются ли они более научно или корректно в качестве психозов), поскольку они изменяют личность человека, и страдающий ими становится другой персоной таким путем, который не происходит, если, например, он потеряет обе ноги.

Интеллигентные люди, наделенные авторитетом, могут наблюдать такие аспекты невроза, которые приводят индивида к бегству от ответственности и к поведению, истолковываемому его коллегами в качестве симуляции; они могут также отметить тот в равной степени значительный факт, что когда бегство непозволительно, состояние индивида в некоторых случаях может даже улучшаться; кажущаяся неспособность некоторых психиатров обнаружить такие факты или сделать на их основании соответствующие логические выводы вполне может привести к тому, что они будут выглядеть простаками. Те, кто связан с законом, часто хорошо понимают, когда обвиняемый ссылается на провалы в памяти, что люди забывают именно то, что они хотели бы забыть и что существуют степени забывчивости, в точности такие же, какие испытывает обычный человек, однако в суде психиатр часто говорит об этом как если бы это было опухолью мозга, чем-то, что является скорее фиксированной и ограниченной болезнью, чем самозащитным механизмом. Становясь, таким образом, скорее в дурацкую позицию, он задает дурацкие вопросы — помнит ли обвиняемый название своей школы; помнит ли он как завязывать шнурки; если он не знает о том, что он женат, почему он, совершив преступление, отправляется забрать свое пособие для многодетных — все из которых основываются на том предположении, что крупный блок “памяти” был разрушен патологическим состоянием, имеющим мало общего с самим этим человеком.

Психиатр не всегда признает отсутствие средств определения подлинности потери памяти, отличных от тех, которые в равной степени доступны обычному человеку, и с достаточной степенью вероятности подвержен страданиям от унижения, связанного с обнаружением конфронтации со стороны какого-нибудь из своих коллег, клятвенно отстаи-

вающего позицию, абсолютно противоположную доказываемой нашим психиатром. Мы приводим эти примеры отнюдь не для дискредитации нашего психиатра, который в пределах собственного понимания ведет себя вполне корректно и аргументирует свою точку зрения совершенно рационально, но для того, чтобы лишний раз обратить внимание на опасности аргументации с позиций дисциплины, избегающей моральных суждений и ответственного отношения к обстоятельствам, при которых они предположительно имеют силу.

В подобных обстоятельствах его отказ принимать их во внимание, как таковой, может быть воспринят в качестве оценочного суждения, каковым он действительно иногда является, когда официальная терминология до предела напряжена в попытках отнести к категории больных тех, кто попросту печалится, обеспокоен, или скверно себя чувствует. В некоторых кругах почти невозможно оплакивать утрату любимого человека, не рискуя прослыть страдающим "реактивной депрессией", невозможно для состоятельного транжиры беспокоиться по поводу перспективы предстать перед судом, без того, чтобы властям стало известно, что он переживает "тяжелое нервное потрясение", а пацифисту, призванному на военную службу, трудно избежать оценки в качестве "неадекватного психопата". Однако реальная позиция психиатра состоит в том, что он никого не судит, поскольку это не его дело, и чрезвычайно опасно ожидать от него навешивания медицинских ярлыков там, где они не совсем уместны, и, таким образом, уменьшать сферу, в пределах которой людей следует рассматривать в качестве всецело ответственных за свое поведение. Может показаться в равной степени опасным приведение такого множества людей к убежденности в том, что обычные эмоции беспокойства, тревоги, депрессии, скуки и усталости в нормальной степени или в ситуациях, в которых они показались бы естественной реакцией, требуют не активного поиска решения проблем или терпимости к некоторому дискомфорту, но некоторой формы медицинского вмешательства, что привело к более менее постоянному воздействию на большую

часть населения стимулирующих или успокаивающих медицинских препаратов.

Фрейд изобретал средства диагностики, а не вытеснения человеческих проблем, а те эмоции, к вытеснению которых мы столь сильно стремимся, представляют собой психические эквиваленты телесных симптомов, способных предупреждать о нарушениях в организме. Очевидно, где-то существует брешь между теми важными знаниями о человеке и обществе, которыми мы уже обладаем, и тем невежественным и незрелым способом их приложения, которым пользуется человечество. Однако способ исправления такого положения дел заключается не в том, чтобы дожидаться, пока половина всего населения мира, с грустью оглядываясь на старые добрые времена, когда их предки были озабочены добыванием очередной порции пищи, будет сидеть в шикарно оснащенных клиниках и ждать, пока другая половина придет и займется их лечением, но скорее в том, чтобы присесть и задуматься о недостатках нашего мировоззрения и проблемах нашего образа жизни, в результате чего нам приходится испытывать столь сильную нужду в психиатрии и в зачастую некорректно применяемой психологии. Промышленным психологам потребовалось почти сорок лет на осуществление потрясающего открытия, заключающегося в том, что наилучшим способом заставить людей хорошо справляться с их повседневными обязанностями является не какая-нибудь специальная техника, разработанная прикладной наукой, а всего лишь обращение с ними как с ответственными индивидами, чья групповая жизнь на работе является одним из важных аспектов их жизни в целом. Мы истратили бог знает сколько на занятия молодежной преступностью в качестве индивидуальной проблемы, пока, наконец, исследования не показали, что, в полном соответствии с предположениями здравого смысла, это явление часто представляет собой скорее функцию группы, требующую соответствующего подхода в работе с ней, чем функцию личности, требующего индивидуальной терапии.

Психологи тайно замышляют создание тестов для отбора служащих в сфере услуг или управляющих в промышленной сфере, и, в то время как никто из знавших, какое

количество научной предусмотрительности было щедро растрачено при их создании, не осмелился отрицать, что они действительно *нечто* тестируют, многие из нас все еще недоумевают по поводу того, чем же все таки это нечто является; ибо тестирование людей не слишком поможет нам обнаружить, станут ли они хорошими служащими или управляющими, если мы не знаем что же делает хороших хорошими. Мы можем быть вполне уверены в следующем: что они отстранили бы от службы, не говоря уже о полномочиях, любого военного лидера, хоть как-то упоминаемого во всей британской истории; не только лишь таких известных эксцентриков как Лоуренс и Уингейт; но также Нельсона, Мальборо, Вулфа и Монтгомери; что они изгнали бы из промышленности всякого заметного руководителя от Форда, Хирста, и Моргана вплоть до сегодняшних промышленных магнатов. Психоаналитики и психологи едины в том предположении, что быть нормальным — хорошо, несмотря на тот факт, что обнаружить “нормального” гения почти столь же трудно, как и открыть “нордического” блондина; что хорошо быть счастливым и удовлетворенным, хотя, возможно, наибольшая часть счастливых и удовлетворенных людей находятся либо в психиатрических больницах, либо в учреждениях для умственно отсталых — доктор Джонс на самом деле выражает сожаление по поводу того, что Оскар Уальд, доктор Джонсон, Шопенгауэр и Свифт не имели возможности прибегнуть к медицинскому лечению своего психического состояния. Поступи они таким образом; говорит он, они бы несомненно прожили жизнь более счастливо. Однако ни в истории психоанализа, ни в сегодняшнем его состоянии нет никаких свидетельств того, что психоаналитики более счастливы, более нормальны или более свободны от предрассудков, чем другие люди, и есть масса свидетельств противоположного — они не были бы столь существенными, если бы не являлись их собственными утверждениями. Тот тип вопросов, которые задают психиатрическим пациентам, и те заключения, которые делаются на основании ответов на них, почти невозможно вспоминать без смущения; ибо какие полезные заключения можно сделать на основании знания о том, что Х плохо учился в школе;

где он проявлял ленность и безразличие, что он был сдержан в сексе, что он был застенчив и обыкновенно одинок, что его отец был алкоголиком и что он все еще чрезмерно привязан к своей матери, за счет которой он постоянно живет, что он никогда не приживался на постоянном рабочем месте, хотя ему уже за тридцать? Что Х страдает психопатией неадекватности, разновидностью шизофрении, или что меньше, чем через десять лет, его имя — Джордж Бернард Шоу — обретет мировую известность?

И все же, если бы хотя бы один из этих фактов был известен проводящему психологические тесты или психиатру, ему было бы приписано чрезвычайно большое значение, а все последующие откровения рассматривались бы в свете предыдущих. Фрейдисты пожалуй реже, чем нефрейдистские психиатры, придают значение изолированным фактам, однако эта черта уравнивается свойственным им экстраординарным отсутствием какого бы то ни было чувства реальности, демонстрируемым, например, в документе, предназначенном для служебного пользования там, где указывается, что беспорядки на угольных разработках должны иметь некоторую связь с бессознательными конфликтами шахтера, порожденными тем фактом, что он вынужден использовать свою фаллическую кирку на "матери-земле", совершая таким образом символический инцест! Как в случае с одним из приведенных выше примеров, вопрос заключается не в том, истинно ли или ложно это удивительное утверждение в качестве утверждения, а в том, способен ли кто-нибудь серьезно поверить в то, что оно является хотя бы в малейшей степени уместным в данных обстоятельствах и каким образом возможно его принятие на вооружение в сфере управления. С другой стороны, оно не обязательно является чем-то более особенным, чем образ "нормального" британца, порожденного заговором психологов и психиатров и выводимого из заезженных вопросов их клинических освидетельствований и тестов личности. Нам предлагают считать, что этот субъект крепок телом и никогда ни на минуту не вызывал у своих родителей никакой тревоги на протяжении школьных лет; он в равной степени (однако не чрезмерно) любил их обоих и был

любим (однако не слишком) как своими братьями, так и сестрами. Свою способность ладить с людьми он продемонстрировал в школе, где был добросовестным, если не блестящим, учеником, и во время игр, где его доблесть на футбольных и крикетных полях принесла ему звание капитана к последнему году школы; он *никогда* не интересовался политикой и, хотя и регулярно посещал церковь, не проявлял “нездорового” интереса к религии. Получив твердую пятерку по современной истории в Оксфорде, он выполнил свое давнее обещание, он популярен среди множества друзей и исполнен сочувствия к побежденному в некотором не-политическом смысле, поскольку в качестве умеренного члена Консервативной партии он естественно остается лишенным политических предрассудков. Это описание, если и утрированное, все же не является абсолютной пародией, поскольку вне всякого сомнения верно то, что определенные взгляды на политические и религиозные вопросы или вообще какие-либо необщепринятые представления, обычно, по поводу сильных эмоций, по поводу чего-либо, связанного с конфликтом в ранние годы жизни или несколько позднее, склонность к стеснительности или необщительности, избыточная прилежность в учебе, и какой бы то ни было интерес к сексу или к “культуре” влекут за собой подозрения со стороны как клинических, так и психологических лиц, проводящих тесты в Британии и в Америке, хотя в Америке подозрительность к прилежности в учебе или к культуре возможно несколько большая.

Поскольку понятие нормальности в осознанном или в неосознанном виде присутствует в умах тех, кто стремиться преуспеть, многие из вопросов, входящих в тестирования личности, сами за себя отвечают, таким образом, вопрос “Много ли книг Вы читаете?” означает вовсе не то, о чем он говорит, а, в зависимости от мировоззрения тестируемого, означает либо “являетесь ли Вы представителем невежественных или полуобразованных масс, никогда не открывающих книги?”, либо “являетесь ли вы одним из тех необщительных господ таких-то, которые никогда не отрывают носов от книги и считают себя интеллектуалами?” Проблема заключается не в том, что психологи и психиатры в

своей практике высказывают оценочные суждения, а в том, что они не отдают себе в этом отчета. Психоаналитики снова таки подвержены этой опасности в значительно меньшей степени, однако дело обстоит таким образом, по крайней мере отчасти, потому, что их мнения в вопросах, касающихся подобных вещей, спрашивают менее часто, и им нет прощения за косвенное распространение такого взгляда на человеческую природу, который кажется интеллигентному постороннему человеку подразумевающим, что все проблемы являются индивидуальными проблемами, и не только индивидуальными, но еще и инфантильными. Следовательно, военные неврозы порождены, а промышленные волнения инициированы эдиповым комплексом, и действительно имеют мало общего с войной или боязнью остаться без работы, а мир жизненного опыта не просто подвержен эмоциональному искажению, но фактически полностью является индивидуальным творением. Все эти странности порождены "тоннельным видением", которое, по-видимому, рано или поздно развивается у очень многих специалистов и проявляется в том, что они настолько погружаются в свой специальный участок специфического предмета, что утрачивают способность видеть очевидные или даже свои собственные результаты наблюдений в надлежащей перспективе и в более широком контексте — вне всякого сомнения, такие писатели как Фромм, Хорни, и Райзман, или, в меньшей мере, Юнг, в значительной степени обязаны своей популярностью успешным или безуспешным попыткам избежать этой опасности.

Ортодоксальные фрейдисты тоже упоминали в своих работах более широкие импликации теории Фрейда, но для непрофессионала их разработки способны скорее замутнить, чем прояснить положение дел; аналитическая теория вряд ли способна углубиться в прошлое дальше, чем это сделала Кляйн, или превзойти Юнга в поисках человеческой сверхструктуры в мифах и архетипах; таким образом если не ограничиваться простой разработкой деталей, все будущие шаги вперед будут делаться в направлении анализа социальных и культурных феноменов, а также его применения в свете нынешнего состояния знаний в смежных областях. Общая приемлемость научной теории зависит не толь-

ко от ее обоснованности в качестве научной, поскольку история свидетельствует о том, что не менее важна уместность теории в современной ситуации, а также степень ее соответствия современным подходам. В мире, склонном во все большей степени рассматривать все проблемы человечества в качестве проблем социальных, психоанализ как метод лечения вполне может выйти из употребления, и не потому, что он не эффективен, а просто потому, что он неприменим по отношению к сегодняшним проблемам. Уже сейчас то, что тысячи жителей Нью-Йорка или Лондона посещают сотни психоаналитиков, начинает казаться скорее нелепым, нежели печальным. Представляется весьма сомнительным, что лежа индивидуально на тысяче индивидуальных кушеток и разговаривая в присутствии тысячи индивидуальных аналитиков мы применяем какой-то особенный метод разрешения той или иной социальной проблемы.

Вышеизложенное не является критикой психоаналитической теории, которая вполне может снискать еще большее признание в качестве величайшего из до сих пор достигнутых шагов вперед в нашем понимании человеческой личности, но скорее представляет собой выражение сомнения в том, сохранит ли она в меняющихся условиях свое значение в своем первоначальном виде, то есть в качестве формы терапии. В конце концов, именно Фрейд показал, что невроз является не болезнью в клиническом смысле, а формой социальной неприспособленности (*maladaptation*), что он не наличествует или отсутствует в данном индивиду, но присутствует в различной степени, и что психоанализ в качестве способа лечения применим лишь к относительно маленькой части населения; однако его последователям не удалось сделать из этого логический вывод о том, что, если дело обстоит именно так, с неврозом следует бороться социально на основании психоаналитического понимания личности и природы общества, и что на этом же основании с ним нужно иметь дело и в случае с индивидуальными пациентами, применяя по необходимости методы достаточно кратковременные и не преследующие перфекционистских целей. Нет никакого логического противоречия в том, что, хотя всякий невроз имеет глубоко сидящие корни, его непос-

редственные причины часто поверхностны и связаны с особенностями окружающей среды, и после устранения этих причин исчезают и невротические симптомы. Сегодня весьма реальной является опасность того, что к неврозам вообще перестанут применять психологические методы, основанные на понимании, и что при помощи новых фармакологических и медицинских методик нас будут "исцелять" скорее делая нас нечувствительными к конфликтам, чем готовя нас к встрече с ними и к попыткам понять, что не так с нашим образом жизни. Вместо того, чтобы осознавать существование обстоятельств, оправдывающих состояния вины, угрызений совести, стыда, тревоги или несправедливости, мы будем рассматривать их как досадные "симптомы", которые следует снять при помощи транквилизатора или тимолептического лекарства. Работа Фрейда повлечет в будущем еще более серьезные последствия, когда ее перестанут относить к категории дорогостоящего и длительного метода лечения ничтожной доли населения, производимого терапевтами, часто очень мало интересующимися чем-либо, выходящим за пределы их собственной специальности, и порой параноидально и презрительно относящимися ко всему окружающему миру. То, что психоаналитик имеет возможность обладать своей собственной приватной социальной психологией, никогда не соприкасающейся с обычной социальной теорией потому, что те, кому уже открыта истина, нисколько не нуждаются в подобных тривиальностях, представляет собой научную аномалию. Психоанализ способен предложить так много, что подобное его ограничение представляется просто абсурдным, и к чести американцев, не зависимо от того, принимаем мы или нет их выводы, им довелось первыми сделать попытку разрушить эти барьеры. Ибо объяснение иррационального — одна из особенных задач двадцатого столетия.

БИБЛИОГРАФИЯ

FREUD: *The Interpretation of Dreams* (Allen and Unwin); *The Psychopathology of Everyday Life* (Benn); *New Introductory Lectures in Psychoanalysis* (The Hogarth Press); *Totem and Taboo* (The Hogarth Press). All of these except the Introductory Lectures have been published as Pelicans. Two useful books for the novice are: *Sigmund Freud: a General Selection and Civilization, War, and Death*, dealing with Freud's social theories; both edited by John Rickman and published by The Hogarth Press.

BOOKS BY FREUDIANS: O.Fenichel, *The Psychoanalytic Theory of Neurosis* (Routledge); J.C.Flugel, *The Psychoanalytical Study of the Family* (The Hogarth Press); and *Man, Moral and Society* (Duckworth); E.Jone's biography of Freud (The Hogarth Press) and his small book *What is Psychoanalysis?* (Allen and Unwin); Hans Sachs, *Freud: Master and Friend* (Imago); Anna Freud, *The Ego and Mechanisms of Defence* (The Hogarth Press); M. Klein, *The Psychoanalysis of Children, Contributions to Psychoanalysis*, and Klein and Riviere's *Love, Hate and Reparation*, all published by The Hogarth Press.

THE NEO-FREUDIANS: E.Fromm, *The Fear of Freedom, Sigmund Freud's Mission, The Art of Loving* (Allen and Unwin); R.Horney, *The Neurotic Personality of Our Time, New Ways in Psychoanalysis, Our Inner Conflict, Self-Analysis* (Routledge and Kegan Paul); H.S.Sullivan, *Conceptions of Modern Psychiatry* (Tavistock).

JUNGIANs, ADLERIANs, AND OTHERs: A.Adler, *The Practice and Theory of Individual Psychology* (Routledge and Kegan Paul) and many others books; *Individual Psychological Treatment* by E.Wexberg (The C.W.Daniel Co.); Lewis Way, *Man's Quest for Significance* (Allen and Unwin); *Alfred Adler: an Introduction to his Psychology* (Penguin Books); C.G.Jung, *The Integration of the Personality* (Routledge and Kegan Paul); G.Adler, *Studies in Analytical Psychology* (Routledge and Kegan Paul); F. Fordham, *An Introduction to Jung's Psychology* (Penguin Books); G.Groddeck, *The Book of the It* (Vision Press) and others; I.Suttie, *The Origins of Love and Hate* (Penguin Books); T.Reik, *From Thirty with Freud, Listening with the Inner Ear* (Allen and Unwin); W.H.Rivers, *Instinct and the Unconscious, Conflict and Dream* (Routledge and Kegan Paul); F.Al-

exander, *Fundamentals of Psychoanalysis* (Allen and Unwin); J.L.Halliday, *Psychological Medicine* (Heinemann); J.A.Hadfield, *Dreams and Nightmares* (Penguin Books).

GENERAL: Gardner Murphy, *Historical Introduction to Modern Psychology* (Routledge and Kegan Paul); J.C. Flugel, *A Hundred Years of Psychology* (Duckworth); D.Riesman, *The Lonely Crowd* (Yale University Press); M.Mead, *Coming of Age in Samoa* (Penguin Books); R.Benedict, *Patterns of Culture* (Routledge and Kegan Paul); *The Chrysanthemum and the Sword* (Secker and Warburg); John Wisdom, *Philosophy and Psychoanalysis* (Blackwell); N.O.Brown, *Life against Death*(Routledge and Kegan Paul).

А.М. Руткевич

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПСИХОАНАЛИЗА

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга Джеймса Брауна (1911-1965) вышла в 1961 году и с тех пор переиздавалась едва ли не каждые 2-3 года до самого последнего времени. Сохраняющийся интерес к одной из первых английских книг по истории психоанализа объясняется как умением автора популярно излагать достаточно сложные учения, так и тем, что она оказалась созвучной переменам и в психоаналитической теории, и в ряде других наук о человеке. Будучи крупным специалистом в области индустриальной психологии и социальной психиатрии, Браун обращает основное внимание на разного рода межличностные взаимосвязи, на общественные отношения. Психоаналитики к тому времени стали больше считаться с переменами, которые произошли в социальных науках, где от атомизированных индивидов (каковые были исходным пунктом Фрейда и первого поколения аналитиков) произошел переход к формам коммуникации между индивидами и группами.

С этим связаны и критические замечания Брауна по адресу антропологии и массовой психологии Фрейда, и его интерес к работам неофрейдистов, основные положения которых, впрочем, вызывают у него довольно резкие возражения. Вряд ли есть смысл пересказывать эти (как, впрочем, и другие) разделы популярно написанной книги. Она нуждается в комментариях только в связи с тем, что книга вышла давно, а за последние десятилетия произошли значительные изменения как в рамках самого психоанализа, так и в подходах к его истории. Начнем со второго, поскольку перемены здесь не настолько значительны — взгляд на историю психоанализа по-прежнему в огромной мере

определяется принадлежностью пишущего к той или иной аналитической школе или общим отношением к психоанализу, если историк находится за пределами психоаналитического "движения". Конечно, имеются непреложные факты: та или иная работа вышла в таком-то году, в ней высказаны такие, а не иные идеи. Хотя в книге имеются фактические ошибки, их число незначительно, да и спор о фактах подобного рода имеет довольно узкие границы. Не так уж важно то, что у Брауна кое-где перепутаны даты и т.п., существенны его оценки, а они во многом определяют его общей позицией.

Браун назвал свою книгу "Фрейд и постфрейдисты" задолго до того, как словечко "пост" стали употреблять по самым разным поводам. Им явно злоупотребляют те, кто считает, что нахождение "после" чего бы то ни было может быть поставлено в заслугу и гарантирует истинность или хотя бы долговечность предлагаемой концепции. Мы уже имели возможность видеть появление и исчезновение "позитивизма" и "постструктурализма", которые, как оказалось, не говорили ни о чем другом, кроме желания небольшой группы ученых преодолеть узость тех "измов", которые казались им ранее универсальными методами. Ясно, что Браун имел в виду лишь то, что *после* Фрейда продолжалось развитие теории и практики психоанализа. По образцу этой книги была написана вышедшая недавно в переводе на русский язык книга Э.Самуэlsa "Юнг и пост-юнгианцы". В обоих случаях "пост" означает лишь то, что идеи, высказанные и обоснованные творцами этих учений не окостенели, но развивались их последователями. В этом смысле все физики являются "пост-ньютонианцами", а все философы "пост-платониками". Но уже этот заголовок хорошо показывает основные ориентиры Брауна — он является сторонником Фрейда, пусть критичным и взыскательным, пока речь идет о социальной психологии и социологии. Поэтому он принимает целый ряд "фактов", которые ставятся под сомнение не только противниками фрейдизма, но и теми, кто достаточно нейтрально смотрит на споры различных школ и ассоциаций.

Оскару Уайльду принадлежит афоризм: "Легко изменить историю — это может сделать каждый; но нужно быть поистине великим человеком, чтобы ее написать". Как и многие другие парадоксы Уайльда, это высказывание представляет собой софизм: в изменении истории, действительно, участвуем все мы, малые и великие, каковые и отождествляются в большой посылке, тогда как пишут историю далеко не все; пишущие историю человеческих деяний (*res gestae*) неизбежно обращаются не ко всем, а именно к великим, причем сами историки бывают великими сравнительно редко. Зигмунд Фрейд положил начало трудам по истории психоанализа, но велик он именно как создатель этого учения. Как бы мы ни относились к этой доктрине, весь XX век прошел "под знаком" психоанализа и ничто не свидетельствует о том, что в следующем столетии он делается частью безвозвратно ушедшего прошлого в том смысле, в каком им являются, например, немецкий романтизм начала XIX или "Серебряный век" русской литературы начала XX столетия. Пока психоаналитики и их пациенты остаются нашими современниками, мы не можем смотреть на них с той же дистанции, с которой мы видим римского оратора, викинга, испанского идадьго или прусского юнкера. Мы принимаем или отвергаем психоанализ, используем или нет отдельные его положения для истолкования поведения других (или своего собственного), готовы или нет пойти в случае нужды на прием к психотерапевту данной школы. Поэтому любая история психоанализа пишется "ангажированно", и книга Брауна не является исключением. Она принадлежит человеку, который (с некоторыми оговорками) принимает основные положения Фрейда и считает его учение наиболее плодотворным направлением современной психологии и психиатрии.

Это неизбежно сказывается на той перспективе, в которой рассматривается история психоанализа в целом и большинства отдельных ее эпизодов. Хотя Браун не склонен прибегать к нередким для ортодоксальных фрейдистов аргументам *ad hominem* и даже "диагнозам" по отношению к "еретикам", Адлер, Штекель, Юнг, неофрейдисты оказываются в его книге людьми, которые либо не пришли к Ис-

тине, либо быстро от нее отклонились. В отличие от таких биографов Фрейда, как Джонс или Закс, он не героизирует Фрейда, признает, что многие приписываемые Фрейду идеи уже высказывались психологами и психиатрами XIX в. Но при рассмотрении возникновения и развития основных положений психоанализа он держится привычной трактовки, которая оспаривается сегодня многими исследователями. Достаточно привести только один пример: историю "Анны О." Браун считает, как и все последователи Фрейда, первым случаем применения "катарсического" лечения. Такая трактовка не удивительна, поскольку вслед за Фрейдом ее соответствующим образом излагал его "верный гусар", автор трехтомной биографии основателя психоанализа Джонс. Сегодня такая трактовка может служить примером явной подгонки действительности под удобную и удобную, но явно ложную схему.

В 1972 г. известный канадский специалист по истории психологии Г.Элленбергер обнаружил историю болезни Берты Паппенхейм, как звали "Анну О.", которая была слишком не похожа на опубликованную и ставшую "официальной" версию. В дальнейшем некоторые уточнения внесли и другие историки, а недавно вышла книга датского (живущего в США) исследователя М.Борк-Якобсена*, которая подвела своего рода итог, оказывающийся неутешительным — мы имеем дело с явной фальсификацией. История, была опубликована Брейером в 1895 г., то есть через 13 лет после самого лечения. В психиатрическую лечебницу в Кройцлигене Берта Паппенхейм была помещена по совету и при содействии Брейера, который прекрасно сознавал неудачность всех своих попыток излечить пациентку. В лечебнице сохранилась медицинская карта, переданная Брейером Роберту Бинсвангеру (отцу Людвига Бинсвангера). В ней содержатся записи самого Брейера, а потом записи врача из лечебницы, д-ра Лаупуса. По ним видно, что у больной была сильнейшая лицевая невралгия, что в 1881 г. прошла неудачная операция, что она привыкла к

* M. Borch-Jacksen, Histoire d'Anna O. Une mystification centenaire, P 1996.

большим дозам морфия, который ей давал Брейер, а заодно, так как она не могла спать, еще и большим дозам хлорала. В "Исследовании истерии" Брейера и Фрейда нигде не упоминаются ни невралгия, ни морфинизм. Никакого излечения не было, все истерические симптомы сохранились, они фиксируются и в другой карте — с 1883 по 1887 гг. Брейер долго сопротивлялся публикации этого явно неудачного для врача случая лечения — публикации, в которой описывается *happy end*. Фрейд знал, какова была реальная ситуация, Брейер не скрывал от него неудачности "катарсического" лечения (об этом говорится в письме Фрейда невесте от 05.08.1883). Для истории науки важнее другое: Брейер лечил вовсе не в духе позднейших теорий — лечение еще напоминало магнетические сеансы конца XVIII в, а сам Брейер в 1882 г. никак не осмыслял его в духе теории психической травмы. Фрейд стал истолковывать этот случай подобным образом тоже далеко не сразу, но примерно с 1888 г., то есть после стажировки в Сальпетриер и выхода статей Жане. Публикация была нужна в том числе и для того, чтобы отстоять приоритет перед Жане — мол, венская "школа" раньше и независимо от "французов" совершила все открытия.

Примеров подобных, пусть не столь явных, "мистификаций" в истории психоанализа обнаруживается огромное количество. Например, вся теория "Тотема и табу" подкрепляется одним случаем — "маленького Ганса", который ничуть не достовернее "истории Анны О.". Конечно, можно возразить, имея в виду книгу Брауна, что последний успел умереть до того, как историки обнаружили такого рода факты. Но позиция исследователя сказывается именно на том, принимает ли он определенную версию, или начинает ее проверять, искать свидетельства "за" и "против". Будучи сторонником Фрейда, Браун принимает "официальную" для Международной психоаналитической ассоциации историю. Более того, вполне вероятно, что даже зная о существовании расходящейся с этой версией интерпретации, он не стал бы ее излагать. В вышедшей недавно 1000-страничной биографии Фрейда, которую написал П.Гэй, прекрасно знающий о существовании документальных свидетельств от-

носителем случаев “Анны О.” и “маленького Ганса”, они истолковываются по-прежнему вслед за Джонсом и самим Фрейдом.

Помимо множества подобных частных случаев, где историк, не являющийся сторонником фрейдизма, видит события иначе, чем его представитель, имеется одно общее отличие. И те, и другие говорят о роли Фрейда в истории как психоанализа, так и науки в целом. Не все психоаналитики применяют к самому создателю психоанализа его излюбленный метод объяснения художественного и научного творчества конфликтами раннего детства. Следуя логике самого Фрейда, научные открытия совершают люди, проявлявшие незаурядный “сексуальный интерес” в возрасте 2-3 лет, который затем “сублимировался” и стал научным. Браун к такого рода спекуляциям не прибегает. Он достаточно подробно пишет об особенностях американского и английского психоанализа в связи с социально-культурными детерминантами, но не распространяет этот подход на Фрейда и его первых последователей. История психоанализа для него является прежде всего историей научного познания. Но на нее можно смотреть и в иной перспективе.

Если так называемый “интернализм” является вполне разумной позицией, пока речь идет о математике и естествознании, то в случае психоанализа “внутренняя история” науки слишком тесно переплетается с “внешней историей”. Предметом психоаналитической терапии являются люди определенной эпохи со своими психическими расстройствами, жалобами и конфликтами. Они отличаются от проблем и расстройств у бразильских индейцев или обитателей Полинезии. Объектом психоаналитической теории и практики служат люди одной из цивилизаций, вернее даже — одного из этапов развития западной цивилизации. Этот тезис не ведет нас к релятивизму, поскольку не отрицает того, что мы можем оценивать высказанные психоаналитиками суждения как истинные или ложные по поводу именно этого объекта. Он указывает на границы психоаналитического подхода: когда сторонники Фрейда начинают расширять поле исследования до всего человечества, когда они истолковывают уже не симптомы своих пациентов, а

“комплексы” людей иных времен и культур, мы имеем все основания для сомнений.

В книге Брауна психоанализ предстает как одна из научных дисциплин, развитие которой определяется исключительно стремлением к чистому познанию и эффективности медицинской практики. Но психоанализ не случайно был назван самим Фрейдом “Движением”, которое постепенно перешло от расплывчатых и спонтанных форм к организации с жесткой системой правил. Еще в 1910 г. Фрейд думал о том, чтобы подключить уже родившееся психоаналитическое движение к “Международному братству за этику и культуру”, цели которого он разделял, включая и борьбу с авторитетом церкви и государства. Фрейд считал важнейшим делом воспитание политической, экономической и культурной элиты, которая могла бы управлять человечеством после того, как сумела овладеть своими собственными бессознательными побуждениями. Рационалистический идеал Фрейда со временем выродился в стремление расширить свое влияние на различные группы среднего и высшего классов. Идеалы часто весьма своеобразно обслуживают интересы: группе врачей и маргинальных интеллектуалов хочется видеть в себе носителей прогресса, а конкурирующие с ними группы нередко объявляются “реакционерами” и “мракобесами”. В отличие от революционных движений, вообще отвергающих существующий порядок, психоанализ был и остается реформистским движением, которое пытается завоевать поддержку истеблишмента. Оно ищет своих адептов в самых различных группах, поскольку его миссия формулируется предельно широко — оно несет общее благо всему человечеству.

Социальные движения чаще всего не обладают жесткой структурой с самого начала — она рождается в спорах и конфликтах, в борьбе за власть. Хотя заранее нельзя сказать, какие формы приобретет со временем только что возникшее движение, существуют неплохо изученные социологами закономерности превращения спонтанно возникающей группы в формально организованную группу. На первых стадиях вокруг лидера, выступающего в роли пророка или реформатора, образуется ядро будущего движения.

Как писал по поводу генезиса любого такого движения один из представителей символического интеракционизма в социологии: "В своем начале социальное движение слабо организовано и характеризуется импульсивным поведением... Однако по мере того, как социальное движение развивается, его функционирование, поначалу бывшее распыленным, стремится стать организованным, собранным и постоянным... На стадии формализации движение становится более четко организованным различными правилами, политикой, тактикой и дисциплиной".* Из пророка лидер должен стать неким подобием государственного деятеля, а затем, на стадии институционализации, он превращается в администратора. Эволюцию такого рода мы хорошо знаем по марксизму: от пророка-Маркса, через вождя-Ленина к какому-нибудь члену Политбюро, являющемуся просто высокопоставленным бюрократом. Харизма со временем неизбежно выветривается, а управлять тем, что успела захватить данная группа, должны администраторы, ссылающиеся на высший авторитет, на Истину, которую оставил им пророк. Особенностью психоанализа было то, что Фрейд почти четыре десятилетия совмещал эти роли. Чаще бывает так, что один из "пионеров" получает статус своего рода "государя", тогда как "теоретик" работает рука об руку с "администратором". Иначе говоря, изменения в области теории, которые рассматриваются Брауном, находятся в корреляции с эволюцией психоанализа как социального движения. В терминах Т.Куна, психоанализ стал "нормальной наукой": члены Международной психоаналитической ассоциации учатся по выверенным программам в учебных институтах, осваивают, а затем применяют на практике не вызывающие сомнений и не требующие перепроверки теории и методы.

Именно этот переход от "шума и ярости" споров первого этапа существования психоанализа к устойчивой "парадигме" хорошо описан в книге Брауна. Далеко не все выдвинутые Фрейдом положения вошли в эту "нормальную нау-

* Г.Блумер. Коллективное поведение// Американская социологическая мысль, М., МГУ, 1994, с. 198-199.

ку". Несмотря на весь его авторитет, большинство психоаналитиков не приняло учение об "инстинкте смерти" и отказалось пересматривать многие тезисы метапсихологии в духе поздней спекулятивной натурфилософии Фрейда. Не только неофрейдисты, но и представители "эго-психологии" пересмотрели механистическое учение Фрейда о влечениях. К "Оно" у психоаналитика нет иного доступа, как через "Я", да и интересуют его не влечения как таковые, но их место в конкретной жизни пациента, который приходит к аналитику уже определенным образом сжившись со своими конфликтами — в его психике возникли "защитные механизмы", "компромиссные формации". Эти идеи, впервые прозвучавшие в книге Анны Фрейд "Я и защитные механизмы", получили развитие в трудах теоретиков "эго-психологии" (Гартмана, Рапопорта, Криса), которые объявили "вторичные процессы" в "Я" автономными от влечений. Эти идеи способствовали соединению психоанализа с академической психологией, психиатрией и социальными науками, но особенно важны они были для пересмотра некоторых сторон психотерапевтической техники. Целью психотерапии становится адаптация пациента к среде путем усиления "Я", которое предстает уже не как пассивный наблюдатель, помещенный между "Оно", "Сверх-Я" и внешним миром. Сила "Я" заключается в способности решать проблемы и конфликты, и именно эти высшие психические функции получают поддержку со стороны аналитика.

Противники "эго-психологии" не раз писали о том, что этот "американизированный" вариант психоанализа есть школа конформизма: идеал "адаптации" означает снятие конфликта за счет приспособления к существующим социальным и политическим институтам. С этих обвинений по адресу Международной психоаналитической ассоциации начинались чуть ли не все "бунты" против фрейдистской ортодоксии в последние десятилетия. Стоит заметить, что наиболее интересные идеи высказывались за пределами этой официальной ассоциации, к которой принадлежит сегодня подавляющее большинство психоаналитиков в Европе и особенно в США. Как с сожалением говорил недавно известный историк психоанализа, упоминавшийся выше

биограф Фрейда П.Гэй, из 25 тысяч нынешних аналитиков-фрейдистов в США лишь немногие продолжают интересоваться искусством, философией, социальными или политическими проблемами. "Единственной истинной их заботой являются деньги", причем Фрейда они упрекают в том, что тот "игнорировал" этот важнейший вопрос — обильного вознаграждения*. Разумеется, отсутствие оригинальных философских идей восполняется кропотливой исследовательской работой по частным проблемам психологии и психиатрии — ежегодно выходят сотни монографий и статей в многочисленных издательствах и журналах фрейдовской ассоциации. В последние десятилетия члены этой ассоциации стали значительно более открытыми как академической науке, так и другим направлениям психотерапии. В частности, такой представитель "эго-психологии", как Э.Эриксон, выдвинул оригинальную концепцию "идентичности", которая получила широкую известность в 60-70-е гг. Тем не менее, наиболее оригинальные концепции не случайно возникали за пределами фрейдизма.

Каждая из этих концепций заслуживает самостоятельно и подробного освещения, а даже самое поверхностное описание возникших в последние десятилетия учений потребовало бы книги, равной по объему труду Брауна. Я попытаюсь дать предельно краткий обзор тех доктрин, которые получили известность за то время, которое прошло с момента выхода книги Брауна.

Некоторые из них возникли еще в 30-е гг., но широкое хождение получили только через несколько десятилетий. Это относится прежде всего к "фрейд-марксизму", основные идеи которого были сформулированы уже В.Райхом. Его книги получили огромную популярность среди бунтующих студентов конца 60-х гг., но теоретически господствовала другая версия "фрейд-марксизма", предложенная представителями Франкфуртской школы, прежде всего Г.Маркузе в работах "Эрос и цивилизация" и "Одномерный

* См. P.Gay. Les maquereaux de la psychanalyse. Rencontre avec le biographe américain de Freud. "Le Nouvel Observateur", Special Freud, N 1404, 3-9 octobre 1991, p.28.

человек". В несколько измененном виде та же концепция предстала в ранних трудах Ю.Хабермаса, который видел в психоанализе "эмансипативную науку", отличающуюся по своим методам и от естествознания, и от исторических наук. К этой концепции в ФРГ примыкала теория "глубинной герменевтики" А.Лоренцера, в которой отдельные тезисы Франкфуртской школы сочетались с другой традицией пересмотра метапсихологии Фрейда, также возникшей в 30-е гг. Речь идет об экзистенциальной или герменевтической интерпретации основоположений психоанализа, начало которой положили труды Л.Бинсвангера, следовавшего за "Бытием и временем" Хайдеггера. В 60-е гг. эта трактовка получила немалую популярность не только в Европе, но и в США, где основным пропагандистом "экзистенциального психоанализа" был Р.Мэй. Еще более ориентированной на феноменологическую онтологию и герменевтику Хайдеггера была школа М.Босса, которая до сих пор сохранила определенное влияние — существует небольшая, но довольно влиятельная в Швейцарии и ФРГ ассоциация *Daseinsanalyse*. В 60-70-е гг. к экзистенциально-феноменологической трактовке психоанализа склонялись многочисленные представители различных вариантов "гуманистической психологии"

Во Франции феноменологическая психология пересекалась с психоанализом не столько в трудах самих психоаналитиков или использовавших идеи Фрейда психиатров, сколько в работах философов — Ж.-П. Сартра и М.Мерло-Понти. Но здесь на смену сартровскому "экзистенциальному психоанализу", оказавшему определенное влияние за пределами Франции (прежде всего на "антипсихиатрию" Р.Лэйнга и Д.Купера), быстро пришел "структурный психоанализ" Ж.Лакана, воздействие которого на интеллектуальный "климат" во Франции было огромным. До сих пор, несмотря на раскол ассоциации сторонников Лакана, во французском психоанализе господствующее положение занимает именно эта доктрина. Хотя Лакан постоянно повторял "Назад к Фрейду!", подвергая критике "эго-психологию", его учение представляет собой еще более радикальную дебиологизацию психоанализа. Если подлинным предметом аналитика является "символическое", а "бессозна-

тельное структурировано как язык”, то вся фрейдовская теория влечений неизбежно пересматривается. Любопытно то, что единственная во Франции последовательная интерпретация учения Фрейда в духе герменевтики осуществлялась П.Рикером в то время, когда он сотрудничал с Лаканом (правда, как вскоре оказалось, позиции этих двух мыслителей радикально расходились).

Разумеется, все эти годы существовали и существуют описанные в книге Брауна ассоциации “ранних схизматиков” и “ревизионистов”. В разные годы появлялись различные школы: отколовшиеся от фрейдизма в 30-40е гг. немецкие психоаналитики до сих пор образуют особую ассоциацию, какое-то время в Австрии была популярна “Третья венская школа” (В.Франкль, И.Карузо и др.) и т.д. Одни из них утратили почти всякое влияние (индивидуальная психология Адлера), другие сохранились как небольшие группы, вроде Международного общества Э.Фромма. Как и следовало ожидать от последователя Фрейда, у Брауна мы находим в третьей главе не только критичную оценку воззрений Юнга, но и слова о том, что юнгианство “зашло в тупик”. Правда, в последней главе книги он замечает, что последователи Юнга образуют единственную ассоциацию из ранее отколовшихся от фрейдизма, которая сохранила известное влияние. Но это Браун связывает с увлечением немалого числа людей всякого рода оккультными феноменами — к психологии и психиатрии все это не имеет ни малейшего отношения. Последние десятилетия показали, что юнгианство не просто выжило, но с каждым годом число его сторонников увеличивается, а вместе с тем возникают все новые учебные институты (более 10 в США, 3 института в Италии и т.д.), журналы и издательства. Кстати, теоретическая и практическая подготовка в юнгианской ассоциации мало чем отличается от фрейдистской (если не брать несколько фундаментальных положений); что же касается “научности”, то и теории Юнга, и Фрейда, и большинство других психоаналитических концепций все больше расходятся с современными науками о человеке.

Однако не эти имеющие уже сравнительно долгую историю учения пользуются сегодня популярностью, которая объ-

ясняется в первую очередь пристальным вниманием средств массовой информации. Психоаналитическая составляющая легко вычленяется в двух идейных образованиях, которые, конечно никак не сводятся к учению о бессознательном или определенной технике лечения неврозов. Я имею в виду феминизм и постмодернизм, которые включают в себя не только психоаналитическую терминологию, но и многие наработанные в различных вариантах психоанализа подходы. Хотя сам Фрейд был сциентистом и держался весьма патриархальных убеждений, сегодня с помощью его идей осуществляется “подрыв” уже не капитализма, как то было у увлеченных марксизмом психоаналитиков в 60-70-е гг., а “логоцентризма”, “модерной” идентичности, “патриархатной” культуры и т.п. Конечно, “постмодернисты” опираются на труды “новых левых”, да и современный феминизм возникал не без воздействия социалистической идеологии. Психоанализ чаще всего используется в обоих случаях не просто дилетантски, но и идеологически, как средство “разоблачения” противника, у которого так легко обнаружить вытесненные влечения. Разумеется, к такого рода “дискурсам” ни то, ни другое идейное течение не сводятся. В любом случае, сегодняшние дискуссии о психоанализе неизбежно предполагают знакомство с трудами, скажем М.Фуко и Ж.Делёза, которые весьма критично оценивали метапсихологию Фрейда, но без которых трудно себе представить способ мышления многих сегодняшних психоаналитиков.

Естественно, подобный обзор не только неполон, но даже, вероятно, способен исказить реальную картину современного психоанализа. Если зайти в книжный магазин, торгующий исключительно психоаналитической литературой, то обнаруживается, что “модные” книги, обращенные к широкой публике, составляют все же сравнительно небольшую часть той интеллектуальной продукции, которую дает психоаналитический “цех”. Основная часть работ, которые пишут психоаналитики по-прежнему связана не с литературой и религией, политикой и философией, а с лечением разнообразных психических заболеваний, с теми затруднениями и конфликтами, которые испытывают наши современники. Огромной заслугой Фрейда было то, что он

был одним из первых, кто стал систематически разрабатывать методы психотерапии. Хотя уже тогда имелись конкуренты, в тот период, который описывается в книге Брауна, господство психоанализа не вызывало никаких сомнений ни у самих аналитиков, ни в массовом сознании, которое иной раз вообще отождествляло психоанализ и психотерапию в целом (а иной раз и всю психиатрию). Сегодня на рынке услуг такого рода наблюдается острая борьба различных школ. Если Браун в конце книги высказывал опасение, что психоанализу угрожает стремление многих врачей лечить невроты исключительно с помощью фармацевтических средств, то сегодня ему грозит, скорее, распространение тех психотерапевтических школ, которые предлагают значительно более быстрое исцеление. Курс психоаналитического лечения по-прежнему длится несколько лет, а пациент должен 4-5 раз в неделю на час ложиться на кушетку психоаналитика. При этом никто не может достоверно утверждать, что юнгианец, у которого средний курс лечения втрое короче, чем у фрейдиста, лечит менее эффективно, а сторонник НЛП или гештальт-терапии, справляющийся в десятки раз быстрее, добивается худших результатов. Даже если не брать любителей "short-term methods" с лозунгами, вроде "cure yourself in one weekend", психоанализ сталкивается сегодня с серьезной конкуренцией других психотерапевтических школ. Если еще два десятилетия назад при всех различиях в теории методы лечения у аналитиков различных направлений были схожими, то сегодня в ход идут позаимствованные у других направлений психотерапии практики и техники, которые, по существу, несовместимы с классическим психоанализом. Так что не полагающиеся на таблетки психиатры, и не разного рода "ревизионисты" пересматривающие метапсихологию и выдвигающие оригинальные философские идеи, угрожают существованию психоанализа. Он возможен и эффективен только в виде частной практики, характеризующейся особыми отношениями врача и пациента. Попытки перенесения психоанализа в клиническую психиатрию редко бывали успешными, тогда как психотерапевтическая помощь в государственной или муниципальной клинике почти никогда не происходит по

канонам психоаналитической техники. Любой налогоплательщик, содержащий государственную медицину, и любой платящий до 10% своих доходов в кассу страховой медицины индивид может задаться вопросом: должен ли он оплачивать из своего кармана расходы того, кто на протяжении 4-5 лет по несколько раз в неделю ходит к психоаналитику? Притом, что каждая неделя изымает из страховой кассы больше, чем серьезная полостная операция. У психоаналитиков могут лечиться люди со средствами и средствами немалыми. Раньше многие психоаналитики вообще требовали, чтобы их пациенты во время психоанализа не работали, имея независимые от труда по найму средства. Сегодня высокооплачиваемых “белых воротничков” среди пациентов стало больше, чем классических собственников, и подобные требования (еще распространенные в 50-60-е гг.) не принимаются во внимание. Пациентами являются почти исключительно представители “старого” или “нового” среднего класса, но вовлечение в психоанализ все большего числа лиц, живущих на зарплату, пусть даже высокую, приводит к растущему вмешательству государства и контролю со стороны органов страховой медицины. Психоаналитики должны либо соглашаться на это, либо их пациентами останется относительно уменьшающееся число лиц “свободных профессий” и рантье. Эти условия благоприятствуют конкурентам, предлагающим более быстрый курс лечения.

Какой бы ни была судьба психоанализа в следующем столетии, 20 век был в том числе и веком психоанализа: средний американец и европеец до сих пор продолжает себя узнавать в портрете, набросанном Фрейдом и дорисованном его многочисленными последователями. Психоанализ остается одной из наиболее влиятельных школ в психологии, а о его воздействии на литературу, искусство, культуру в целом было необычайно велико. Принимаем мы основные тезисы Фрейда или отвергаем их, знакомство с этим кругом идей оказывается обязательным для любого гуманитария или даже просто грамотного современника, понимающего, что в прочитанной им книге или в просмотренном им фильме — про тот или другой “основной инстинкт” — используются позаимствованные у Фрейда

схемы. Вряд ли по этой популярной историко-научной работе читатель узнает что-либо о собственной или чужой душе — для этого существуют другие труды (да и по ним мы не так уж много по этому поводу узнаем); со своей задачей автор справился вполне удовлетворительно — книга Брауна дает неплохой обзор основных идей Фрейда, его ближайших сподвижников и оппонентов.

В издательствах “Рефл-бук” и “Ваклер”

вышли в свет:

в серии

“Библиотека Эзотерической литературы”:

ФУЛКАНЕЛЛИ

“Тайны готических соборов”

Дж. КУНЦ

“Магия камней”

Х.ПАТЕРСОН

“Кельтская астрология”

Т.ЭНДРЮС

“Магия танца”

О.ДИКСОН

“Символика чисел”

А.БЕЗАНТ

“Исследование сознания”

Э.ШЮРЕ

“Божественная эволюция”

в серии

“Созвездие мудрости”

О.ХАКСЛИ

“Вечная философия”

Дж.КЭМПБЕЛЛ

“Тысячеликий герой”

в серии
"Актуальная психология":
Сборник
"Высшее сознание"
Р.ДЖОНСОН
"Сновидения и фантазии"
ЮНГ НОЙМАНН
"Психоанализ и искусство"
М.ЭЛИАДЕ
"Мифы, сновидения и мистерии"
Г.АДЛЕР
"Лекции по аналитической психологии"
Н.Ф.КАЛИНА
"Основы юнгианского анализа сновидений"

"Психология цвета" сб.
АССАДЖОЛИ
"Психосинтез"
А.МАСЛОУ
"Психология бытия"
К.РОДЖЕРС
"Клиентоцентрированная терапия"
О.РАНК
"Миф о рождении героя"
К.Г.ЮНГ
"Психология и алхимия"
К.Г.ЮНГ
"AION"
К.Г.ЮНГ
"Синхронистичность"

Ролло Мэй

Любовь и воля

Ролло Мэй – один из самых известных в мире психиатров, удостоенный Золотой медали Американской психологической ассоциации, отмечающей “изящество, остроумие и стиль” его книг, неоднократно попадавших в списки бестселлеров.

Предлагаемая книга содержит блестящий анализ любви и воли как фундаментальных измерений человеческого бытия в их исторической перспективе и актуальной феноменологии. Автор убедительно демонстрирует: расширение горизонтов сознания достижимо только на пути возрождения единства любви и воли, в котором можно найти новые источники смысла существования в нашем шизоидном мире.

К.Г.Юнг

Психология переноса

В книге впервые представлены лучшие терапевтические работы К.Г.Юнга, в частности - "Шизофрения", "Практическое использование анализа сновидений", а также монография "Психология переноса", в которой он на базе алхимического трактата рассматривает принципы и теорию переноса и контрпереноса, их природу и символизм, дает ценные терапевтические советы.

Пер. 7Б, суп. 304с., 13 ил. Джеймс Браун

О.Хаксли

Вечная Философия

Блестящий обзор духовного наследия всех мировых религий, подкрепленный выдержками из канонических текстов, принадлежащих к различным религиозным традициям, изложенный мастерским пером эрудита, интеллектуала и признанного стилиста Олдоса Хаксли, дает великолепное представление по таким проблемам, как самопознание, просветление, свобода воли, нисхождение благодати и другим аспектам, связанным с высшим сознанием

Джозеф Кэмпбелл

Тысячеликий герой

Книга Кэмпбелла -- классическое исследование мифологии на основе психоанализа, дающего ключ к тайнам языка символов, общего для мифов всех мировых культур с их архетипическим героем.

Переходя от психологической плоскости анализа к метафизической, Кэмпбелл представляет героическое путешествие как космогонический цикл. Пройдя через испытания инициации, преодолев порог между бытием и ничто, герой как воплощение микрокосма и макрокосма растворяется в Высшей Самости, тем самым завершая свой путь.

По вопросам оптовой закупки книг издательств
“REFL- book” и “Ваклер” обращаться

г.Москва,

издательство “REFL- book”,

ул.Гиляровского, д.47 тел./факс.(095) 281-70-15

г.Санкт-Петербург, издательский дом ПЭТ
тел. 218-66-52

г.Донецк, “Классика”
(0622) 93-07-17

г.Киев, издательство “Ваклер”

бул Леси Украинки, 34 тел (044) 295-56-14
факс. (044) 295-49-94

Дж Браун. Психология Фрейда и постфрейдисты.
Пер. с англ. — М.: «Рефл-бук»; К.: «Ваклер», 1997. — 304 с.
Серия «Актуальная психология».

ISBN 5-87983-027-6, серия
ISBN 5-87983-059-4 ("Рефл-бук")
ISBN 966-543-002-5 ("Ваклер")

В книге дается блестящий обзор психологии Фрейда и постфрейдистских течений — К. Хорни, Э. Фромма, С. Салливана и других. Особенно ценным представляется сравнительное описание различных подходов, в т.ч. европейского и американского.

Книгу удачно дополняет статья А. Руткевича о современном состоянии психоанализа.

УДК 159.9.019
ББК 88.8

Научное издание
Дж. Браун
Психология Фрейда и постфрейдисты

Художественный редактор В.В. Чутур
Технический редактор Н.В. Мөсюренко
Ответственный за выпуск Л.Н. Захаренко
Компьютерная верстка А.Ю. Чижевская

Подписано в печать 15.09.97 г. Формат 84х108/32. Бумага типографская. Гарнитура журн.-рубленая. Печать с ФПП. Печ. листов 9,5. Тираж 7500. Заказ 7-914.

Издательство «Рефл-бук», Москва, 3-я Тверская-Ямская, 11/13
Лицензия ЛР № 090069 от 27.12.93 г.

Отпечатано с компьютерного набора на Головном предприятии республиканского производственного объединения «Полиграфкнига», 252057, Киев, ул. Довженко, 3.

В книге дается блестящий обзор психологии Фрейда и постфрейдистских течений - К. Хорни, Э. Фромма, С. Салливана и других. Особенно ценным представляется сравнительное описание различных подходов, в т.ч. европейского и американского.

Книгу удачно дополняет статья А. Руткевича о современном состоянии психоанализа.

